

Литература

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС
(РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ)

УДК 821.161.1.09(075.3)
ББК 83.3(2Рос)я721
В68

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(Приказ Министерства образования и науки Украины
от 10.05.2016 № 491)

**Издано за счет государственных средств.
Продажа запрещена**

Эксперты, которые осуществили экспертизу учебника во время проведения конкурсного отбора проектов учебников для учащихся 8-х классов общеобразовательных учебных заведений, сделали вывод о целесообразности присвоения грифа «Рекомендовано Министерством образования и науки Украины»:

Жерибор В.Н., методист районного методического кабинета отдела образования Козелецкой райгосадминистрации Черниговской области;

Казаков И.Н., заведующий кафедрой русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета, доцент, кандидат филологических наук;

Панкратова Н.В., учитель общеобразовательного учебного заведения № 25 г. Киева, учитель-методист.

Волощук Е.В.

В68 Интегрированный курс : Литература (русская и зарубежная) : учеб. для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Е.В. Волощук, Е.М. Слободянюк. — Киев : Генеза, 2016. — 288 с.

ISBN 978-966-11-0698-6

В учебнике представлены художественные произведения, изучение которых предусмотрено программой. Предлагается информация о жизни и творчестве писателей. В занимательных рубриках авторы поясняют теоретические понятия и литературоведческие термины, предлагают исторические справки, реализуют межпредметные связи. Вопросы и задания помогут восьмиклассникам всесторонне ознакомиться с художественными текстами. Учебник обеспечивает развитие читательских компетенций учащихся.

УДК 821.161.1.09(075.3)
ББК 83.3(2Рос)я721

ISBN 978-966-11-0698-6

© Волощук Е.В.,
Слободянюк Е.М., 2016
© Издательство «Генеза»,
оригинал-макет, 2016

Дорогие восьмиклассники!

Работая с учебником, вы откроете для себя целый ряд замечательных произведений русских и зарубежных писателей, которые обогатят ваши представления о мире и о себе. Внимательно прочитайте и понять эти произведения вам помогут предложенные рубрики:

«**Литературоведческая закладка**» знакомит с определениями литературоведческих понятий, которые следует выучить на память.

«**Комментарий литературоведа**» раскрывает секреты построения литературных произведений и секреты мастерства писателей.

«**Комментарий архивариуса**» освещает вопросы, касающиеся истории написания и публикации литературных произведений, а также исторических событий, на фоне которых развивается сюжет и действуют персонажи.

«**Арт-салон**» рассказывает о произведениях музыки, живописи, скульптуры, театра, кино и мультипликации, созданных на основе прочитанных вами художественных текстов.

«**Литературный навигатор**» будет вашим проводником в читательских странствиях – в нём даётся краткая информация о художественных произведениях, которые вам предстоит прочитать самостоятельно, вопросы и задания для такого чтения.

Для работы над новым материалом предусмотрены следующие рубрики:

«**Литературная разминка**» помогает вспомнить ранее изученный материал, необходимый для усвоения новой темы.

«**Перед чтением**» нацеливает на восприятие художественного произведения, которое следует прочитать.

К информационным и художественным текстам в учебнике предлагаются вопросы и задания для индивидуальной работы и работы в парах и группах. Есть среди них вопросы и задания, направленные на развитие читательской фантазии, умения вести дискуссию по литературному произведению. Они помогут реализовать ваши творческие способности, углубить знания по филологии, научиться решать сложные читательские задачи.

В конце разделов представлены итоговые вопросы и задания.

Перечисленные рубрики призваны сделать вашу работу над изучением программного материала максимально результативной и интересной.

Желаем вам успехов в этом увлекательном деле!

Авторы

Введение

«ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ»

В одном из стихотворений русского поэта XX века Бориса Пастернака есть строка, которая полно и точно определяет суть художественной литературы: «образ мира, в слове явленный». Это определение охватывает важнейшие признаки искусства слова. Разберём их по порядку.

1. Ключевой особенностью искусства и, в частности, искусства слова являются образы. В отличие от учёного, опирающегося на термины и формулы, художник мыслит образами, вкладывая в них свои мысли и чувства, свой опыт постижения жизни. Так, мучительное состояние ограниченности свободы, переживаемое Пушкиным в южной ссылке, вылилось в его стихотворении «Узник» в образы двух «пленников», связанных общей участью: лирического героя, сидящего «за решёткой в темнице сырой», и орла, томящегося в неволе. А характерные для Лермонтова настроения гордого изгнанничества – в образ «паруса», одиноко белеющего «в тумане моря голубом».

В образы превращаются в литературе не только переживания автора, но и элементы окружающей действительности. При этом, казалось бы, самые привычные вещи и явления нередко предстают в виде красочных поэтических картин, а слова, из которых такие картины создаются, приобретают блеск и изящество. Не случайно художественную литературу именуют «изящной словесностью».

2. Из образов в литературном произведении складывается художественный мир произведения («образ мира» по Пастернаку). Этот мир одновременно похож и не похож на окружающую действительность.

Похож, поскольку сохраняет черты правдоподобия, приближающие его к реальности; причём сохраняет их даже там, где изображаются самые невероятные события (ведь если бы фантастика не имела отношения к реальному человеку и его жизни, вряд ли кто-нибудь стал бы её читать). Не похож, поскольку в нём непременно присутствуют элементы вымысла; причём даже там, где произведение ориентировано на максимально точное воссоздание «правды жизни», то есть реальных фактов и документов.

С одной стороны, в художественном мире присутствует всё, что есть в реальности – природа, предметы, здания, люди, их занятия и отношения... С другой стороны, на нём лежит глубокий отпечаток мировосприятия, умонастроений, идей и психологических особенностей его создателя – автора произведения. Иными словами, этот мир представляет собой воплощённый в образах индивидуальный взгляд художника на жизнь. Поэтому у каждого по-настоящему талантливого писателя получается свой особый художественный мир.

3. Основной материал, из которого писатель творит свой художественный мир, – это слово («образ мира, в слове явленный», следуя за Пастернаком). Этим литература отличается от других видов искусств, работающих с «видимым» (краски, камень, жест) или «слышимым» (звук) материалом, который прямо воздействует на наши органы чувств. Образ, возникающий благодаря игре красок или комбинации звуков, мы воспринимаем непо-

В. Куш. Лунная соната

В. Куш. Книга книг

средственно в процессе созерцания картины или прослушивания мелодии. Словесный же образ непосредственному восприятию не подлежит. Само по себе слово, конечно, можно и «увидеть» (прочитав его буквенное обозначение), и «услышать» (когда его кто-либо произнесёт вслух), однако заключённый в нём смысл раскрывается только в нашем воображении. Это значит, что словесный образ в большей мере, чем, скажем, живописный, требует от нас духовного сотрудничества и сотворчества с его автором.

Изображая лица людей, внутреннее убранство комнат или пейзажи, литератор пишет «словами» картины так же, как пишет их красками художник. С этой точки зрения можно говорить о том, что литература тесно соприкасается с изобразительным искусством и даже некоторым образом «вбирает» его элементы. Конечно, словесные картины не обладают наглядностью произведений живописи. Зато возможности литературы простираются гораздо дальше тех границ, в которых существует изобразительное искусство. Ведь, в отличие от живописца, писатель воссоздаёт не только зримые стороны мира, но и не уловимые для кисти запахи, звуки, осязаемые свойства вещей. Кроме того, в рисунке предмет изображения «застывает», тогда как в литературном произведении он находится в движении. Художник может «поместить» на полотне только одну картину, тогда как писатель в произведении может быстро и легко переходить от одной картины к другой, охватывая огромные промежутки времени и части пространства.

Но главное – изобразительное искусство отображает лишь внешние проявления человеческого характера, запечатлевая их в жестах, позах, выражениях лиц. Литература же не только фиксирует такие проявления, но и раскрывает внутреннюю жизнь человека, всю её изменчивость и сложность. Эта особенность роднит литературу с музыкой и танцем, нацеленными на передачу тех или иных эмоциональных состояний. Однако в музыке и танце эмоции существуют как бы сами по себе, без связи с определёнными явлениями или событиями. Одна и та же мелодия, навеивая одно и то же настроение, порождает в воображении разных слушателей разные образы. А вот в художественном тексте переживания героя, его размышления над философскими, нравственными, религиозными, историческими, социальными и другими проблемами, как правило, на-

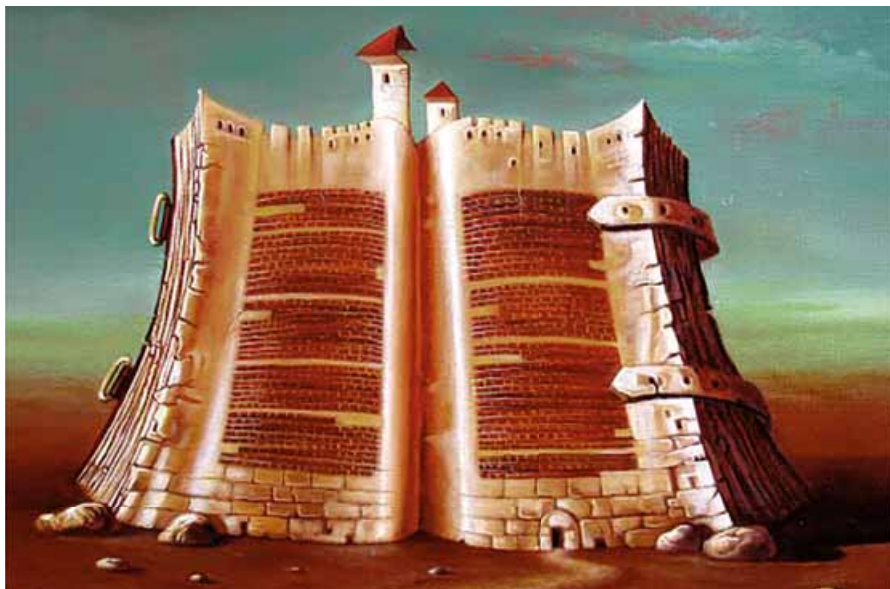
Р. Гонсалвес. Башни знаний

ходятся в тесной связи с конкретными событиями и картинами действительности.

Литература исследует глубины разума и души человека. Потому её называют «человековедением», а творчество писателя приравнивают к труду философа. При этом писатель «не рассказывает», а создаёт мир прямо на глазах читателя и в его воображении. Так творится волшебство, обозначенное формулой поэта, – «образ мира, в слове явленный».

Вся история человечества – это диалог. Диалог пронизывает всю нашу жизнь и, конечно же, культуру, ведь не существует изолированных культур. Культуры разных народов находятся в постоянном диалоге друг с другом, который получил новые возможности вместе с развитием кино, телевидения, Интернета, позволяющих преодолевать как географические, так и временные границы. Однако в диалоге культур, как и прежде, чрезвычайно важной остаётся роль художественной литературы, ведь художественное слово, как линза, фокусирует культурную информацию разных эпох и стран. Произведение культуры как бы живёт одновременно в двух временах – «малом» (сегодняшнее время) и «большом» (в потоке времени: вчера–сегодня–завтра–всегда). Наиболее значительные художественные произведения, воплощая достижения своей эпохи, становятся культурным достоянием всех времён и народов.

Таковым, например, является образ Прометея, героя древнегреческих мифов, которые вы читали в 6-м классе. Величие подвига Прометея сделало этот образ привлекательным не только для древних греков, но и для нас, так как он воплощает ум и силу духа, свободолюбие и величие подвига во имя счастья людей. Поэтому человечество вновь и вновь обращается к образу Прометея. Героя воспели Эсхил и Гёте, Байрон и Т. Шевченко, П.Б. Шелли, И. Франко и Леся Украинка. Он вдохновлял знаменитых мастеров кисти Микеланджело и Тициана, композиторов Бетховена, Листа и Скрябина.

Г. Приведенцев. Твердыня книги

Уже второе столетие не проходит интерес к литературному образу, созданному А. Конан Дойлом. Особым примером диалога культур среди видов искусства стала кинематографическая Шерлокиана. Первый фильм о Шерлоке Холмсе был снят ещё в 1900 г. в Нью-Йорке. Это, собственно, был фрагмент, который длился всего сорок пять секунд. Через сто лет после этой премьеры гениальный детектив успел появиться в двухстах одиннадцати фильмах, которые снимали в разных странах и на разных континентах.

Фильмы и сериалы о Шерлоке Холмсе, снятые уже в XXI веке, свидетельствуют, что интерес к этому образу ещё далеко не исчерпан.

Вспомним роман Д. Дефо «Робинзон Крузо». Эта книга породила целую робинзонаду – истории о людях, которые оказались за пределами цивилизации и выжили в суровых условиях полной изоляции. У Робинзона появилось множество двойников: они были разных национальностей, имели разные имена и профессии. Читатели из разных стран ждали от писателей сюжетов, столь же захватывающих, как и сюжет «Робинзона Крузо». Так одна замечательная книга породила целую лавину других, а её автор стал основоположником нового литературного жанра.

Роль произведений литературы в диалоге культур раскрывается особенно ярко и наглядно при их переводе на иностранные языки. Гениальный персидский поэт XI века Омар Хайям, с творчеством которого вы ознакомитесь в этом учебном году, стал известным европейскому читателю лишь в XIX в., когда появился первый перевод английского поэта Э. Фицджеральда. Европейцы были поражены энергией, глубоким содержанием, образным языком четверостиший восточного поэта. Они с восторгом повторяли мудрые мысли Омара Хайяма, организовывали различные ассоциации, клубы, общества поклонников его творчества. Восточная философия оказалась

удивительно созвучной европейской культуре, особенно в годы, ставшие для Европы временем особых испытаний. Историческим фактом является широкое распространение стихов Хайяма среди английских солдат Первой и Второй мировых войн.

Но почему гениальный поэт, живший в XI в., стал известным европейскому читателю лишь в XIX в.?

Произведения, имеющие непреходящую ценность, написаны на языках разных народов, поэтому не каждый может прочитать стихотворение, рассказ, поэму или роман на языке оригинала. Благодаря труду переводчиков многие произведения стали доступны заинтересованным читателям. Мы можем грустить и смеяться, сочувствовать и негодовать, удивляться и восхищаться, любить и ненавидеть, читая произведения Шекспира и Сервантеса, Ф. Шиллера и А. Мицкевича, Ж. Верна и Р. Брэдбери.

Чтобы перевод сохранил всю красоту и художественные качества первоисточника, необходимо хорошо знать не только язык, но и обычаи, традиции, характер народа, с языка которого он делается. Ведь существуют некоторые высказывания и понятия, которые дословно перевести нельзя. Поэтому переводчик является как бы соавтором переведённого им художественного произведения. «Почтовые лошади прогресса» – так образно назвал переводчиков А. Пушкин.

Диалог культур – основа для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие.

Сегодня диалог культур, в котором человечество стремится найти те общие ценности, которые, с одной стороны, выражают единство различных культур, а с другой – отражают их уникальность и неповторимость, продолжается. И наше с вами участие в этом диалоге – важное условие для самопознания: чем больше культур мы узнаём, тем лучше поймём сами себя и своё место в мире.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Подумайте, в каких отношениях находится литература с театром и кино. Кем они являются по отношению друг к другу: «родственниками», «партнёрами» или «соперниками»? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Подберите отрывки из литературных произведений и перекликающиеся с ними репродукции картин или записи музыкальных произведений. Объясните на этих примерах различия между литературой и другими видами искусств.

3. Рассмотрите репродукцию картины «Лунная соната» художника Владимира Куша (с. 5). «Лунная соната» – одно из самых популярных произведений немецкого композитора Людвиг ван Бетховена. Какие образы, созданные художником, вам наиболее близки? Какую книгу называют «Книга книг» (с. 5)? Какой увидел её живописец?

4. Рассмотрите репродукции картин Роберта Гонсалвеса «Башни знаний» (с. 6) и Геннадия Приведенцева «Твердыня книги» (с. 7). Как художники утверждают значимость книги в развитии культуры?

5. Раскройте понятие «диалог культур». Почему такой диалог так важен сегодня? Приведите свои аргументы.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ПОЭЗИИ
ВОСТОКА

Глава 1

«С ВОСТОКА СВЕТ»

«Сад роз»

Литературная разминка

Приведите примеры прочитанных вами произведений европейских, русских и украинских писателей, в которых использованы восточные мотивы и сюжеты.

«С Востока свет» – гласит древнее высказывание. Как только ни толковали его в разные эпохи! И какие только страны ни назывались в числе тех, что несут миру этот самый свет. Ведь разграничение Востока и Запада, в сущности, зависит от точки отсчёта. Для нас, жителей Украины, Восток охватывает Индию, Китай, Иран, Узбекистан, Японию и целый ряд других стран, расположенных к востоку от нашей страны. Однако китайцы некогда полагали, что находятся в центре мира, потому ту же Индию обозначали как западную его часть. А европейцы включают в число восточных стран Россию, которая себя таковой не считает и, в свою очередь, причисляет к восточным государствам, скажем, Армению или Таджикистан. Но как бы там ни было, существует давняя традиция разделения мировой культуры на западную и восточную ветви. Многоголовая, самобытная, изобилующая неразгаданными тайнами и россыпями глубокой мудрости восточная культура вот уже много столетий привлекает к себе пристальное внимание представителей западной цивилизации. Эта культура прокладывает свой особый путь к вершинам духовного развития человечества. Быть может, её богатейшее наследие и есть тот «свет», который имеется в виду в древнем высказывании.

Обширное место в восточном мире занимает арабская культура. В VII в. она пережила удивительный по стремительности и масштабности взлёт, когда арабские племена утвердили своё господство на территории от аравийских пустынь до берегов Ганга и Пиренейских гор, создав одну из самых мощных цивилизаций раннего Средневековья.

Её духовным фундаментом стала новая для арабских народов мусульманская религия (называемая также исламом и магометанством), опиравшаяся на священную книгу – Коран. В процессе строительства этой цивилизации произошло смешение обычаев племён-покорителей с традициями покорённых народов. Оно оказалось весьма плодотворным для культуры арабского мира. Яркий пример тому – персидская классическая литература. Возникнув на пересечении своих исконных истоков с новой (арабской) письменностью и новой же (мусульманской) религией, она вскоре превратилась, используя метафору одного из её творцов, в «сад роз», который цвёл на диво миру около пятисот лет. Лучшими его украшениями стали сочинения Рудаки, Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза и других талантливейших мастеров слова.

Есть в этом «саду» заветный уголок, где, источая пряные восточные ароматы, благоухает средневековая персидская лирика. Персы чтили поэзию как царицу искусств, а потому занимались ею со всей основательностью и полной самоотдачей. В персидской культуре она играла такую же

Персидская миниатюра XIII в.

первостепенную роль, как философия у древних греков или религия у древних евреев. Именно в лирике с максимальной полнотой раскрылся творческий гений персидского народа. Благодаря этому она смогла возвыситься до уровня культурного достояния мирового значения. И среди тех, кто силой своего дара способствовал её возвышению, был Омар Хайям – поэт, чья слава распространилась по всему миру, став частицей «света с Востока».

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Как вы думаете, почему восточная культура вызывает такой интерес у представителей западной цивилизации?
2. **Творческая работа.** Подготовьте краткое сообщение о творчестве Рудаки, Фирдоуси, Саади (по выбору).

«Я для знаний воздвиг сокровенный чертог»

Литературная разминка

Какой вы представляете восточную поэзию? Чем она, по-вашему, отличается от русской и украинской лирики?

Станным, окружным путём восходил на вершину мировой славы поэтический гений Омара Хайяма. Путь этот, порой терявшийся в дебрях безвестности, длился много столетий и таил в себе немало неожиданностей.

При жизни Хайям был знаменит, главным образом, как учёный. Его успехи в области математики и астрономии просто поразительны: за 500 лет (!) до европейских математиков Хайям вывел формулу, которая впоследствии на Западе получила название «бином Ньютона», а разработанный под его руководством солнечный календарь и поныне (!) удерживает пальму

Омар Хайям
(1048 – после 1123)

первенства по точности расчётов. Сегодня кажется почти невероятным тот факт, что средневековый звездочёт, осуществлявший свои подсчёты без сверхточных приборов, сделал открытия, на много столетий опередившие развитие мировой науки. Поэтому нетрудно представить, с каким восторгом воспринимали научные достижения Хайяма его современники. Впрочем, у себя на родине он слыл не только выдающимся учёным, но и смелым философом, великим мудрецом, уникальным эрудитом, а помимо этого – ещё и человеком, сведущим в высоко ценимых на Востоке искусствах врачевания и гадания по звёздам.

«Учёнейший муж века», «доказательство Истины», «Царь философов Востока и Запада» – таков далеко не полный перечень почётных званий, которыми наградили Хайяма земляки. Примечательно, однако, что не было в нём звания, которое бы отмечало литературные заслуги этой многогранной личности.

И неудивительно: Хайям-поэт был известен своим соотечественникам значительно меньше, чем Хайям-учёный или Хайям-мыслитель. Древние историки в своих записках обходили его поэтическое творчество стороной, в лучшем случае ограничиваясь беглыми замечаниями вроде того, что Хайям был автором «хороших арабских и персидских стихов». К тому же многие из его стихотворений со временем смешались с произведениями других авторов. Лишь после того, как в 1859 г. появилась книга хайямовских стихотворений, переведённых Э. Фицджеральдом на английский язык, Запад открыл для себя великого поэта Востока. Этот момент стал запоздалым стартом мировой литературной славы Хайяма.

Щедро осыпав Хайяма талантами и почестями, судьба, однако, поспешила одарить его счастьем. Полное имя поэта – Гийас ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям. Он родился в Нишапуре, на востоке Ирана. Вероятно, отец его был ремесленником. По крайней мере, на это указывает последняя часть полного имени поэта, использованная им в качестве литературного псевдонима: в переводе с арабского языка «хайям» означает «шьющий палатки». Обучаясь в медресе, высшем мусульманском учебном заведении, юноша получил основательные знания по математике, физике, астрономии, философии, правоведению, истории, медицине, стихосложению. В двадцатипятилетнем возрасте Хайям написал «Трактат о доказательствах проблем алгебры», который принёс ему известность.

За этим последовал почти сказочный поворот судьбы: молодой учёный получил приглашение в столицу Исфахан, где ему были предоставлены самая мощная обсерватория средневековья, группа «лучших астрономов века», а сверх того – покровительство Малик-шаха и главного визиря Низама-аль-Мулка, обеспечивавшее необходимую свободу исследований.

Переезд в столицу положил начало самому яркому периоду жизни Хайяма, увенчанному созданием знаменитого солнечного календаря и весомых трудов по математике и философии. Но счастливая звезда Хайяма закатилась: после с гибели высоких покровителей обсерватория была

Исфахан.
Школа дервишей Шах-Хуссаин

Мавзолей Омара Хайяма
в Нишапуре (Иран)

закрыта и учёный, безвозвратно утративший былое влияние, в полной мере испытал на себе силу зависти недоброжелателей и ненависти религиозных фанатиков. Слава блестящего математика уступила место небезопасной славе крамольного¹ философа, подозреваемого в вольнодумстве и даже вероотступничестве. Угроза преследований вынудила Хайяма быть осторожным, избегать публичных выступлений. В последние годы он вёл замкнутый образ жизни, ограничиваясь преподаванием в медресе и общением лишь с самыми преданными учениками и друзьями.

Стихи, которые много столетий спустя принесли ему мировую известность, Омар Хайям, по всей видимости, сочинял на протяжении всей жизни. Они были написаны в форме четверостиший, называемых *рубай*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Рубай – жанр восточной поэзии, который представляет собой законченное по смыслу и художественной форме четверостишие.

Жанр рубаи был чрезвычайно популярен в восточной литературе, но именно Хайям придал ему художественно совершенную форму. Древние переписчики произвольно соединяли стихотворения Хайяма с четверостишиями других поэтов. Так произошла путаница, в результате которой ему было приписано около двух тысяч стихотворений. Но только за сотней из них специалисты твёрдо признали авторство Хайяма.

Что же позволило учёным разделить хайямовские произведения от рубаи других поэтов? Рука мастера, которая превращала каждое четверостишие

¹Крамольный – от *крамóла*: заговор, мятеж.

в изящную поэму, отличающуюся особым смысловым наполнением и особым художественным исполнением. Для рубаи Хайяма характерно неповторимое сочетание силы чувств со смелостью мысли, масштабности поставленных философских вопросов с отточенной, как бритва, афористичностью поэтического языка. В качестве примера этих свойств лирики Омара Хайяма можно привести прославленное четверостишие, в котором с почти плакатной меткостью выражений поэт отстаивает ценность человеческого достоинства:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Перевод с фарси Г. Плисецкого

Но, пожалуй, наиболее существенным «показателем» принадлежности тех или иных рубаи Хайяму является их тематически-смысловое соответствие мироощущению поэта – своеобразному, неоднозначному, остро реагирующему на парадоксы жизни.

При поверхностном взгляде кажется, будто это мироощущение окрашено настроением радостного приятия мира:

Растить в душе побег унынья – преступленье,
Пока не прочтена вся книга наслажденья.
Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увы! Летят её мгновенья!

Перевод с фарси О. Румера

Под впечатлением таких стихов (а их у Хайяма немало) у неискущённого читателя может возникнуть представление об авторе как о жизнерадостном «весельчаке», воспевающим вино, любовь, красоту молодости. Но при более внимательном знакомстве с поэзией Хайяма это представление рассеивается, и читатель открывает в её создателе глубокого философа, размышляющего над самыми важными вопросами бытия. В чём состоит смысл быстротечной человеческой жизни? Что такое смерть? Почему Творец создал человека смертным, а мир – несовершенным? Почему в жизни царят несправедливые законы? Что нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым? Каковы возможности человеческого разума? В чём заключается мудрость? На таких вот вопросах, как на мощном фундаменте, возведён художественный мир Хайяма.

Не на все поставленные вопросы были найдены ответы. Если, скажем, рассуждая об истинных ценностях человеческой жизни, Хайям уверенно советует учиться отделять подлинные драгоценности от дешёвых подделок, то там, где речь заходит об устройстве мироздания или о тайственных силах, управляющих судьбами людей, он с горечью признаёт, что человеческому разуму не под силу разгадать главные загадки бытия:

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы,
Рассказали нам несколько сказочек на ночь –
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

Перевод с фарси Г. Плисецкого

М. Джафар. Музыкант с рубабом (ок. 1590)

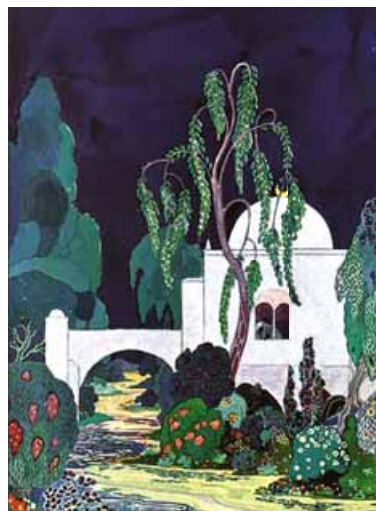

Иллюстрация Р. Бэлфура

С той же иронией «ученейший муж века» говорил и о самом себе:

Я для знаний воздвиг сокровенный чертог,
Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
Только знаю одно: ничего я не знаю!
Вот моих размышлений последний итог.

Перевод с фарси О. Румера

Однако не следует думать, что Хайям мирился с таким положением вещей. Напротив, его страстные вопрошания, ироничные замечания или воодушевлённые призывы ловить сладостные мгновения быстротечного бытия были пронизаны духом протеста против непостижимого даже для «светлейших умов» мироустройства, обрекающего человека на страдания и смерть. Этот дух протеста питался присущей Хайяму гуманистической верой в человека. Одним из самых вдохновенных, самых афористичных гимнов человеку, когда-либо слагавшихся на земле, звучит рубаи, в котором Хайям провозглашает:

Мы – цель и вершина Вселенной,
Мы – наилучшая краса юдóбли¹ бренной;
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нём, без сомнения, мы – камень драгоценный.

Перевод с фарси О. Румера

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Как сложилась судьба поэта? Чем прославился Омар Хайям при жизни? Назовите наиболее значительные его достижения.
2. Какие темы Омар Хайям освещал в своём творчестве? Раскройте связь между ними и мироощущением поэта.
3. Дайте определение жанру рубаи. Перечислите характерные черты рубаи Хайяма.

¹ Юдóль (устар.) – жизнь с её заботами и печальями.

Перед чтением

Читая подборку рубаи Хайяма, найдите в них автобиографические «следы».

* * *

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой – мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной – винного цвета,
Буйство страсти подобно её волосам.

Перевод с фарси Г. Плисецкого

* * *

Пришёл он, моего жизнекрушенья час;
Из тёмных волн, увы, я ничего не спас!
Джемши́да¹ кубок я, но миг – и он разбился;
Я факел радости, но миг – и он погас.

Перевод с фарси О. Румера

* * *

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
Ты беготне целый день подвергаешь меня.
Город заставишь обегать за чёрствый кусок,
Грязью за чашку воды обливаешь меня.

Перевод с фарси В. Державина

* * *

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего –
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

Перевод с фарси Г. Плисецкого

* * *

Мы источник веселья – и скорби рудник.
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, – многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик!

Перевод с фарси Г. Плисецкого

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие из прочитанных в этой главе рубаи вам понравились больше всего? Выразительно прочитайте их вслух.
2. Какие радости земного бытия воспевает поэт? Умеет ли, по вашему мнению, их ценить современный человек?
3. На какие несовершенства человеческой жизни указывает Хайям?
4. Какие грани внутреннего мира поэта раскрываются в рубаи? Подтвердите свой ответ цитатами.
5. Сформулируйте основные темы прочитанных четверостиший.

¹Джемши́д – в древних иранских сказаниях: легендарный царь, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

6. В рубаи «Мы источник веселья – и скорби рудник...» Хайям характеризует человека следующим образом: «Он ничтожен – и он же безмерно велик!». Считаете ли вы эту характеристику верной? Обоснуйте своё мнение.

7. **Работа в паре.** Обсудите философские вопросы, затрагиваемые в прочитанных рубаи. Как бы вы на них ответили? Подготовьте краткое выступление на эту тему.

8. Сформулируйте определение антитезы. Дополните ряд противопоставлений, на котором построено четверостишие «Мы источник веселья – и скорби рудник...», своими антитезами.

9. **Пофантазируйте!** Какой вам представляется чаша Джемшида? Что именно в ней должно отражаться?

10. Раскройте символическое значение образа чаши (кубка), а также смысл сравнения лирического героя с чашей Джемшида.

Комментарий литературоведа

Далеко не каждый ценитель стихов Хайяма догадывается о том, что в них скрыт иносказательный – тайный – смысл. Истолковать его не так-то просто: для этого нужно ориентироваться в культурных традициях средневекового Востока.

Так, во времена Хайяма возникло религиозно-мистическое учение под названием *суфизм*, оказавшее огромное влияние на арабский мир. Его последователи, суфии, утверждали, что Бог присутствует во всём, но ощутить это присутствие человек может только в состоянии особого мистического подъёма. Чтобы войти в такое состояние, следует отказаться от услуг разума, отбросить будничное и привычное мышление. А главными средствами его достижения, согласно суфизму, являются вино и любовь, изменяющие человеческое сознание.

Вполне возможно, что с этим учением был знаком и Омар Хайям. Во всяком случае, культ вина и любви, противопоставляемый в его поэзии бессилию человеческого разума, обнаруживает явное сходство с суфийскими идеями:

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами хочу ланит весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

Перевод с форси́ Г. Плисецкого

Вполне возможно также, что в стихотворениях персидского поэта отразился и иносказательный язык, которым пользовались суфии. На этом языке «вино» означало состояние мистического вдохновения и высшего счастья; «чаша» – меру человеческой жизни, а отмеряющий её виночерпий (или «саки») – Бога. Суфии зачастую представляли Творца также в образе гончара, который лепит сосуды или чаши.

Упомянутыми образами буквально переполнена лирика Хайяма, причём нередко их иносказательные значения выводятся на поверхность. Например, в некоторых рубаи поэт открыто проводит параллели между человеком и сосудом (или чашей), между вином и высшим наслаждением, между Творцом и гончаром.

Перед чтением

Читая рубаи, определите их темы.

* * *

Ужели бы гончар им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут!

Перевод с фарси *О. Румера*

* * *

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, –
Ни один разгадать её толком не смог.

Перевод с фарси *Г. Плисецкого*

* * *

Я – школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Всё ещё не зачислен в разряд мастеров...

Перевод с фарси *Г. Плисецкого*

* * *

Общаясь с дураком, не оберёшься срама.
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.

Перевод с фарси *О. Румера*

* * *

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Перевод с фарси *О. Румера*

* * *

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть.
Тогда благословить за счастье можно б небо.

Перевод с фарси *О. Румера*

* * *

Хорошо, если платьё своё без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо –
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

Перевод с фарси *Г. Плисецкого*

Р. Бадроссама (Иран). Иллюстрации к рубаи Омара Хайяма

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. В каких стихотворениях звучит протест лирического героя против неустроенности человеческой жизни и непостижимости мира? В чём этот протест проявляется? Приведите соответствующие цитаты.
2. Чем обосновано следующее заявление лирического героя: «Я – школяр в этом лучшем из лучших миров»?
3. **Работа в парах.** Выберите рубаи и обсудите, как бы вы его проиллюстрировали. В случае затруднений обратитесь к иллюстрациям Р. Бадроссама.
4. Какие ценные для себя советы вы нашли в прочитанных четверостишиях? Выпишите их в тетрадь. Каким из этих мудрых мыслей вы бы хотели следовать?
5. Выучите наизусть два-три понравившихся вам рубаи.
6. **Творческое задание.** Какие умозаключения поэта вы хотели бы оспорить? Обоснуйте свою точку зрения, приведите убедительные аргументы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

Хафиз (ок. 1325–1389 или 1390)

Хафиз – один из выдающихся персидских поэтов (*хафиз* дословно «знающий наизусть Коран»). Прозвище стало нарицательным – народный поэт – «певец». Стихи Хафиза отличаются совершенством формы и глубиной содержания. Красота, любовь, свобода чувств, радость жизни, страдания неразделённой любви, разоблачение лицемерия официальной морали – темы его стихов.

Одна из форм лирики на Востоке – газэли (стихотворение, состоящее из двустиший с особой рифмовкой). Главная тема газели – любовь и страдания лирического героя, сила и глубина его чувств, красота и нежность возлюбленной.

Однажды в стихотворении Хафиз пообещал отдать любимой Бухару и Самарканд за один приветливый взгляд. Как утверждает легенда, взбешённый

Персидская миниатюра
к дивану Хафиза

Тамерлан приказал схватить поэта. Одетый в лохмотья, тот предстал перед правителем. «Как ты додумался, безумный, дарить мой город?» – спросил тиран. «Увы, повелитель, именно так я и дошёл до такого состояния», – поэт показал на свои лохмотья. Остроумный ответ спас ему жизнь.

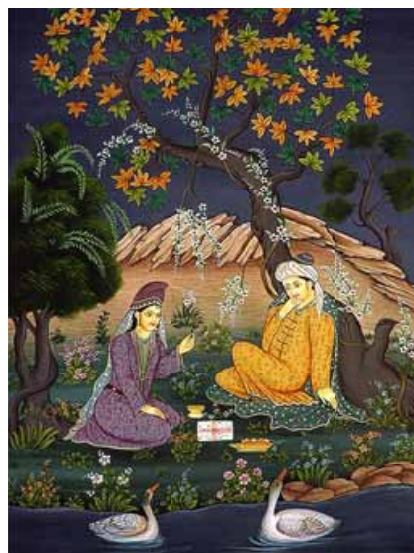
Сборники стихов на Востоке называют диваном. Знакомство с творчеством Хафиза вдохновило Гёте на создание цикла «Западно-восточный диван». А.С. Пушкин отдал дань восхищения поэту и всей персидской поэзии в стихотворении «Из Гафиза».

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Что ценит в жизни лирический герой Хафиза?
2. Какие чувства воспеваются в газелях этого поэта?
3. Придумайте историю любви героев, которые могли бы сказать друг другу слова из газелей Хафиза.
4. По сегодняшний день у мусульман остаётся популярным гадание по сборнику стихов Хафиза. Задайте и вы вопросы великому персидскому поэту.

Низами Гянджеви

(1141–1209)

Лейла и Меджнун играют
в кости. Восточная миниатюра

Глубина знаний одного из лучших персидских поэтов Средневековья Низами Гянджеви поражала современников. Он хорошо знал арабскую и персидскую литературу, разбирался в астрономии, химии, медицине, богословии, философии, ботанике, истории и математике. Но главное достижение Низами – его поэзия. Диван Низами состоял из двадцати тысяч стихотворных строк.

Стихи и поэмы Низами – это исповедь души. Многие стихи Низами посвящены его первой жене, «величавой обликом, прекрасной, разумной» рабыне Афак, которую поэт освободил. Герои его поэм «Хосров и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Искандернаме» известны и популярны как в восточных, так и в западных странах. В поэме «Лейла и Меджнун» рассказывается трагическая история влюблённых...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Как в стихах Низами передаётся сила любви?
2. Охарактеризуйте лирического героя прочитанных газелей Низами.
3. Какие оттенки чувств лирического героя изображает поэт? Какие художественные средства используются для этого в переводе?
4. Какой предстаёт возлюбленная в стихах Низами?

Глава 2

«ТОЛЬКО ТОТ ОЦЕНИТ РАДОСТЬ, КТО ПЕЧАЛЬ ПЕРЕЖИВЁТ»

«Если действовать не будешь, ни к чему ума палата...»

Литературная разминка

Кто из русских писателей интересовался Кавказом и, в частности, Грузией? Назовите его произведение, в котором действие происходит именно в этой горной стране.

Грузия – страна с древней и богатой историей, истоки которой берут начало в глубине тысячелетий. Выгодное географическое расположение на перекрёстке важных торговых путей, соединяющих север с югом, а восток с западом, определило её развитие.

XI–XII вв. – «золотой век» феодальной Грузии, когда она становится сильным государством и славится высокой культурой, впитавшей восточные, европейские и местные кавказские традиции. Этот период связан с правлением легендарной царицы Тамары (1184–1213), на которое приходится расцвет философии и науки, создание уникальных архитектурных памятников, развитие ювелирного дела и художественной обработки металла (чеканки), процветающих до сих пор. Яркими примерами самобытности средневековой грузинской культуры являются богатое народно-поэтическое творчество, многоголосное хоровое пение, блестящее хореографическое искусство.

Этот период ознаменовался также взлётом классической средневековой грузинской литературы. Её основоположником считается Шота Руставели, единственным произведением которого, дошедшим до нас из глубины веков, стала поэма «Витязь в тигровой шкуре».

Исторические сведения о жизни Руставели крайне скудны и полны загадок и тайн. Единственный источник биографических сведений о нём – вступление к «Витязю в тигровой шкуре».

Согласно легенде поэт родился в знатной семье на рубеже 60–70-х годов XII столетия в Месхетии на юге Грузии. И прозвище «Руставели» он, очевидно, получил по месту своего рождения в селе Рустави. Глубокие

Царица Тамара (фрагмент).
Фреска. Успенский собор
монастыря Вардзия.
Грузия. 1184–1185 гг.

Шота Руставели
(ок. 1172 – после 1216)

познания Шота Руставели, отразившиеся в произведении, говорят о том, что он был блестяще образован. Поэт владел арабским, персидским, греческим языками, знал восточную поэзию, был знаком с античной литературой и философией. После обучения в Греции Шота Руставели стал государственным казначеем при дворе царицы Тамары, которой и посвятил свою знаменитую поэму. По тому восхищению, с которым автор описывает свою госпожу, мы понимаем, что это не только почитание владычицы, но и светлая безнадёжная любовь.

Когда Руставели принёс царице Тамаре своего «Витязя в тигровой шкуре», она, чувствуя поэта, дала ему в награду золотое перо, чтобы поэт носил его на шапке. С этим пером и изображают Руставели все художники.

Остаётся неизвестным, что побудило поэта покинуть родину и длительное время оставаться в Палестине, помогая восстанавливать в Иерусалиме древний грузинский монастырь Святого Креста, где он умер и был похоронен. В самом монастыре сохранилась фреска – портрет первой половины XIII в. вельможи в светской одежде, а в надписи там же упоминается «Руставели».

«Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна...»

Гордостью грузинской письменности без преувеличения можно назвать поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Через века пронёс свободлюбивый грузинский народ своё любимое творение: оригинал поэмы был утрачен, но в течение пяти столетий она передавалась из уст в уста, бережно воспроизводилась переписчиками и была напечатана в 1712 г. царём Вахтангом VI, став первой светской книгой, вышедшей из грузинской типографии.

В Грузии нет ни одного человека, который бы не знал и не читал «Витязя в тигровой шкуре», а некоторые знают наизусть все полторы тысячи строк. Поэма Руставели в тяжелейший для Грузии исторический период сплотила вокруг себя нацию и стала краеугольным камнем национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Поэма – это крупное стихотворное произведение, основными чертами которого являются повествовательный или лирический сюжет и открытое выражение автором своих чувств, своего отношения к описываемому. Чаще всего в поэме изображены значительные исторические события и яркие человеческие характеры.

У «Витязя в тигровой шкуре» увлекательный сюжет. Поэма прославляет верную любовь и преданную дружбу. Герои проходят через ряд испытаний и препятствий, преодолевают многочисленные опасности. Рас-

сказывая о путешествиях и приключениях трёх отважных воинов Автандила, Тариэла и Фридона, Шота Руставели создаёт цельные запоминающиеся характеры.

Комментарий литературоведа

До сих пор остаётся спорным вопрос, откуда Руставели заимствовал сюжет своей поэмы. Сам автор заявляет, что переложил стихами персидское сказание, но персидский оригинал так и не найден. Современные учёные убеждены, что великий грузинский поэт сам придумал и сюжет, и героев поэмы, но, следуя распространённому обычаю, сослался на неведомый источник. Некоторые, сравнивая стихи грузинского поэта с народными песнями о Тариэле, придерживаются мнения, что в основе поэмы лежит народное творчество.

Комментарий архивариуса

В поэме «Витязь в тигровой шкуре» нашли отражение реальные исторические события XI–XII вв.: междоусобные войны феодалов, описание двора грузинской царицы, что делает «Витязя в тигровой шкуре» энциклопедией жизни средневековой Грузии. Все факты изложены с достоверными подробностями, которые мог знать только человек, непосредственно живший в то время. Например, «Витязь в тигровой шкуре» начинается сказанием о том, как царь Аравии Ростеван возвёл на престол единственную дочь – прославленную красотой и умом Тинатин. Подобное событие произошло в Грузии в конце XII в. Царь Георгий III, обеспокоенный тем, что у него не было сына-наследника, посоветовавшись с приближёнными и заручившись их поддержкой, ещё при жизни сделал царицей свою единственную дочь Тамару. В царстве Тамары нашли гармоничное сочетание европейская и восточная культура, что и отразилось в поэме.

Рыцари, какими их изображает Руставели, ценят дружбу, которой смерть не страшна, защищают любовь, для которой нет ничего невозможного. В образах рыцарей-побратимов Тариэла, Автандила и Фридона воплощены благородство, честь, мужество, справедливость. Они беззаветно преданы друг другу и сохраняют верность в любых обстоятельствах.

Побратимство араба Автандила, индийца Тариэла и мультгазанзарца Фридона символизирует дружбу разных народов. Рыцари, вернувшись домой со славой, заботятся о мире и процветании своих народов.

Кроме рыцарской дружбы, поэт воспекает возвышенную, трогательную любовь. Это искреннее человеческое чувство вызывает к жизни всё лучшее в человеке, побуждает к добрым делам и героическим подвигам, облагораживает душу.

Совершая героические поступки, рыцари руководствуются патриотизмом и высоким чувством любви, им не свойственны самоутверждение или самолюбование. Героическим порывом и доблестью завоёвывает Тариэл сердце избранницы, самоотверженностью, безукоризненным выполнением долга, самозабвенной преданностью правителю заслуживает доверие воз-

любленной Автандил. Бесстрашие и цельность характеров средневековых рыцарей вызывают восхищение.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Героическое в литературе – поэтическое изображение мужества, стойкости, самопожертвования, проявляемых героями ради достижения высоких общественных и нравственных целей, защиты идеалов добра и справедливости, утверждения духовной силы и благородства человека. Источниками героического могут быть защита родины, борьба против социальной несправедливости, поиски правды, покорение природы, чувство любви и дружбы.

К числу замечательных достижений поэмы Руставели относятся образы принцесс Тинатин и Нестан-Дареджан. В них отразилось представление автора об идеале женщины-правителя, который, намного опережая время, затрагивает проблему равноправия мужчины и женщины.

Комментарий литературоведа

Руставели написал всю поэму изящными, гибкими, звучными стихами, известными под названием «шаири»: строфа состоит из четырёх строк с однозвучной рифмой. Поэма Руставели состоит из 1637 строф, объединённых в 62 раздела, вступление и эпилог.

Есть у языка «Витязя в тигровой шкуре» одна особенность – афористичность. Поэма наполнена точными искромётными высказываниями, которые подчёркивают связь средневековой литературы с фольклором.

Переводчики поэмы на русский язык – Николай Заболоцкий, Константин Бальмонт и другие – постарались передать богатство, напевность и метафоричность поэтической речи оригинала. А украинский перевод «Витязя в тигровой шкуре» Н. Бажана считается одним из лучших. Грузинское название поэмы переводится как «Витязь в барсовой шкуре», ведь тигры на Кавказе не водятся.

«Как Гомер есть Эллада, Данте – Италия, Шекспир – Англия, Кальдерон и Сервантес – Испания, Руставели есть Грузия... Это лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана в Европе, радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю», – писал К. Бальмонт, первый переводчик поэмы на русский язык.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. В чём состоит своеобразие национальной грузинской культуры?
2. Что вы узнали о Шота Руставели? Какое место занимает творчество поэта в истории грузинской литературы?
3. Какое историческое событие нашло отражение в поэме «Витязь в тигровой шкуре»?
4. Дайте определение жанра поэмы.
5. Объясните, что такое героическое в литературе.

Перед чтением

Обратите внимание на детали, которые подчёркивают героическое поведение Автандила, Таризла и Фридона.

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

(Отрывки)

ВСТУПЛЕНИЕ

...Лев, служба Тамар-царице, держит меч её и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?
Косы царственной – агаты¹, ярче лалов² жар ланит.
Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит. (...)

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст её румяных под рубиновым покровом, –
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трёх героев лучезарных, трёх испытанных друзей. (...)

Эта повесть, из Ирана занесённая давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть её грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно. (...)

Стихотворство – род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух.
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу³ служит дальняя дорога,
Игроку – удар искусный, если мяч рассчитан строго.
Для певца же дело чести – ширь стихов, богатство слога.
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога. (...)

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою её усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала.
Чтобы дать о ней понятие, языка земного мало.
Дар небес – она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа её взалкала⁴. (...)

Должен истинно влюблённый быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,

¹ *Агáт* – полудрагоценный камень (применяется в технике и ювелирном деле).

² *Лал* – рубин.

³ *Иноходец* – лошадь, которая на шагу и рыси передвигается вперёд, поднимая сразу две ноги какой-либо стороны.

⁴ *Алка́ть* – здесь: сильно, страстно желать чего-либо.

Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счёт, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодеем не равняется она:
Блуд – одно, любовь – другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена. (...)

Плач миджнура¹ о любимой – украшение, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его, и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться не должна.

НАЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАВИЙСКОМ

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть её достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров², знатоков добра и зла,
И завёл беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой боли.
Завтра, если не сегодня, я умру по Божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избежать в сей юдоли³!
Пусть же дочь, моё светило, воцарится на престоле». (...)

Вазирь соглашаются с царём.

«Хоть и женщина, но Богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царицы светит миру, как денница⁴:
Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица».

¹ *Миджнур* (от араб. *меджнун*) – сошедший с ума от любви.

² *Вазир* – титул первых министров и высших сановников во многих восточных государствах.

³ *Юдоль* – здесь: перен. Место, где страдают, мучаются, терпят нужду.

⁴ *Денница* – утренняя заря.

И. Тoidзе. Охота Ростевана и Автандила

И. Тoidзе. Таризл у реки

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спасёт¹,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепелённый.
Розы щёк его бледнели в тишине уединённой,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаённой...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюблённый!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь всё больше, с каждой встречей ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!» (...)

Первый день прошёл в забавах. Пили, ели, пировали,
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» – перешептываться стали.

На пиру царь печален: он огорчён тем, что у него нет преемника в ратном деле.

¹ *Спаснёт* – главнокомандующий войсками государства.

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил. (...)

«Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.
Выходи ж на состязанье, государь, и видит Бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдёшь ты от расправы!
Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы». (...)

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперёд, за мною!
Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени.
Созерцая их проворство, люди были в изумленье. (...)

«Государь, – сказали слуги, – чтоб тебе не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь состязаться.
Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться...»

Царь забавной схваткой в нárды¹ посчитал событие это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спасета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета. (...)

АРАВИЙСКИЙ ЦАРЬ ВСТРЕЧАЕТ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряжение верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облачённый в шкуру тигра и в такой же шапке странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной.
«Что за странное виденье!» – думал царь со всей охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.
Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, простолюдин.

Произнести не мог ни слова чужеземцу раб смущённый.
Наконец, придя в сознание, он воскликнул, восхищённый:

¹ *Нáрды* – игра на специальной доске для 2 партнёров (у каждого по 15 фишек) с использованием 2 кубиков с числами от 1 до 6 на гранях. Цель – первым вывести свои фишки за пределы игрового поля.

«Царь велел»... И вновь умолкнул, безгранично удивлённый.
Но его не видел даже витязь тот иноплемённый.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи,
Неведомёк страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи. (...)

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:
«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружием, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидал войска вдали.
«Горе мне!» – сказал, и слёзы по лицу его текли.

И смахнул он эти слёзы, и отёр лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,
Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простёрли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьётся пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле брани.
Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился как Мерáни¹,
Приближенье государя заметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока, и всё исчезло – никого не видно боле:
Ни коня, ни чужестранца... Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились – но следы исчезли в поле.

Как их люди ни искали – не нашли. И царский стан
Порешил, что это демон напустил на них дурман.
Люди плакали по мёртвым, обмывали язвы ран.
«Час настал, конец веселью!» – скорбно молвил Ростеван.

¹ Мерáни – волшебный конь.

Тинатин советует отцу послать надёжных людей искать витязя по миру и разузнать, кто он. Гонцы исходили полземли, но так и не встретили чужестранца. Тинатин призывает Автандила в свои чертоги и велит во имя его любви к ней три года искать по всей земле таинственного незнакомца. Если он исполнит её просьбу, обещает отдать ему свою руку и сердце.

Безуспешно искал Автандил загадочного незнакомца, и наконец встретил путников, которые видели витязя, облачённого в тигровую шкуру. Два дня и две ночи преследовал Автандил витязя. Взобравшись на дерево и укрывшись в его кроне, Автандил увидел, как навстречу рыцарю вышла из чащи леса девушка, и, обнявшись, они рыдали о том, что так и не удалось найти некую прекрасную деву. Наутро витязь продолжил свои скорбные поиски.

Автандил, заговорив с девушкой, которую звали Асма, узнаёт, что загадочного рыцаря зовут Тариэл. Когда витязь в тигровой шкуре возвращается, Автандил и Тариэл приветствуют друг друга и становятся побратимами. Автандил первым рассказывает свою историю о любви к Тинатин. В ответ Тариэл рассказывает ему свою печальную историю.

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ТАРИЭЛА, РАССКАЗАННАЯ АВТАНДИЛУ ПРИ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ

(...) Семь царей когда-то были господами Индостана. Шесть из них своим владыкой почитали Фарсадана. Царь царей, богатый, щедрый, равный льву красую стана, Мудро правил он страню и сражался неустанно.

Мой отец, седьмой на троне, Саридан, гроза врагов, Управлял своим уделом, супостатов¹ поборов. Был счастливец он при жизни, весельчак и зверолов. Порицать его боялись и мудрец и суеслов².

Стал со временем родитель одиночеством томиться. Он подумал: «Враг мой сломлен, и крепка моя граница. Сам я, грозный и могучий, смог на троне утвердиться, – Пусть же будет мне оплотом Фарсаданова десница³». (...)

И посла он к Фарсадану снарядил, не медля боле: «Государь, велик и славен на индийском ты престоле! Я тебе мои владенья отдаю по доброй воле, Пусть об этом помнят люди, существует мир доколе».

В эти годы мой родитель был царю всего дороже. Царь твердил: «На целом свете нет достойнее вельможи!» Оба тешились охотой и врагов карали тоже. Мы с отцом, как вы со мною, друг на друга не похожи.

Горевали царь с царицей: не давал им Бог детей, Горевала и дружина, и народ индийский с ней.

¹ *Супостат* (устар.) – противник, враг.

² *Суеслов* – пустослов, пустомеля, балабол.

³ *Десница* – правая рука.

И. Тoidзе. Автандил в пути

И. Тoidзе. Встреча Тариэла с Автандилом

В это время я родился. Царь решил с женой своей:
«Будет он нам вместо сына, ведь и он – дитя царей».

Стал я жить в чертоге царском, окружённый мудрецами,
Обучался править царством и начальствовать войсками.
Обиход познав державный и освоившись с делами,
Я возрос и стал как солнце – лев, сильнейший между львами. (...)

Тем временем у царской четы родилась красавица дочь – Нестан-Дареджан. Когда Тариэлу было пятнадцать лет, Саридан скончался, и Фарсадан с царицею передали ему отцовский сан полководца. Красавица Нестан-Дареджан тем временем подросла и пленила сердце отважного Тариэла.

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ТАРИЭЛА, ВПЕРВЫЕ ПОЛЮБИВШЕГО

Стал рассказывать он снова, пересиливая муку:
«Раз, с охоты возвращаясь, Фарсадан мне подал руку.
Он сказал: “Пойдём к царевне и её развеем скуку”.
Боже, как я жив доселе, обречённый на разлуку!» (...)

Царь скрывал свою царевну от вельмож и от народа.
Не желая быть невежей, задержался я у входа.
Царь вошёл, сказав рабыне: «Здесь со мною воевода,
Он привёз царевне дичи для домашнего расхода».

Тут Асमत открыла полог, и увидел я на миг
Ту, чей взор копьём алмазным прямо в сердце мне проник.

Турачѣй¹ Аснат я отдал, сам, задумавшись, поник.
Горе мне! С тех пор горю я, вспоминая милый лик! (...)

Турачей Аснат я отдал, свет померк передо мною.
Я упал, не в силах двинуть ни рукою, ни ногою,
И когда вернулся к жизни, плач услышал над собою:
Словно чёлн перед отплытьем, окружён я был толпою. (...)

Побороть тоски не в силах, вечно думал я о милой,
И огонь любовный в сердце бушевал с великой силой,
И собрал своих друзей я, и прикинулся кутилой,
Пировал и пил я с ними, чтобы скрыть мой вид унылый.

Как-то раз в разгар пиршества Нестан-Дареджан прислала к Тариэлу свою рабыню Аснат с посланием.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

И увидел я посланье той, что сердце опалила.
«Лев, скрывай от света рану! – так вещал мне луч светила. –
Я твоя, но что достойней – слабость жалкая иль сила?
Пусть Аснат тебе расскажет то, что я ей говорила.

Жалкий обморок и слабость – их ли ты зовёшь любовью?
Не приятней ли мидждуру слава, купленная кровью?
Нам обязаны хатавы² дань представить по условию, –
Отчего ж мы потакаем их обману и злословью?

Я желаю выйти замуж за тебя давным-давно,
Но увидеться доселе было нам не суждено.
Лишь твой обморок недавно я заметила в окно,
Разузнать о происшедшем было мне не мудрено.

Вот совет тебе разумный: объяви войну хатавам,
Заслужи почёт и славу в столкновении кровавом.
Чем кропить слезами розу, укрепись в сраженье правом!
Я ль твой мрак не осветила блеском солнца величавым!»

Тут Аснат, забыв смущенье, речь со мною повела.
О себе скажу немного: радость душу залила,
Сердце сладко трепетало, стал кристален блеск чела,
Зарубинились ланиты³ жаждой счастья и тепла.

Тариэл выступает в поход на хатавов и возвращается к Фарсадану с победой. Но оказалось, что Фарсадан с царицей благосклонно приняли сватовство к Нестан-Дареджан сына шаха Хорезма. Нестан-Дареджан упрекает Тариэла во лжи, ведь её против воли отдают за царевича, а он лишь соглашается с решением её отца. Царевна велит Тариэлу убить нежеланного гостя, чтобы самому взойти на престол. Хорезмийский царевич погибает от руки Тариэла.

¹ *Турач* – птица семейства фазановых.

² *Хатавы* – вымышленный народ.

³ *Ланиты* (устар.) – щёки.

Фарсадан разгневан, он уверен в том, что это его сестра, колдунья Давар, надоумила влюблённых на коварный поступок, и грозитя расправиться с нею. Давар бранится с царевной, и в это время в покоях возникают каджи (сказочные персонажи грузинского фольклора) и похищают Нестан. В тот же день Тариэл отправляется на поиски возлюбленной. В скитаниях Тариэл повстречал отважного Нурадин-Фридона, государя Мульгазанзара, воюющего против своего дяди, который желает расколоть страну. Рыцари дают друг другу обет вечной дружбы. Тариэл помогает Фридону победить врага.

РАССКАЗ ФРИДОНА О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Как-то раз с царём Фридоном мы охотились и вскоре Поднялись на мыс высокий, сильно выдвинутый в море. Новый друг мой был задумчив и сказал мне в разговоре: «Удивительные вещи видел я на этом взгорье».

И свои воспоминанья он доверить мне решился:
«Раз на этом я утесе отдохнуть остановился;
Конь мой плавал, словно утка, в поле соколом носился.
Стал смотреть я, как над морем коршун в воздухе кружился.

Я поглядывал на небо и на море заодно.
Вдруг на море показалось чуть заметное пятно.
Приближаясь к побережью, быстро двигалось оно.
Отгадать, то зверь иль птица, было сверху мудрено.

Но не зверь то был, не птица – лодка на море мелькала,
В той ладье ковчег виднелся, на ковчеге – покрывало.
Два раба чернее сажии лодкой правили устало.
Заклчённное в ковчеге, солнце дивное сияло.

Лодка берега достигла, вышла на берег девица.
Я её увидел косы и не мог не подивиться:
Что могло на белом свете с красотой её сравниться!
Перед блеском этих молний потускнела б и денница.

Задрожал я в нетерпенье, полный страстного огня, –
Роза, инеем покрыта, в сердце ранила меня!
И решил я этих стражей захватить средь бела дня, –
Мне казалось: было трудно убежать им от коня.

Тростники ломая с треском, закусил мой конь удило.
Стража топот услышала и меня опередила.
Прискакал я и увидел заходящий луч светила:
Наполняя сердце горем, лодка в море уходила!»

Услыхав рассказ Фридона, позабыл я о покое
И с коня упал на землю, осрамившись при герое.
Кровь ланит моих струилась на оружие дорогое.
«Пусть умру, коль я не знаю это дерево алоэ!» (...)

Тариэл, простившись с побратимом, вновь отправился на поиски, но они безрезультатны. Автандил решает присоединиться к Тариэлу и помочь ему. Какой он видит настоящую дружбу, рыцарь описал Ростевану в завещании.

ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ

Витязь сел и, скорбный сердцем, так составил завещанье:
«Царь, к покинутому другу я спешу без колебанья.
Не могу его я бросить, он – души моей пыланье.
Будь ко мне добросердечен и прости мои деянья!

Не осудишь ты, я знаю, государь, моё решенье.
Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишенья.
Вспомни, царь, Платон-философ¹ нам оставил поученье:
“Ложь несёт душе и телу бесконечные мученья”.

Так как ложь – источник горя, то, покинув царский кров,
Ради страждущего друга ухожу я от пиров.
Для чего и мудрость людям, коль не чтить её даров?
Знанья мудрых приобщают нас к гармонии миров.

О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили,
Как в кимва́лы² ей бряцали, как в Писанье возносили?
“Возвышает человека лишь любовь!” – они твердили.
Прежде всех живущих в мире должен верить им не ты ли? (...)

Что творец мне предназначил, то и сбудется сполна.
Коль вернусь назад, то в сердце потушу я пламена,
Встречусь радостно с тобою, как в былые времена...
Каково служенье дружбе, такова и мне цена.

Царь, коль кто меня осудит, осуди того всецело!
Неужели царским сердцем скорбь разлуки овладела?
Обмануть я и покинуть не способен Тариэла,
Он в лицо меня за гробом осрамит за это смело.

О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!
Презирая лицемеров, мы лжецов сурово судим.
Как же мог я, царь великий, стать предательства орудьем?
Хорошо ли, коль на помощь мы спешить к друзьям не будем?

Есть ли кто презренней труса, удручённого борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряхи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов – всех возьмёт без промедленья.
И детей и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье!» (...)

Автандил находит Тариэла, израненного в схватке со львом и тигрицей.

РАССКАЗ ТАРИЭЛА О ТОМ, КАК ОН УБИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

(...) «Я сквозь заросли проехал и на холм поднялся скоро.
Виджу: лев спешит к тигрице, полный страсти и задора.

¹ Платон – древнегреческий философ, автор учения о познании.

² Кимва́лы мн. ч. от кимва́л – древний ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух медных тарелок или чаш.

И. Тоидзе. Автандил пишет завещание

И. Тоидзе. Бой Тариэла с тигрицей

Их весёлые забавы были радостны для взора,
Но затем меня смутила непонятная их ссора.

Эти яростные звери, столь беззлобные вначале,
Вдруг напали друг на друга и от злобы зарычали.
И отпрянула тигрица, словно женщина в печали.
Лев почуял запах крови и за ней пустился дале.

Рассердился я на зверя и сказал: “Умалишённый!
Разве с милою подругой может ссориться влюблённый?” –
И пронзил его мечом я, сам на муки обречённый,
И свалился лев, от жизни навсегда освобождённый.

Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю, схватил.
Я искал её лобзаний ради той, кого любил.
Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную убил.

Ничего не мог я сделать с тварью той неукротимой,
Я её ударил оземь, гневом яростным палимый.
И припомнил я внезапно, как я ссорился с любимой,
И едва в тот миг не умер от тоски невыносимой.

Вот, мой брат, какие беды должен я претерпевать!
Почему же ты дивишься, что решил я умирать?
Я уже простился с жизнью, мне не жаль её отдать...»
И замолк печальный витязь, и заплакал он опять.

Друзья возвращаются в пещеру, и Автандил решает отправиться к Фридону, чтобы подробнее расспросить его о встрече с Нестан-Дареджан.

После долгих поисков Автандил узнаёт, что Нестан-Дареджан помолвлена с царевичем Каджети. Крепость каджей неприступна, она расположена на вершине отвесной скалы, и её охраняют десять тысяч лучших стражей. Автандил просит Фридона собрать войско, чтобы выступить на Каджети.

ВЗЯТИЕ КАДЖЕТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел этих я героев, лучезарных, как светило.
От семи планет небесных к ним сиянье нисходило.
Вороной под Тариэлом в нетерпенье грыз удило.
Как сердца они сжигали, так оружие их грозило.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:
После яростного ливня мчит в ущелье он глубоком,
И ревёт он, и грохочет, и, уже незримый оком,
Успокоенный, смолкает только на море широком.

Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил, –
Состязаться с Тариэлом не хватало братьям сил,
Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил...
Вот рассказ о том, как витязь вражье племя истребил.

Поле битвы побратимы поделили меж собою.
Каждый воин в их отряде уподобился герою.
Ночью, выставив дозорных, предались они покою,
Но с рассветом появились, щит имея под рукою.

Словно путники простые, братья ехали вначале.
Караульные в воротах без опаски их встречали:
Ничего не замечали, лишь стояли да скучали.
Вдруг надели братья шлемы и вперёд, как вихрь, помчали.

В скакуна вонзая шпоры, под весёлый свист кнута
Каждый бросился к воротам под прикрытием щита.
Стража пала бездыханной, не успев закрыть врата.
Бил набат, ревели трубы, начиналась суета. (...)

С полководцем Автандилом скоро встретился Фридон.
Враг был смят и уничтожен, кровь текла со всех сторон.
Но, оглядываясь, думал каждый витязь, поражён:
«Что случилось с Тариэлом? Почему не виден он?» (...)

Поднялись они на башню и увидели: луна,
Устремившаяся к солнцу, от дракона спасена.
Тариэл стоял без шлема, в косы куталась она,
Грудь к груди была прижата, шея с шеей сплетена. (...)

И счастливая царевна обняла, ликуя, их,
Благородных и бесстрашных избавителей своих,
И от ласкового слова гнев их яростный утих,
И беседовали с ними там невеста и жених. (...)

И. Тоидзе. Тариэл, Автандил и Фридон у крепости

И. Тоидзе. Освобождение Нестан-Дареджан

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пронеслась их жизнь земная, как ночное сновиденье,
И ушли они из мира – таково его веленье!

Даже тот, кто долговечен, проживёт одно мгновенье!

Месх¹ безвестный из Рустави, кончил я моё творенье. (...)

Перевод Н. Заболоцкого

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Подготовьте пересказ поэмы, последовательно отвечая на предложенные вопросы:
 - А. В чём проявилась мудрость и дальновидность правителя царя Аравии Ростевана? Как царь аргументирует справедливость своего решения о наследнице? С помощью каких художественных средств в переводе поэмы передаётся красота Тинатин?
 - Б. Как происходит встреча аравийского царя с витязем в тигровой шкуре? Какие поступки витязя свидетельствуют о его огромной силе и мужестве?
 - В. Как встретились Автандил и Тариэл? Что рассказывает Тариэл о себе и своей возлюбленной? Какие обстоятельства разлучили Тариэла с Нестан-Дареджан?
 - Г. В чём заключалась дружба Автандила, Тариэла и Фридона? Почему они стали побратимами? Как друзья-воины помогают друг другу? Аргументируйте свой ответ примерами.
 - Д. Как побратимы одержали победу над вражеским войском, охранявшим крепость Каджети? Приведите примеры из текста.

¹ Месх – здесь: житель Месхетии (историко-культурная область Грузии).

2. Какие подробности в поэме можно рассматривать как исторические указатели на реальную эпоху и реальную местность?
3. Опишите характер повествователя. Какую роль он играет в произведении?
4. Что автор считает настоящей дружбой и как она влияет на характер человека? Обоснуйте свою точку зрения, опираясь на завещание Автандила. Приведите цитаты.
5. Как соотносятся образы Автандила и Тариэла с характеристикой миджура, данной во «Вступлении»? Приведите примеры исключительности, избыточности проявления чувств как особенности литературы той эпохи.
6. Как в характере и поступках Тариэла соединяются личные стремления с чувством долга перед родиной?
7. Какие поступки Автандила прославляются в поэме? Какие нравственные качества воплощены в образе Фридона? Каким жизненным ценностям отдают предпочтение герои? Аргументируйте свой ответ примерами из текста.
8. Сопоставьте образы Автандила, Тариэла и Фридона, опишите их характеры и отметьте, какие художественные средства использует Шота Руставели для их создания. Почему образы побратимов можно назвать героическими?
9. На основе сопоставления образов Тинатин и Нестан-Дареджан, объясните, какой средневековый идеал женщины-правительницы в них воплощён.
10. Сформулируйте главную мысль поэмы «Витязь в тигровой шкуре».
11. **Работа в группах.** Выпишите афоризмы Шота Руставели из прочитанных отрывков поэмы. Какие пословицы подобного содержания вам известны? Согласны ли вы с утверждением, что в афоризмах средневекового грузинского писателя сконцентрирована народная мудрость? Аргументируйте свою точку зрения.
12. **Творческая работа.** Напишите отзыв об иллюстрациях Ираклия Тоидзе к поэме (с. 27, 31, 35, 37).
13. **Темы проектов.** «Образ средневекового рыцаря в поэме Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре”»; «Идеал женщины-правительницы в поэме Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре”»; «Особенности переводов К. Бальмонта и Н. Заболоцкого поэмы Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре”».

Волшебный мир восточной миниатюры

Характерной чертой восточной культуры является минимализм – то есть умение в малом охватить большое. Эта особенность восточного мышления нашла отражение не только в произведениях прославленных поэтов Востока, но и в искусстве книжной миниатюры.

Вначале миниатюра была только зрительным воплощением рукописного текста и предназначалась для того, чтобы усиливать у читателей впечатление. Но довольно скоро художники стали включать в миниатюры детали, которых не было в текстах, и книжная иллюстрация зажила самостоятельной жизнью. Живописцы запечатлевали подвиги легендарных героев,

Неизвестный художник.
Персидская миниатюра XVI в.

М. Али. Охотничий привал, фрагмент.
Персидская миниатюра XVI в.

битвы, торжественные пиры, лирические сцены. Это живопись без светотени и перспективы. Прелесть миниатюры в тончайшем рисунке, насыщенности цвета, в выразительности фигур и в изысканной простоте.

1. Рассмотрите средневековые персидские книжные миниатюры, в том числе и на с. 11, 15. Что в миниатюрах кажется вам необычным, оригинальным?
2. **Пофантазируйте!** Выберите одно из прочитанных рубаи О. Хайяма, придумайте иллюстрацию к тексту и опишите её.

Гимн мужеству и любви

Любимое произведение грузинского народа «Витязь в тигровой шкуре» вдохновляло многих художников. Среди лучших иллюстраций поэмы Шота Руставели – работы мастера XVII в. М. Тавакалашвили, графика XIX в. М.А. Зичи, художников XX в. – Л. Гудиашвили, И. Тоидзе (см. с. 27, 31, 35, 37), Т. Абакелия. Особое место занимают иллюстрации Сергея Кобуладзе, которому удалось передать средствами изобразительного искусства монументальность произведения. Упругая линия рисунка производит неизгладимое впечатление: герои поэмы словно замерли на мгновение... Кобуладзе не стремился передать события поэмы, а сконцентрировался на образах Тинатин, Тариэла, Нестан-Дареджан, Автандила и Фридона, запечатлевая благородные фигуры героев. Тяжёлые драпировки, мощные своды, широкие арки, крупная

С. Кобуладзе. Иллюстрации к поэме «Витязь в тигровой шкуре»

кладка стен заднего плана воссоздают средневековые грузинские замки и монастыри.

Отдали дань восхищения грузинской поэме и музыканты. В балете «Витязь в тигровой шкуре» композитора А. Мачавариани для воссоздания национального колорита используется знаменитое грузинское многоголосие, признанное ЮНЕСКО¹ шедевром культурного наследия человечества.

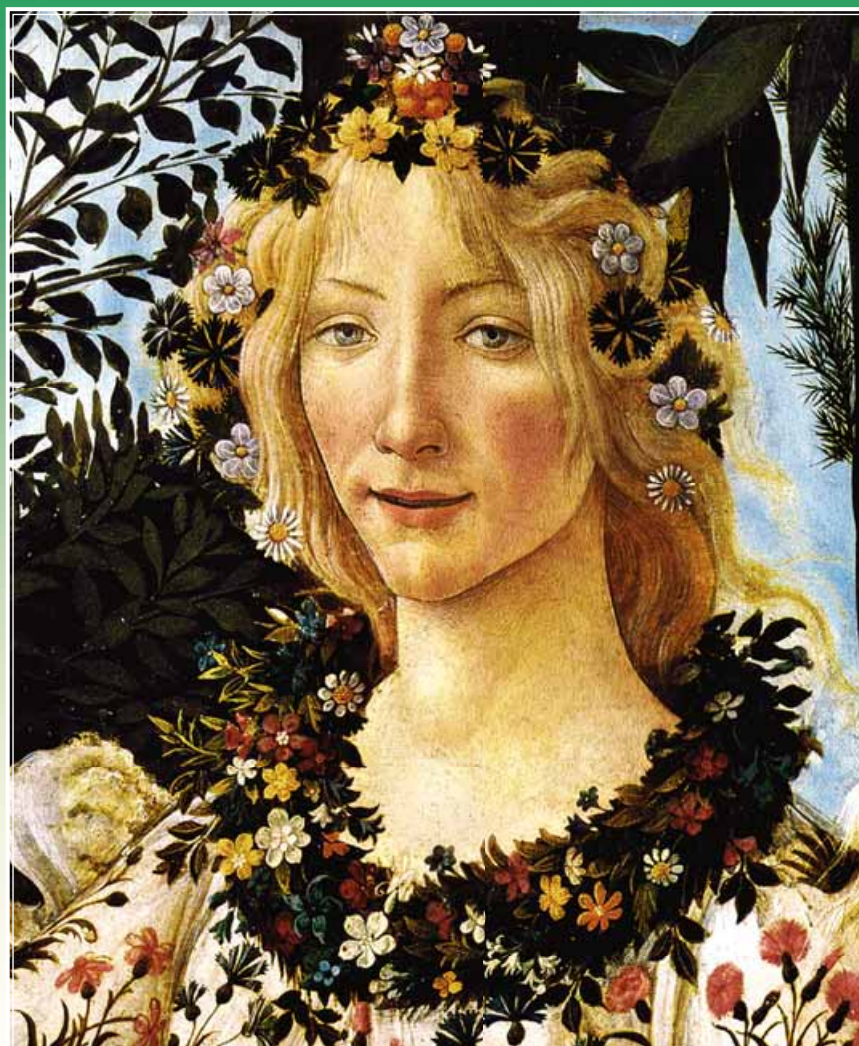
1. Рассмотрите иллюстрации С. Кобуладзе к поэме. Какие средства изобразительного искусства передают монументальность и героический пафос произведения?
2. Прослушайте финальную часть I акта балета А. Мачавариани «Витязь в тигровой шкуре». Как в музыке отобразилась радость влюблённых Нестан-Дареджан и Таризла? Как меняется музыкальное настроение в сцене похищения Нестан-Дареджан?

ИПГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему восточная поэзия вызывает интерес у любителей художественного слова во всём мире? Выскажите по этому поводу своё мнение.
2. Что вы узнали об учении суфиев? Как отразилось это учение в рубаи О. Хайяма?
3. Хайям часто сравнивает человека с сосудом. Объясните смысл такого сравнения.
4. Какие гуманистические ценности утверждаются в поэме Ш. Руставели?
5. Сопоставьте описание битвы в былинке «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и поэме «Витязь в тигровой шкуре». В тетради составьте таблицу и укажите в ней сходные черты и различия фольклорного и литературного произведений.
6. Сравните поединок Таризла с хищниками и поединок Мцыри с барсом в поэме М. Лермонтова. Что заставляло героев противостоять зверю и выиграть поединок?
7. **Работа в парах.** Назовите черты восточной средневековой литературы.
8. **Творческая работа.** Напишите сочинение «Герои поэмы Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре” в живописи».

¹ ЮНЕСКО – специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ И ОБРАЗЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава 1

«О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР!»

«Что за мастерское создание – человек!»

Литературная разминка

Подумайте, почему человек и его духовный мир стали основным предметом изображения в искусстве эпохи Возрождения.

В XIV–XVI вв. Европа пережила этап великих перемен, заложивших фундамент её современной культуры. Этот период, ознаменовавшийся важнейшими научными открытиями, небывалым расцветом искусств и колоссальным мировоззренческим переворотом, вошёл в историю как эпоха Возрождения, или Ренессанс (франц. *Renaissance* – Возрождение).

Комментарий архивариуса

Что же «возродалось» в эпоху Возрождения? Ответ на этот вопрос выглядит довольно просто: интерес к античной культуре. Однако без дополнительных уточнений он мало что объясняет, так как остаётся непонятным, о каком «пробуждении» интереса к античности идёт речь и каким образом это пробуждение вызвало столь мощный всплеск в культурной жизни Европы. Для этого вернёмся в период Средневековья.

Этот период, начавшийся после падения Римской империи и охвативший целое тысячелетие, проходил под знаком господства христианской культуры. Она утвердила свою систему ценностей, согласно которой центральное место в мироздании отводилось Богу, предназначение человека усматривалось в служении Господу, а земной мир объявлялся греховным. Такие представления были враждебны духу античной культуры, пронизанному культом красоты человеческого тела, вкусом к земным наслаждениям, оценками человека как главной «меры всех вещей». Поэтому в период Средневековья наследие античности в значительной степени было предано забвению. И когда в XIV в. учёные мужи заговорили о необходимости обращения к образцам искусства древних греков и римлян, это было воспринято не просто как возвращение к отринутым ценностям античной культуры, а как знамение Нового времени.

Возрождение интереса к античной классике положило начало духовному обновлению европейской культуры, вследствие которого человек был провозглашён «венцом творения Вселенной», а свойственное ему стремление к счастью и гармонии было осознано как главная цель жизни. Отныне за человеком признавалось право на внутреннюю свободу, на осуществление «земных» желаний, на наслаждение миром, в котором ему суждено провести годы своей жизни. Отныне и мир этот воспринимался уже не как призрачное нагромождение греховных соблазнов, а как прекрасное, ещё во многом не познанное и ещё далеко не совершенное, но достойное познания и любви обиталище. Желание его познать воодушевляло многочисленные экспедиции, одна из которых завершилась открытием Нового Света – Америки. Тем же желанием вдохновлялись и попытки проникнуть в тайны космоса, увенчавшиеся раз-

С. Боттичелли. Рождение Венеры

рушением старых представлений о Земле как о неподвижном центре мироздания. Вот почему Ренессанс называют эпохой открытия мира и человека.

Родиной эпохи Возрождения была Италия. Именно отсюда прозвучали первые призывы вернуться к античному наследию. Здесь страстные поклонники этой идеи – философы, филологи, историки – положили начало духовному движению, получившему название «гуманизм» (от лат. *humanus* – человеческий). Сами учёные-гуманисты полагали, что задача возрождения античности заключается в изучении и распространении знаний языков, литературы, искусства и философии древних классиков. Поэтому слово «гуманизм» служило для них обозначением «не богословского», «светского» (и в этом смысле «человеческого») характера учёных занятий. Но двигаясь по пути, проторенному первыми учёными-гуманистами, ренессансные писатели, художники и мыслители своим творчеством утвердили иное, широкое понимание гуманизма как принципа человечности, основанного на уважении прав и свобод личности. Именно в этом значении слово «гуманизм» стало знаменем Ренессанса и всей европейской культуры¹.

Открытие мира и человека происходило и в художественной литературе эпохи Возрождения. Писатели повернулись лицом к реальности. В своих произведениях они стали воссоздавать многокрасочный земной мир. Но главное – в литературу пришёл реальный, тесно связанный с окружающим миром и полный земных желаний человек.

¹Сегодня слово «гуманизм», в основном, употребляется в широком значении: называя кого-либо гуманистом, обычно имеют в виду не любителя античной древности, а защитника прав, свобод и достоинства человека.

Человеческая природа во всём многообразии её физических и духовных свойств, во всей полноте её естественных проявлений, во всей её индивидуальной неповторимости – вот что интересовало писателей Возрождения. Отстаивая ценность личности, художники и мыслители раскрывали величие и красоту человека, вставали на защиту его достоинства, его свободно от каких-либо общественных условностей развития, его естественного стремления к земному счастью. Утверждение ценности личности стало одним из важнейших гуманистических завоеваний литературы Возрождения.

Часто в произведениях ренессансных писателей душевные качества человека, его благородные порывы и низкие чувства приобретали огромный, поистине титанический масштаб. Поэтому сюжеты литературы Возрождения на удивление богаты героическими поступками и страшными злодеяниями. По той же причине некоторые из её персонажей превратились в предельно обобщённые символические обозначения духовного поиска человечества.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какой период европейской истории получил название «эпоха Возрождения»? Объясните происхождение этого названия.
2. Как изменились представления человека о себе и о мире в эпоху Возрождения?
3. Кем были первые итальянские гуманисты Ренессанса? Что применительно к ним означало слово «гуманизм»? Какой широкий смысл это слово приобрело в творчестве мастеров искусства эпохи Возрождения?
4. Что нового привнёс Ренессанс в художественную литературу?
5. **Работа в парах.** Рассмотрите помещённую на с. 43 репродукцию картины «Рождение Венеры» итальянского художника эпохи Возрождения Сандро Боттичелли. Как вы думаете, почему эта картина стала своеобразным символом европейского Ренессанса?

Одно «из самых лучезарных, самых великих человеческих имён»

Литературная разминка

Какие произведения У. Шекспира вы можете назвать? Что вам о них известно?

Уильям Шекспир
(1564–1616)

Эпоха Возрождения породила целую плеяду гениальных учёных, мыслителей, художников, скульпторов, мастеров слова. К их числу относится английский поэт и драматург Уильям Шекспир.

Один из современников Шекспира назвал его «душой эпохи». Спустя два столетия равновеликий Шекспиру писатель Гёте заявил, что по прочтении первого же шекспировского произведения он почувствовал себя, «как слепорождённый, которому чудотворная рука вдруг даровала зрение». И сегодня, когда со дня смерти английского драматурга минуло более четырёх столетий, лучшие режиссёры с трепетом берутся за

постановки его пьес, а лучшие актёры почитают для себя высшей честью и наградой участвовать в этих постановках. Творчество Шекспира тщательно исследовано в сотнях книг и статей, из которых можно было бы составить обширную библиотеку. Но при этом точно установленных фактов его биографии так мало, что они могут поместиться на одной странице.

Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 г. в городке Стрэтфорде-на-Эвоне. Он был сыном уважаемого в городе зажиточного перчаточника, несколько раз избиравшегося на почётные должности, в том числе и на должность мэра. Уильям посещал местную «грамматическую» школу, в которой преподавались классические языки.

В шестнадцать лет юноша бросил учёбу и какое-то время, очевидно, помогал отцу вести дела. В восемнадцать лет он женился на некоей Энн Хэтеуэй, которая была на восемь лет его старше, а в двадцать один год в сопровождении младшего брата отправился на поиски удачи в Лондон. Там, по предположению биографов, Шекспир какое-то время проработал в театре суфлёром или помощником режиссёра, а затем в 1593 г. поступил в труппу, возглавляемую Джемсом Бербедем. Это был самый популярный в тогдашнем Лондоне коллектив, славившийся своими комическими актёрами и яркими импровизациями. Шекспир не только сочинял для этого театра пьесы, но и исполнял роли в спектаклях. Недюжинным актёрским талантом он, по всей видимости, похвастаться не мог, но драмы его имели большой успех.

С 1599 г. пьесы Шекспира постоянно ставились на сцене театра «Глобус». Сын руководителя труппы, знаменитый актёр Ричард Бербедж, исполнял главные роли во многих шекспировских пьесах.

За период службы в театре Шекспир приобрёл широкую известность и разбогател. Он стал совладельцем театра «Глобус», обзавёлся недвижимостью в Лондоне и в Стрэтфорде-на-Эвоне. В 1613 г. драматург перебрался в родной город, бросив и театр, и сочинительство. Последние три года его жизни прошли в кругу семьи. Он умер в 1616 г., по преданию, – в день своего рождения.

Комментарий архивариуса

Скудость достоверных сведений, «странности» творческой биографии, множество слухов, домыслов и легенд, наконец, титанический масштаб литературного дарования – всё это создавало ореол таинственности вокруг фигуры Шекспира. Сразу же после его смерти возник вопрос о том, действительно ли актёр из Стрэтфорда, называвшийся Уильямом Шекспиром, был автором известных во всей Англии пьес или же их,

Театр «Глобус»

прикрываясь именем актёра, сочинял кто-то другой – более образованный и заметный в обществе. Однако среди большинства серьёзных исследователей наиболее вероятной признана версия, согласно которой сын зажиточного перчаточника из Стрэтфорда и знаменитый сочинитель были одним и тем же лицом. Да и, в конечном счёте, знакомство с шекспировскими произведениями, бесспорно, является куда более захватывающим занятием, нежели дискуссия о том, кто бы мог их написать.

Памятник Джульетте в Вероне
(скульптор Н. Костантини)

В своих пьесах Шекспир предстаёт поразительным по пронизательности знатоком человеческой природы. «Что может быть большей природой, чем люди Шекспира!» – восклицал Гёте. В самом деле, его драматические произведения охватывают всю человеческую природу – от самых светлых до самых тёмных её проявлений.

Шекспир оставил после себя великое наследие, в том числе и полные гибельных страстей кровавые трагедии «Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Король Лир» и др. Но есть у Шекспира произведение, которое занимает особое место в его драматургическом наследии. Это – трагедия «Ромео и Джульетта».

Изображённая в ней история прекрасной любви и трагической гибели двух молодых людей не была придумана Шекспиром (чаще всего он использовал в своих пьесах чужие сюжеты). Впервые её рассказал в одной из своих новелл итальянский писатель XIV в. Мазуччо Салернский.

С его лёгкой руки сюжет отправился странствовать от одного автора к другому. Но английский драматург придал старинному рассказу столь поэтичное звучание, что история о гибели влюблённых превратилась в песнь торжествующей любви, проникнутую жизнеутверждающим мироощущением расцветающей ренессансной личности. Глубоко символично, что действие этой самой светлой, по мнению литературных критиков, пьесы Шекспира разворачивается в Италии – стране, ставшей родиной эпохи Возрождения и колыбелью надежд ренессансного человека.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите известные вам факты из жизни У. Шекспира. Что вызвало многолетние споры вокруг его имени?
2. Чем пьеса «Ромео и Джульетта» отличается от остальных шекспировских трагедий?
3. Что послужило источником сюжета «Ромео и Джульетты»? Что нового привнёс в этот сюжет У. Шекспир?

Перед чтением

Читая отрывки из трагедии «Ромео и Джульетта», подумайте над тем, что отличает любовь главных героев от обычного чувства влюблённости.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, герцог Веронский.

Парис, молодой дворянин, родственник герцога.

Монтекки } главы двух
Капулетти } враждебных домов.

Старик, родственник Капулетти.

Ромео, сын Монтекки.

Меркуцио, родственник герцога и друг Ромео.

Бенволио, племянник Монтекки и друг Ромео.

Тибальт, племянник синьоры Капулетти.

Брат Лоренцо } францисканские
Брат Джованни } монахи.

Бальтазар, слуга Ромео.

Самсон } слуги
Грегори } Капулетти.

Петро, слуга кормилицы Джульетты.

Абрам, слуга Монтекки.

Аптекарь. Три музыканта.

Паж Меркуцио. Паж Париса. Пристав.

Синьора Монтекки, жена Монтекки.

Синьора Капулетти, жена Капулетти.

Джульетта, дочь Капулетти.

Кормилица Джульетты.

Горожане Вероны, родственники обоих домов, мужчины и женщины, маски, стража, часовые и слуги. Хор.

Место действия – Верона и Мантуя.

АКТ I

Много лет два старинных веронских рода – Монтекки и Капулетти – охвачены бессмысленной враждой. В начале первого акта изображается уличная ссора, вспыхнувшая между представителями враждующих домов и только благодаря вмешательству герцога не закончившаяся кровопролитием. В столкновении не принимал участия сын Монтекки Ромео: он безответно влюблён в некую Розалину и предавался печальным размышлениям в лесной глуши.

Этот день в доме Капулетти шли приготовления к празднику. Глава семьи вручил слуге список гостей, которых следовало пригласить, однако тот был неграмотным и потому не мог выполнить поручение. Встретив на улице проходивших мимо Ромео и Бенволио, слуга обратился к ним с просьбой о помощи. Ромео любезно согласился прочесть список. Увидев там имя своей возлюбленной Розалины, он решил во что бы то ни стало попасть на праздник Капулетти. Вечером Ромео в сопровождении Меркуцио и Бенволио проник в дом врага. Чтобы остаться неузнанными, непрошенные гости скрыли лица под масками. Празднество было в самом разгаре, когда взгляд Ромео приковала к себе прекрасная юная незнакомка. Это была Джульетта.

С Ц Е Н А 5

Зал в доме Капулетти.

(...) Р о м е о

Она затмила факелов лучи!
Сияет красота её в ночи,
Как в ухе мавра жемчуг несравненный.
Редчайший дар, для мира слишком ценный!
Как белый голубь в стае воронья –
Среди подруг красавица моя.
Как кончат танец, улучу мгновенье –
Коснусь её руки в благоговенье.
И я любил? Нет, отрекайся взор:
Я красоты не видел до сих пор!

Т и б а л ь т

Как, этот голос! Среди нас – Монтеки!
Эй, паж, мой меч! Как! Негодяй посмел
Сюда явиться под прикрытьем маски,
Чтобы над нашим празднеством глумиться?
О нет, клянусь я честью предков всех,
Убить его я не сочту за грех! (...)

К а п у л е т т и

Друг, успокойся и оставь его.
Себя он держит истым дворянином;
Сказать по правде – вся Верона хвалит
Его за добродетель и учтивость.
Не дам его здесь в доме оскорблять я.
Не обращай вниманья на него.
Когда мою ты волю уважаешь,
Прими спокойный вид, брось хмурить брови:
На празднике так неуместна злость.

Т и б а л ь т

Она уместна, коль нам мерзок гость.
Я не стерплю его!

К а п у л е т т и Ого! Не стерпишь?
Отлично стерпишь – слышишь ты, мальчишка?
Я здесь хозяин или ты? Ступай!
Не стерпит он! А? Бог меня прости!
Ты средь моих гостей заводишь смуту.
Ишь, вздумал петушиться! Я тебя! (...)

Р о м е о (Джульетте)

Когда рукою недостойной грубо
Я осквернил святой алтарь – прости.
Как два смиренных пилигрима, губы
Лобзаньем смогут след греха смести.

Д ж у л ь е т т а

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.

Кадры из фильма «Ромео и Джульетта» (режиссёр К. Карлец, 2013)

Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей.

Ромео

Даны ль уста святым и пилигримам?

Джульетта

Да, – для молитвы, добрый пилигрим.

Ромео

Святая! Так позволь устам моим
Прильнуть к твоим – не будь неумолима.

Джульетта

Не двигаясь, святые внемлют нам.

Ромео

Недвижно дай ответ моим мольбам.
(Целует её.)

Твои уста с моих весь грех снимают.

Джульетта

Так приняли твой грех мои уста?

Ромео

Мой грех... О, твой упрёк меня смущает!
Верни ж мой грех.

Джульетта Вина с тебя снята. (...)

В конце праздника герои с ужасом открывают правду: каждый из них влюблён в человека, являющегося смертельным врагом его семьи. Но каждый из них чувствует, что его любовь во сто крат сильнее ненависти родителей.

АКТ II

(...) С Ц Е Н А 2

Ромео остался в саду Капулетти. В это время Джульетта, не подозревая, что в саду кто-то есть, вышла на балкон. Ромео стал невольным свидетелем её сердечных тайн.

(...) Джульетта Ромео!
Ромео, о зачем же ты Ромео!
Покинь отца и отрекись навеки
От имени родного, а не хочешь –
Так поклянись, что любишь ты меня, –
И больше я не буду Капулетти.

Ромео

Ждать мне ещё иль сразу ей ответить?

Джульетта

Одно ведь имя лишь твоё – мне враг,
А ты – ведь это ты, а не Монтекки.
Монтекки – что такое это значит?
Ведь это не рука, и не нога,
И не лицо твоё, и не любая
Часть тела. О, возьми другое имя!
Что в имени? То, что зовём мы розой, –
И под другим названьем сохраняло б
Свой сладкий запах! Так, когда Ромео
Не звался бы Ромео, он хранил бы
Все милые достоинства свои
Без имени. Так сбрось же это имя!
Оно ведь даже и не часть тебя.
Взамен его меня возьми ты всю!

Ромео

Ловлю тебя на слове: назови
Меня любовью – вновь меня окрестишь,
И с той поры не буду я Ромео. (...)

Джульетта

Мой слух ещё и сотни слов твоих
Не уловил, а я узнала голос:
Ведь ты Ромео? Правда? Ты Монтекки?

Ромео

Не то и не другое, о святая,
Когда тебе не нравятся они.

Джульетта

Как ты попал сюда? Скажи, зачем?
Ведь стены высоки и неприступны.
Смерть ждёт тебя, когда хоть кто-нибудь
Тебя здесь встретит из моих родных.

Ромео

Я перенёсся на крылѧх любви:
Ей не преграда – каменные стены.
Любовь на всё дерзает, что возможно,
И не помеха мне твои родные.

Кадр из фильма «Ромео и Джульетта» (режиссёр Ф. Дзеффирелли, 1968)

Джульетта

Но, встретив здесь, они тебя убьют.

Ромео

В твоих глазах страшнее мне опасность,
Чем в двадцати мечах. Взгляни лишь нежно –
И перед их враждой я устою. (...)

Джульетта

Моё лицо под маской ночи скрыто,
Но всё оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью.
Хотела б я приличья соблюсти,
От слов своих хотела б отказаться,
Хотела бы... но нет, прочь лицемерье!
Меня ты любишь? Знаю, скажешь: «Да».
Тебе я верю. Но, хоть и поклявшись,
Ты можешь обмануть: ведь сам Юпитер
Над клятвами любовников смеётся.
О милый мой Ромео, если любишь –
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня, –
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет»,
Чтоб ты молил. Иначе – ни за что!
Да, мой Монтеки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг, – и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет. (...)

Ромео

Клянусь тебе священной луной,
Что серебрит цветущие деревья...

Джюльетта

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто,
Чтоб и твоя любовь не изменилась.

Ромео

Так чем поклясться?

Джюльетта

Вовсе не клянись;

Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой – души моей кумиром, –
И я поверю.

Ромео

Если чувство сердца...

Джюльетта

Нет, не клянись! Хоть радость ты моя,
Но сговор наш ночной мне не на радость.
Он слишком скор, внезапен, необдуман –
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье тёплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!
В своей душе покой и мир найди,
Какой сейчас царит в моей груди. (...)

Расставаясь, Ромео и Джульетта решили обвенчаться втайне от своих родных. Вечером следующего дня монах брат Лоренцо свершил над ними обряд венчания.

АКТ III

На площади Вероны произошло новое столкновение между представителями домов Монтекки и Капулетти. Его зачинщиком стал Тибальт. Он всячески старался вовлечь в конфликт и Ромео, но тот упорно уклонялся. Тогда Тибальт вступил в поединок с Меркуцио. Юный Монтекки попытался было разнять дерущихся, но из-под его руки Тибальт нанёс смертельный удар своему противнику. Потрясённый смертью Меркуцио, невольным виновником которой он стал, Ромео бросился в бой, завершившийся гибелью Тибальта. В смятении чувств герой бежал с места кровопролития, куда стали стекаться встревоженные горожане. Прибыл на площадь и герцог. Расспросив очевидцев он приговорил Ромео к изгнанию из Вероны. Известие о гибели Тибальта и наказании Ромео достигло Джульетты.

(...) СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

(...) Джульетта

Тибальт убит, Ромео же – в изгнание!
В изгнание! Слово лишь одно «изгнание»

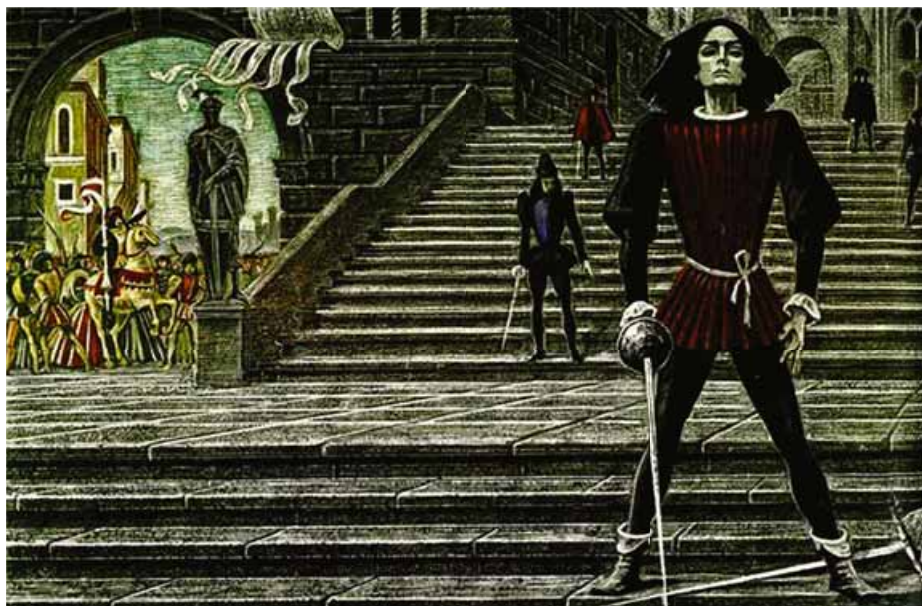

Иллюстрация С. Бродского

Убило сразу десять тысяч братьев.
Тибальт убит – и так довольно горя.
Когда бы этим кончилось одним!
Но если горю нужно соучастье
И горестей сообщество других –
Зачем во след за этими словами:
«Тибальт убит» – не услышала я,
«Отец» иль «мать скончалась», или «оба»?
Оплакала б я их, как подобает.
Но в заключение гибели Тибальта –
Изгнание Ромео! Это значит,
Что все убиты: мать, отец, Тибальт,
Ромео и Джульетта – все погибли!
Изгнание Ромео! Нет границ,
Пределов, меры смерти в этом звуке!
Не высказать словами силу муки.
Но где ж отец, где мать?

Кормилица Тибальта прах
Оплакивают в горе и в слезах.
Пойдёшь туда? Я провожу тебя.

Джульетта
Пусть слёзы их омоют рану.
Я плакать об одном Ромео стану! (...)

Узнав о своём изгнании из Вероны, Ромео впал в отчаяние. Мысль о разлуке с Джульеттой казалась ему невыносимой. Он хотел было свести счёты с жизнью, но брат Лоренцо его остановил.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какой предстала Джульетта в глазах Ромео на празднике? Укажите в его речи сравнения, подчёркивающие красоту девушки. Почему, увидев Джульетту, юноша забыл Розалину? О чём свидетельствует такая перемена?
2. Какое впечатление произвёл на Джульетту Ромео? Приведите цитаты.
3. Возникшее между героями чувство является классическим примером «любви с первого взгляда». Как оно изображается в пьесе Шекспира? Подберите для его характеристики наиболее точные, с вашей точки зрения, определения.
4. Какие ценные рассуждения о любви содержатся в сцене разговора Ромео и Джульетты в ночном саду? Как в этой сцене раскрывается сила их любви? Приведите цитаты.
5. **Работа в паре.** Как вы думаете, почему сцена разговора Джульетты и Ромео в ночном саду считается одной из самых сильных страниц в мировой литературе? Сформулируйте свои аргументы «за» или «против».
6. Почему девушка отказалась принять любовную клятву Ромео? Ответ на этот вопрос подкрепите цитатами.
7. Можно ли назвать любовь Ромео и Джульетты героической? Поясните свою точку зрения.

Консультация литературоведа

Терминами «драма» или «пьеса» обозначаются произведения, предназначенные для постановки на сцене. Хотя существуют также пьесы для чтения. *Драма* находится на перекрёстке двух искусств – словесного и театрального – и имеет ряд своих особенностей, их следует иметь в виду при чтении или театральном просмотре драматического произведения.

Текст драмы разбит на части, называемые актами (или действиями), а они, в свою очередь, делятся на явления (или сцены, а также картины).

Поскольку пьеса предназначена для постановки на сцене, драматург лишён многих возможностей, которыми располагает прозаик и лирик. Он не может передать настроение героя с помощью пейзажа («природу» в драме рисует художник, разрабатывающий декорации) или описать, как чувства героя отражаются в его поведении (это делает актёр). Так как драма не оставляет возможности для описаний, главным инструментом художественного изображения становится речь героев – *диалог* и *монолог*.

Сколь бы убедительной ни была игра актёров, во время спектакля зритель всё же осознаёт, что изображаемое на сцене – это всего лишь спектакль, а не «фрагмент» настоящей жизни, он воспринимает происходящее в пьесе не как реальность, а как условность. Условность – один из основных принципов драмы. В чём она проявляется?

Во-первых, условно время сюжета драмы: оно протекает гораздо быстрее, чем в жизни. Описываемые в пьесе события могут растягиваться на дни, месяцы и годы, но в спектакле они укладываются в несколько часов.

Во-вторых, условно пространство, в котором разворачивается драматический сюжет. Рассматривая декорации, зритель понимает, что они являются лишь условными обозначениями места действия.

В-третьих, условны некоторые особенности поведения героев.

Дра́ма – один из трёх основных родов литературы (эпос, лирика, драма). Основу драмы составляет действие (слово «драма» переводится с древнегреческого языка как «действие»). Именно посредством развития действия в пьесе раскрывается мир человеческих отношений и чувств. А главным двигателем этого развития выступает *конфликт*.

Конфликт – столкновение и противоборство действующих сил. Такое столкновение в художественном произведении может происходить между разными качествами характера (в душе героя); между несколькими героями или их группами; между героем и обстоятельствами и т.д. Для драмы характерен особенно острый конфликт, требующий стремительного развития сюжета и затрагивающий вопросы общечеловеческого значения.

Трагедия – драматический жанр, изображающий трагическое, исполненное острых противоречий и конфликтов столкновение героя с окружающим миром. Герой трагедии – незаурядный, сильный и волевой человек, который, попадая в роковое стечение обстоятельств, ведёт борьбу с препятствиями, обрекающими его на гибель.

Диалог – одна из основных форм характеристики персонажа в литературном произведении; особенно важен в драме, где является главным средством изображения действия и характеров.

Монолог – развёрнутое высказывание одного лица; в драме – форма характеристики персонажа: обращаясь к себе или зрителям, на время «выключаясь» из сценического действия, герой в монологе раскрывает своё душевное состояние.

Перед отъездом из Вероны Ромео, рискуя жизнью, попрощался с Джульеттой. Тем временем над влюблёнными нависла новая угроза: видя скорбь Джульетты, отец решил больше не откладывать её замужество с Парисом и сыграть свадьбу через три дня. Девушка ответила решительным отказом. Тогда разгневанный отец приказал ей немедленно готовиться к венчанию. Джульетта бросилась за советом к брату Лоренцо. Искренне желая помочь, монах предложил девушке неожиданный план действий...

АКТ IV

СЦЕНА 1

Келья брата Лоренцо.

Брат Лоренцо

(...) Так вот: иди домой; будь весела

И дай согласие стать женой Париса.

А завтра, в среду, постарайся на ночь

Одна остаться: в эту ночь пускай

Кормилица с тобою не ночует.

Возьми вот эту склянку – и в постели

Ты выпей всё до капли; и мгновенно

По жилам разольются у тебя

Дремотный холод и оцепененье,

Биенье пульса сразу прекратится,
Ни теплота, ни вздох не обличат,
Что ты жива, и розы на ланитах
И на устах подернет бледность пепла;
И окна глаз закроются, как будто
От света жизни смерть их заградила;
Все члены, лишены упругой силы,
Застынут, станут мертвенно-недвижны;
И вот в таком подобье страшной смерти
Ты ровно сорок два часа пробудешь,
Чтобы потом проснуться, как от сна.
Итак, когда жених придёт поутру,
Чтоб разбудить тебя, ты будешь мёртвой.
Тогда тебя, как наш велит обычай,
В наряде брачном и в гробу открытом
Перенесут в старинный склеп фамильный,
Приют последний рода Капулетти.
Я обо всём дам знать письмом Ромео,
Он явится, – с ним вместе ждать мы будем,
Пока проснёшься ты, и в ту же ночь
Ромео в Мантую с тобой уедет. (...)

Дж у л ь е т т а

О, дай мне, дай! Не говори о страхе!

Б р а т Л о р е н ц о

Возьми, ступай. Будь твёрдой и отважной
В решение этом. Тотчас же пошлю
Я в Мантую Ромео донесенье.

Дж у л ь е т т а

Любовь, дай сил! Они ж дадут спасенье.
Прости, отец мой!

Уходят. (...)

После посещения брата Лоренцо Джульетта вернулась домой успокоенной. В доме Капулетти начались приготовления к свадебному пиру.

С Ц Е Н А 3

Комната Джульетты. (...)

Дж у л ь е т т а

(...) Что если не подействует напиток?
Ужель придётся утром мне венчаться?
Нет! Это помешает. Здесь лежи.
(Кладёт рядом с собой кинжал.)

А если яд монах мне дал коварно,
Чтобы убить меня, боясь бесчестья,
Когда б открылось, что меня с Ромео
Уж обвенчал он раньше, чем с Парисом?
Боюсь, что так... Но нет, не может быть:

Известен он своей святою жизнью!
Не допущу такой недоброй мысли.
А если... если вдруг в моём гробу
Очнусь я раньше, чем придёт Ромео
Освободить меня? Вот это – страшно!
Тогда могу я задохнуться в склепе,
В чью пасть не проникает чистый воздух,
И до его прихода умереть!
А коль жива останусь – лишь представить
Ужасную картину: смерть и ночь,
Могильный склеп, пугающее место,
Приют, где сотни лет слагают кости
Всех наших предков, где лежит Тибальт
И в саване гниёт, где, говорят,
В известный час выходят привиденья...
Что если слишком рано я проснусь? (...)
Что если я от ужаса, проснувшись,
Сойду с ума во тьме и буду дико
Играть костями предков погребённых,
И вырву я из савана Тибальта,
И в иступленьи прадедовской костью,
Как палицей, свой череп размозжу?
Мой Бог! Тибальта призрак здесь – он ждёт
Ромео, поразившего его
Своим мечом... Стой, стой, Тибальт! –
Ромео, иду к тебе! Пью – за тебя!
(Выпивает содержимое склянки и падает на постель.) (...)

Расчёт брата Лоренцо оправдался: утром следующего дня родные решили, что Джульетта умерла. В доме Капулетти был объявлен траур.

АКТ V

Отправленное братом Лоренцо письмо до Ромео не дошло. Вместо него юноша получил известие о смерти Джульетты. Жизнь потеряла для него смысл. Раздобыв яду, Ромео выехал в Верону, чтобы принять смерть рядом с возлюбленной.

Узнав о том, что его послание не попало в руки Ромео, брат Лоренцо поспешил на кладбище, надеясь помочь Джульетте выбраться из склепа. Тем временем в усыпальницу Капулетти пришёл тоскующий о Джульетте Парис со своим пажом. Через несколько минут на кладбище появился и Ромео в сопровождении Бальтазара. Запретив слуге следовать за ним, Ромео пробрался в склеп. Но тут на его пути неожиданно встал Парис.

СЦЕНА 3

Кладбище, склеп Капулетти. (...)

П а р и с

Как, это изгнанный гордец Монтекки!
Моей невесты брата он убил;
Она же, это нежное созданье, –

Как слышал я, – от горя умерла.
Сюда пришёл он, верно, надругаться
Над милым прахом. Я схвачу его!

(Выходит вперёд.)

Брось твой преступный замысел, Монтеки!
Ужели мечь живёт и после смерти?
Ты осуждён – тебя я арестую.
Иди за мной: ты должен умереть.

Р о м е о

Да, должен, и затем пришёл сюда.
О милый юноша, не искушай
Отчаянья души моей – беги.
Оставь меня, подумай об умерших;
Пусть это устроит тебя. Молю.
Не вовлекай меня ты в новый грех.
Тебя люблю я больше, чем себя:
Я лишь против себя вооружился.
Беги отсюда и скажи потом:
Он спас меня в безумии своём.

П а р и с

Я презираю все твои мольбы. Злодей!
Тебя на бой я вызываю.

Р о м е о

Ты хочешь драться? Берегись же, мальчик!
(Они дерутся.)

П а ж

Мой Бог, дерутся! Побегу за стражей.
(Убегает.)

П а р и с *(падая)*

О, я убит! Когда ты милосерден –
Вскрой склеп и положи меня с Джульеттой.
(Умирает.)

Р о м е о

Я обещаю. – Погляжу в лицо.
Как! Родственник Меркуцио! Граф Парис!
Что говорил слуга мой по дороге,
Когда его я слушал, не внимая?
Как будто был Парис – жених Джульетты, –
Сказал он так, иль это мне приснилось?
Иль, слушая о ней, в своём безумье
Вообразил я это? Дай же руку,
Товарищ мой, записанный со мною
В одной и той же книге злой судьбы! (...)
(Кладёт Париса в склеп.)

О ты, любовь моя, моя супруга?
Смерть выпила мёд твоего дыханья,
Но красотой твоей не овладела.

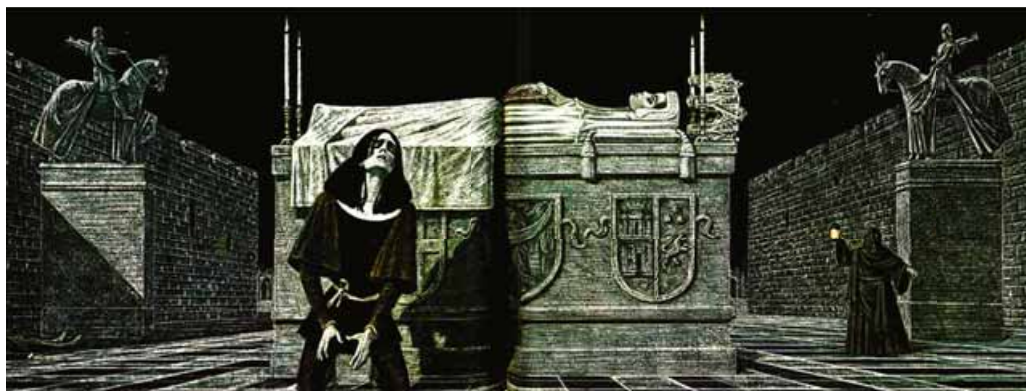

Иллюстрация С. Бродского

Ты не побеждена. Ещё румянец
Красой уста и щёки озаряет,
И смерти знамя бледное не веет. (...)
Так лучше я останусь здесь с тобой:
Из этого дворца зловещей ночи
Я больше не уйду; здесь, здесь останусь. (...)
Любовь моя, пью за тебя!
(Пьёт.)

О честный
Аптекарь! Быстро действует твой яд.
Вот так я умираю с поцелуем.
(Умирает.) (...)

В это время на кладбище появился брат Лоренцо. От укрывшегося там Бальтазара он узнал, что Ромео полчаса находится в усыпальнице Капулетти.

Брат Лоренцо

(Входит в склеп.)

Ромео – бледный как мертвец! Парис!
И весь в крови! Какой недобрый час
Виною этих роковых событий?

Джюльетта просыпается.

Она пошевелилась.

Джюльетта Ах, отец мой!
Мой утешитель! Где же мой супруг?
Я помню всё, и где я быть должна.
И вот я здесь. Но где же мой Ромео?
Шум за сценой.

Брат Лоренцо

Шум слышу я. Уйдём же из гнезда
Заразы, смерти, тягостного сна.
Противиться нельзя нам высшей воле:
Надежды все разрушены. Идём!

У ног твоих лежит супруг твой, мёртвый;
И с ним Парис. Идём, идём, я скрою
Тебя в обители святых монахинь.
Не спрашивай, бежим, уж близко стража.
Бежим, Джульетта, медлить мне нельзя.

Джульетта

Иди, иди же. Здесь останусь я.

Брат Лоренцо уходит.

Что вижу я! В руке Ромео склянка!
Так яд принес безвременную смерть.
О жадный! Выпил всё и не оставил
Ни капли милосердной мне на помощь!
Тебя я прямо в губы поцелую.
Быть может, яд на них ещё остался, –
Он мне поможет умереть блаженно.

(Целует Ромео.)

Уста твои теплы.

Первый стражник *(за сценой)*

Веди нас, мальчик.

Джульетта

Сюда идут? Я поспешу. Как кстати –
Кинжал Ромео!

(Хватает кинжал Ромео.)

Вот твои ножны!

(Закалывает себя.)

Останься в них и дай мне умереть.

(Падает на труп Ромео и умирает.) (...)

Входит стража с пажом Париса. Входят герцог и свита. Входят Капулетти и другие.

Герцог

Что за несчастье рано так случилось,
Чтобы смутить наш утренний покой? (...)

Капулетти

Что тут за шум и крики? Что случилось?

Синьора Капулетти

На улицах народ кричит: «Ромео!» –
«Джульетта!» – «Граф Парис!» – и все бегут
В ту сторону, где наш фамильный склеп.

Герцог

Какой здесь ужас нам смущает слух?

Первый стражник

Вот, государь; здесь граф лежит убитый,
Ромео мёртвый и Джульетта рядом.

Покойница ещё совсем тепла,
Она, как видно, только что убита. (...)

Синьора Капулетти

О, эта смерть, как погребальный звон,
Зовёт меня в холодную могилу!

Входят Монтекки и другие.

Герцог

Сюда, Монтекки! Встал ты нынче рано,
Чтоб увидеть, как рано лёг твой сын.

Монтекки

Мой сын! Зачем же ты забыл приличье
И ранее отца спешишь в могилу?

Герцог

Замкни уста отчаянью на время,
Пока не разъяснили мы событий –
Источник их, начало и конец. (...)

Призванный к ответу, Лоренцо рассказал всю правду.

Герцог

(...) А где ж враги – Монтекки, Капулетти?
Вас бич небес за ненависть карает,
Лишив вас счастья силою любви!
А я за то, что ваш раздор терпел,
Утратою родных наказан также.

Капулетти

О брат Монтекки, дай свою мне руку.
Вот вдовья часть Джульетты: я другой
Просить не стану.

Монтекки Дам тебе я больше:

Из золота ей статую воздвигну.
Пусть людям всем, пока стоит Верона,
Та статуя напоминает вновь
Джульетты бедной верность и любовь.

Капулетти

Ромео статую воздвигну рядом:
Ведь оба нашим сгублены разладом.

Герцог

Нам грустный мир приносит дня светило –
Лик прячет с горя в облаках густых.
Идём, рассудим обо всём, что было.
Одних – прощенье, кара ждёт других.
Но нет печальней повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Уходят.

Перевод с английского *Т. Щепкиной-Куперник*

Некоторые художественные образы приобретают общечеловеческое значение. Они вновь и вновь возникают в творчестве писателей самых разных эпох и народов. Их ёмкость, глубина, содержательность так значительны, что меняющиеся исторические условия позволяют непрерывно развивать заложенный в них смысл и усиливать те или иные его оттенки. Это Геракл и Прометей, Орфей и Эвридика, Ромео и Джульетта, Дон Кихот и Дон Жуан. Их называют *вечными образами*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Вечные образы – мифологические и литературные персонажи, имеющие общечеловеческое значение и нашедшие многочисленные воплощения в литературе разных стран и эпох.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Почему влюблённые добровольно пошли на смерть? Как вы оцениваете их отказ от жизни? Имела ли их гибель смысл? Изменила ли она что-либо в окружающем мире?
2. **Работа в парах.** Подготовьтесь к выразительному чтению любого понравившегося вам диалога героев пьесы.
3. Найдите в тексте рассуждения Джульетты и Ромео о любви. Какие ложные представления об этом чувстве герои опровергают, а какие истинные его ценности утверждают? Какие рассуждения персонажей вам особенно близки, а какие вы хотели бы оспорить? Выпишите наиболее понравившиеся вам цитаты о любви в тетрадь.
4. Что погубило героев пьесы: сила их любви, сила ненависти их семей, нелепый случай или, быть может, сама судьба? Обоснуйте своё мнение.
5. Как, по вашему мнению, следует толковать гибель героев трагедии – как победу прекрасного чувства над тёмными силами жизни или, напротив, как его поражение в схватке с этими силами?
6. Можно ли утверждать, что основной конфликт пьесы заключается в противостоянии «человека Ренессанса» и «человека Средневековья»? Аргументируйте свою точку зрения.
7. Кого из героев вы бы отнесли к людям нового времени, а кого – нет? Почему?
8. Как с помощью монолога и диалога драматург раскрывает образы своих героев? Выучите один из монологов Ромео или Джульетты (по выбору) наизусть.
9. Как вы думаете, почему Ромео и Джульетту относят к вечным образам?
10. **Пофантазируйте!** Что утратила бы шекспировская пьеса «Ромео и Джульетта», если бы финал был счастливым?
11. В чём особенность драмы как рода литературы? Какое драматическое произведение называют трагедией? Объясните на примерах из текста, почему пьесу «Ромео и Джульетта» называют «оптимистической¹ трагедией».
12. **Творческая работа.** Существует устойчивое выражение «шекспировские страсти». Напишите сочинение-миниатюру: попытайтесь объяснить значение этого выражения, опираясь на сюжет «Ромео и Джульетты».
13. **Творческая работа.** Напишите сочинение «Может ли любовь защитить себя от ненависти? (По пьесе У. Шекспира «Ромео и Джульетта»)».

¹*Оптимистический* – от *оптимизм*: бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее, склонность во всём видеть светлую сторону.

Глава 2

«...В ЛЮБОМ ИСКУССТВЕ ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ – ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ»

«О мужественное сердце разбиваются все невзгоды»

Литературная разминка

Как называется «главная книга» Мигеля де Сервантеса Сааведра? Что вам о ней известно?

Жизнь Мигеля де Сервантеса, великого испанского писателя-гуманиста эпохи Возрождения, больше похожа на приключенческий роман.

Будущий писатель родился в 1547 г. в провинциальном городке Алькала-де-Энарес неподалёку от Мадрида. История рода Сервантесов насчитывала уже пять веков рыцарства и общественной службы, но семья не имела ни высоких дворянских привилегий, ни земель, ни состояния. Отец будущего писателя Родриго де Сервантес занимался врачебной практикой. Скромный хирург в поисках заработков объехал с семьёй почти всю Испанию. Эти путешествия обогатили мальчика яркими впечатлениями. Несмотря на трудности, отец смог дать сыну прекрасное образование. В десятилетнем возрасте мальчик был отдан учиться в коллегию иезуитов, а после её окончания продолжил обучение в Мадриде у одного из лучших в то время испанских педагогов, который первым заметил литературную одарённость ученика.

Причины, заставившие Сервантеса срочно покинуть Испанию в совсем юном возрасте, до сих пор не установлены. Как бы то ни было, Сервантес стал ключником – приближённым лицом чрезвычайного папского посла, следовавшего в Италию. В Риме будущий писатель открывает для себя искусство античности, знакомится с итальянской литературой Возрождения – поэзией Данте, Петрарки. По собственному признанию, писатель был страстным читателем, а многочисленные литературные ссылки в его произведениях говорят о том, что он хорошо был знаком с античной и восточной литературой, прекрасно знал Библию.

В XVI в. Испанская империя, где «солнце никогда не заходило», была мощной мировой державой, которая продолжала расширять свои огромные владения в Европе, Америке, Азии и Африке. Именно в начале 70-х годов в Средиземноморье началась война между Османской империей и Священной лигой, которую образовали Испания, Венеция и Папа Римский. Военная карьера открывала достойные перспективы перед потомком обедневшего дворянского рода. Для вступления на военную службу в Испании «чистота крови» была непременным условием. Сервантес собирает документы, подтверждающие его происхождение, и поступает на службу в

Мигель де Сервантес
Сааведра
(1547–1616)

Ф. Бол. Портрет офицера

армию. За пять лет службы в испанских войсках, расквартированных в Италии, он посетил крупнейшие итальянские города – Милан, Болонью, Венецию, Палермо, изучил итальянский язык.

7 ноября 1571 г. Сервантес участвует в знаменитой морской битве у острова Лепанто, когда объединённый флот Священной лиги разбил турецкую эскадру и положил конец притязаниям Турции на восточную часть Средиземного моря. В тот день Сервантес получил три огнестрельных ранения: два в грудь и одно в предплечье. Эта последняя рана оказалась роковой. Сервантес с тех пор не владел левой рукой, но, как он напишет позже, «к вящей славе правой». Всю жизнь участие в знаменитой битве для Сервантеса было поводом гордиться:

«Шрамы на... груди у солдата – это звёзды, указывающие другим дорогу в небо славы и заслуженной чести».

Увечье не заставило Сервантеса оставить военную службу. В составе полка он защищал остров Корфу, участвовал в битве при Наварине, вместе с экспедиционным корпусом укреплял крепости в Северной Африке, несколько лет провёл в Сардинии и в Неаполе. Наконец, Сервантес решил, что пора возвращаться домой. Перед отъездом он и его младший брат Родриго, который служил вместе с ним, получили рекомендательные письма с высокими похвалами их воинской доблести на имя испанского короля. Эти рекомендации сыграли роковую роль в судьбе братьев. В море галеру «Солнце», на которой Сервантес плыл из Неаполя в Испанию, захватили корсары и доставили пленников-пассажира в Алжир – центр пиратства и работорговли. Рекомендации, обнаруженные у братьев, вызвали у правителя Алжира преувеличенное представление об их состоянии и знатности: он потребовал огромную сумму выкупа. Пять долгих и трудных лет Сервантес проводит в рабстве в Алжире, поскольку родители были не в состоянии собрать нужную сумму. Но ни на минуту его не покидает мысль о свободе: он совершил три побега, в которых проявил непоколебимое мужество. Но все они закончились неудачей, и с каждым разом положение Сервантеса становилось всё хуже. Младшего брата выкупили раньше, и он передал королевскому секретарю письмо в стихах, в котором Сервантес призвал короля Испании спасти «от страшной и безжалостной темницы» его и ещё пятнадцать тысяч христиан, оказавшихся в рабстве. Король остался равнодушным к судьбе своего верного солдата. И Сервантесу пришлось ждать ещё три долгих года, пока матери не удалось через миссию по выкупу пленных договориться о меньшей сумме выкупа. 19 сентября 1580 г. он был освобождён и покинул Алжир.

Вернувшись домой, Сервантес нашёл свою семью в крайней бедности. И с каждым годом материальное положение семьи всё ухудшалось. Заботы

о близких пали на плечи Мигеля. Не имея ни денег, ни покровителей, он вынужден был вновь вернуться на военную службу. Служба военным курьером и поездки в Северную Африку не принесли ему ощутимого дохода, и через несколько лет он вернулся домой в надежде найти более достойную службу. Длительная борьба с бедностью завершилась ещё одной печальной историей. Сервантеса назначили сборщиком налогов, но вскоре он был заключён в севильскую тюрьму сроком на семь месяцев по обвинению в растрате казённых денег из-за того, что банк, в котором хранились собранные налоги, лопнул.

За время скитаний Сервантеса и поисков лучшей жизни семья разорилась, а военные заслуги отставного офицера были давно забыты. Чтобы заработать на жизнь, он выбирает главным своим занятием поэзию. Сервантес писал, начиная с молодых лет, писал даже в алжирских темницах, но только теперь литературная деятельность стала его профессией. Он пишет на заказ пьесы для театра, а также стихи для знатных лиц за вознаграждение, разрабатывает «модные» жанры, стремится сказать в литературе своё слово.

В январе 1605 г. в Мадриде появился роман «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» мало кому известного писателя. Ещё во время пребывания в тюрьме, по собственному признанию Сервантеса, в его воображении возник образ человека, сошедшего с ума от чтения рыцарских романов и отправившегося осуществлять рыцарские подвиги в подражание героям любимых книг. Роман имел огромный успех не только в Испании, но и за её пределами.

С этого момента литературная деятельность Сервантеса не прекращалась. В перерыве между первой и второй частями «Дон Кихота» Сервантес издаёт сборник «Поучительные новеллы» (1613), автобиографическую поэму «Путешествие на Парнас¹» (1614), сборник драматических произведений «Восемь комедий и восемь интермедий» в прозе и стихах.

Писатель, окрылённый многочисленными письмами читателей, которые восхищались «Дон Кихотом» и просили написать продолжение приключений «хитроумного идалго», начинает работу над второй частью романа. Но неприятность поджидала Сервантеса и здесь: вышло продолжение его собственного знаменитого произведения, но подписанное псевдонимом Фернандес де Авельянеда. Причём автора не так оскорбил сам факт заимствования сюжета и идеи, как искажение образов главных героев и многочисленные нападки на настоящего автора романа в «Лже-Кихоте» (как

Памятник Сервантесу в Мадриде
(скульптор А. Сола)

¹ *Парнас* — горный массив в Греции; з д е с ь: символ поэзии, поэтического признания.

позже назвали его литературоведами). Сервантес за несколько месяцев закончил работу над второй частью настоящего «Дон Кихота», который увидел свет в 1615 г.

Последние десять лет Сервантес прожил в Мадриде, который стал столицей королевства. Корифей¹ испанской литературы, как и раньше, едва сводил концы с концами. Как сказал о себе Сервантес, он «получил в стихах меньше побед, чем на голову сыплется бед».

Испанский гуманист умер 23 апреля 1616 г. в Мадриде, в этот же день из жизни ушёл великий английский писатель и драматург – Уильям Шекспир. По иронии судьбы могила Сервантеса долго оставалась потерянной, так как на его гробнице в одной из церквей отсутствовала даже надпись. Только в 1835 г. в столице Испании автору «Дон Кихота» был установлен памятник, на пьедестале которого сделано две надписи на латинском и испанском языках: «Мигелю де Сервантесу Сааведра, царю испанских поэтов...»

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие факты из жизни Сервантеса вам запомнились?
2. Какое значение в творческой судьбе Сервантеса имела военная служба?
3. С какими жизненными трудностями приходилось бороться Сервантесу?
4. Какие качества характера помогли ему стать признанным в мире писателем?

«Добрые деяния никогда не следует откладывать...»

Литературная разминка

Обратите внимание на высказывания известных писателей о романе Сервантеса «Дон Кихот», выпишите их в тетрадь.

«Если человечество позовут на Страшный суд, то ему в своё оправдание достаточно будет представить только одну-единственную книгу – “Дон Кихот” Сервантеса, чтобы все человеческие грехи были отпущены», – утверждал русский писатель Ф. М. Достоевский. Что же делает роман Сервантеса «Дон Кихот» настоящим открытием в литературе эпохи Возрождения?

На протяжении всего повествования о «хитроумном идалго» Сервантес убеждает читателя, что единственная причина, заставившая его взяться за перо, – желание высмеять нелепость рыцарских романов, которые заполонили Испанию, и называет свою книгу «сплошным отрицанием рыцарских романов». Действительно, как подсчитали исследователи, с 1508 по 1612 г. в стране вышло 120 произведений рыцарской литературы. Поэтому, на первый взгляд, это *пародия* на рыцарские романы.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Пародия – состоит в «передразнивании» оригинала, сведения его «высокого» образного языка и серьёзного сюжета в низкий, смешной план.

¹ Корифей – выдающийся деятель в какой-либо области.

На первый взгляд, Сервантес сохраняет все составляющие рыцарского романа: авантюрный сюжет, построенный на странствиях, подвигах рыцаря, его приключениях и служении Прекрасной Даме, использует элементы фантастики и гиперболы. Также имя героя – Кихот – вводит читателя в мир рыцарства: испанское слово *quijote* означает часть рыцарских доспехов. Но вместо несокрушимого рыцаря, который совершает подвиги ради славы, морального самосовершенствования и ради чести дамы сердца, перед читателем предстаёт обедневший идальго Алонсо Кихано, который решил стать странствующим рыцарем после того, как начитался рыцарских романов. Его рыцарские доспехи – дырявый шлем, заржавевшие меч, щит и копьё, а его боевой конь – кляча по кличке Росинант. Вместо молодой красавицы знатного происхождения, в честь которой вершатся ратные подвиги и устраиваются турниры, – здесь фигурирует простая девушка Альдонса Лоренсо из соседней деревни. Да и какие подвиги можно осуществить в Ламанче – совсем «не героической» части Испании, где палящее солнце царит над скучной, однообразной равниной с редкими красными холмами? Не случайно в обыденной речи «La mancha» означает «пятно», «кусочек земли». Наконец, смешные и безрассудные подвиги Дон Кихота, которые он совершает сначала один, а затем в обществе верного оруженосца Санчо Пансы, которого он увлёл за собой, чаще всего оборачиваются лишь неприятностями и убытками.

После выхода в свет первой части «Дон Кихота» рыцарские романы в Испании начали быстро терять свою популярность и больше почти не издавались. Однако пародия как жанр исчерпывается уже в шестой главе, когда уничтожается библиотека Дон Кихота. Далее книга приобретает черты авантюрного, бытового, философского романа, в котором многие увидели отражение судьбы самого автора. Дворцы и постоялые дворы, мельницы и усадьбы, каторжники и паломники, солдаты и монахи, трактирщики и разбойники, пастухи и крестьяне, которые встречаются герою во время путешествия, символизируют обыденность испанской действительности, на фоне которой фигура Дон Кихота выглядит одновременно и комической, и трагической. Отличительными особенностями Дон Кихота являются его богатое воображение, чуткое к страданиям и горю сердце, благородная душа. Чрезмерное пристрастие к чтению рыцарских романов привело к тому, что он утратил способность отличать реальный мир от воображаемого. Чудаковатый Дон Кихот живёт по героическим законам прошлого, не желая воспринимать действительность. Поэтому его дела, слова, неиссякаемая фантазия вызывают иногда смех, а иногда и возмущение окружающих. Комический эффект в романе достигается прежде всего благодаря этой путанице реального и иллюзорного миров. Торговцы на мулах, ветряные мельницы, стадо овец, трактир, рыдван с дамой, медный таз и многое другое приобретают совершенно иной вид в фантазии главного героя.

Но в сознании Дон Кихота рождается множество планов: сколько в мире зла надо уничтожить, сколько беззаконий отменить, сколько ошибок исправить. Цель, которую ставит перед собой рыцарь Ламанчский, заключается в том, чтобы защищать тех, кого «Господь и природа создали сво-

Первая страница первого издания «Дон Кихота»

бодными». Поэтому Дон Кихот продолжает не только рыцарские традиции, но и исповедует идеологию гуманизма, ведь мечтой героя является изменение мира к лучшему. Устами главного героя автор выражает мечту о несокрушимом стремлении человека к идеалу, что придаёт роману философскую окраску. Герой продолжает верить в человечность, добро и красоту. Дон Кихот отстаивает высокие представления о человеке, его назначении и нравственности и создаёт в своём воображении идеал. А в исповеди рыцарь провозглашает: «Не называй своим ничего, кроме своей души».

В реальном мире на долю «донкихотов» выпадает много страданий. Не каждый может совместить высокую идею и приземлённую реальность, воображаемый мир и жестокую действительность, но стремиться к этому нужно, чтобы не потеряться где-то посередине, как потерялся Дон Кихот.

В отличие от Дон Кихота, его оруженосец Санчо Панса сохраняет трезвый взгляд на мир. Санчо прошёл через нищету и множество притеснений и, несмотря на хозяйственность и практичность, так и остался бедняком. Он легко соблазняется предложением Дон Кихота быть оруженосцем, потому что надеется заполучить обещанный его хозяином пост губернатора. Эта его мечта основывается на вере в собственное человеческое достоинство. С развитием сюжета Санчо Панса раскрывает перед читателем свои лучшие качества. Он живёт сегодняшними проблемами и никогда не забывает, что он единственный кормилец своей семьи, и поэтому всегда что-то требует у своего рыцаря: денег, ослов, рецепт чудодейственного бальзама. Простодушие и наивность, однако, сочетаются у него с крестьянской хитрецой. После каждого подвига Рыцаря Печального Образа Санчо выискивает себе трофеи на поле битвы, мечтает разбогатеть. Но со временем Санчо под влиянием Дон Кихота начинает поддерживать фантазии рыцаря и верить в гуманистические идеалы. Простой, тёмный, неграмотный человек из народа оказался способен понять высокие идеалы Дон Кихота.

Немецкий поэт Генрих Гейне, сопоставляя образы Дон Кихота и Санчо Пансы, отмечает: «Что касается двух персонажей, которые именуют себя Дон Кихот и Санчо Панса, они непрерывно пародируют друг друга и одновременно удивительно друг друга дополняют, а вместе они составляют настоящего героя романа...»

Образ Дон Кихота продолжает галерею вечных образов, олицетворяя человека, идейно возвышенного, духовно непобедимого. «Когда переведутся Дон Кихоты, пусть закроется книга истории. В ней нечего будет читать», – считал И.С. Тургенев. Благодаря главному герою романа Серван-

теса появилось такое понятие, как «донкихотство», – поведение, образ жизни благородного и доброго человека-мечтателя, который стремится приносить пользу людям во имя благородных, пусть даже неосуществимых идеалов.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Как создавался роман «Дон Кихот»? Чем обогатил он мировую литературу?
2. Что такое пародия? В чём связь романа Сервантеса с рыцарскими романами?
3. Г. Гейне считал, что Дон Кихот и Санчо Панса «составляют настоящего героя романа...». Эту точку зрения, по-вашему, следует поддержать или опровергнуть? Объясните свою позицию.
4. Есть ли среди ваших близких и друзей человек, которому присуще донкихотство? Почему вы так думаете?
5. **Творческая работа.** Подготовьте устное сообщение «Почему Дон Кихот стал вечным образом».

Перед чтением

Читая главы романа, проследите, в чём заключается особенность борьбы со злом, которую ведёт главный герой.

ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ

(Избранные главы)

ГЛАВА I,

повествующая о нраве и образе жизни славного идадьго Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе Ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идадьго, чьё имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оля¹ чаще с говядиной, нежели с бараниной, виногрет, почти всегда заменивший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям, – всё это поглощало три четверти его доходов. Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтанье, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешёвого, но весьма добротного сукна. (...) Возраст нашего идадьго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худоцав, любитель вставить спозаранку и заядлый охотник. (...)

Надобно знать, что вышеупомянутый идадьго в часы досуга, – а досуг длился у него чуть ли не весь год, – отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже своё хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и его помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы, какие только ему удалось достать... (...)

Одним словом, идадьго наш с головой ушёл в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого, что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе

¹ Оля – испанское национальное кушанье, род горячего виногрета из мяса, сала и разных овощей.

П. Пикассо. Дон Кихот и Санчо
Панса

потерял рассудок. Воображение его было поглощено всем тем, о чём он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой, и до того прочно засела у него в голове мысль, будто всё это нагромождение вздорных небылиц – истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного. (...)

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая ещё не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почёл благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества

сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почёт. Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений. Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он с крайним тщанием вычистил их и привёл в исправность, то заметил, что недостаёт одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный шишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полшлем, он прикрепил его к шишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема. Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанёс два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели; лёгкость же, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила, и, чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутрь железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью и, найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом удивительно тонкой работы.

Затем он осмотрел своего коня и, хотя это была настоящая кляча, что называется – кожа да кости, что ни Букефал¹ Александра Македонского,

¹ *Букефал* – любимый конь Александра Македонского.

ни Бабьёка¹ Сида не могли бы с нею тягаться. Несколько дней раздумывал он, как его назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да ещё такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идалго... в конце концов остановился на *Росинанте*², имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняящем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решил он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это ещё неделю, назвал, наконец, *Дон Кихотом*. (...) И ему, как истинному рыцарю, надлежит присвокупить к своему имени название своей родины и стать *Дон Кихотом Ламанчским*, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделав из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошадёнки и окрестив самого себя, он пришёл к заключению, что ему остаётся лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви – это всё равно, что дерево без плодов и листьев или же тело без души. (...)

О, как ликовал наш добрый рыцарь... когда он нашёл, кого назвать своею дамой! Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблён, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали её Альдонсою Лоренсо, и вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для неё имя положил он назвать её Дульсинеей Тобосскою, – ибо родом она была из Тобосо, – именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена. (...)

Покончив со всеми приготовлениями, Дон Кихот взгромоздился на свою клячу и отправился в путь. Вечером он въехал на постоялый двор. Глядя на этого чудака и слушая его безумные речи, обитатели постоялого двора едва сдерживались от смеха. Но Дон Кихот не замечал их насмешек. Он был озабочен мыслью о том, что ещё не прошёл посвящения в рыцари, а значит, не имел права быть настоящим странствующим рыцарем.

Иллюстрация И. Богдеско

¹ *Бабьёка* – по преданию, любимый конь Сида (Сид Руй Диас (1043–1099) – национальный испанский герой, чьи подвиги воспеты в многочисленных народных песнях и поэмах).

² *Росинант* – составное слово: «росин» – кляча, «анте» – прежде и впереди, то есть то, что было клячей когда-то, а также кляча, идущая впереди всех остальных.

ГЛАВА III,

в коей рассказывается о том, каким забавным способом Дон Кихот был посвящён в рыцари.

Преследуемый этою мыслью, Дон Кихот, быстро покончив со своим скудным трактирным ужином, позвал хозяина, удалился с ним в кухню, пал на колени и сказал:

– Доблестный рыцарь! Я не двинусь с места до тех пор, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу, – исполнение же того, о чём я прошу, покроет вас неувядаемою славой, а также послужит на пользу всему человеческому роду.

Увидев, что гость опустил перед ним на колени, и услышав такие речи, хозяин оторопел: он не знал, что делать и что говорить, а затем стал убеждать его подняться с колен, но тот поднялся лишь после того, как хозяин дал слово исполнить его просьбу. (...)

Хозяин, будучи, как мы уже говорили, изрядною шельмой¹, отчасти догадывался, что гость не в своём уме, – при этих же словах он совершенно в том уверился и, решившись потакать всем его прихотям, дабы весело провести ночь, сказал Дон Кихоту следующее: намерение-де его и просьба более чем разумны, и вполне естественно и законно, что у такого знатного, сколько можно судить по его наружности и горделивой осанке, рыцаря явилось подобное желание; да и он, хозяин, в молодости сам предавался этому почтенному занятию. (...)

Затем он осведомился, есть ли у Дон Кихота деньги; тот ответил, что у него нет ни гроша, ибо ни в одном рыцарском романе ему не приходилось читать, чтобы кто-нибудь из странствующих рыцарей имел при себе деньги. На это хозяин сказал, что он ошибается; что хотя в романах о том и не пишется, ибо авторы не почитают за нужное упоминать о таких простых и необходимых вещах, как, например, деньги или чистые сорочки, однако ж из этого вовсе не следует, что у рыцарей ни того, ни другого не было; напротив, ему доподлинно и точно известно, что у всех этих странствующих рыцарей, о которых насочиняли столько романов, кошельки на всякий случай были туго набиты; брали они с собой и чистые сорочки, а также баночки с мазью, коей врачевали они свои раны... (...) В заключение хозяин посоветовал Дон Кихоту, – хотя, в сущности, он имел право приказывать ему, ибо тот в ближайшем будущем должен был стать его крестником, – впредь без денег и упомянутых снадобий в путь не пускаться: он сам, дескать, увидит, что в один прекрасный день они ему пригодятся.

Дон Кихот обещал в точности исполнить всё, что ему советовал хозяин, а затем начал готовиться к ночи... (...)

Хозяин рассказал своим постояльцам о сумасшествии Дон Кихота, о его намерении провести ночь в бдении над оружием и о предстоящей возне с посвящением его в рыцари. Присутствовавшие подивились такому странному виду умственного расстройства и пошли посмотреть на Дон Кихота издали, а Дон Кихот между тем то чинно прохаживался, то опершись на копьё, впивался глазами в свои доспехи и долго потом не отводил их. Дело было глухою ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспечённого

¹ Шельма – ловкий, хитрый человек; мошенник, плут, пройдоха.

Иллюстрация С. Бродского

рыцаря хорошо видны были зрителям. В это время одному из погонщиков, ночевавших на постоялом дворе, вздумалось напоить мулов, для чего надлежало снять с водопойного корыта доспехи нашего рыцаря; и, едва увидев погонщика, Дон Кихот тотчас же заговорил громким голосом:

– Кто б ни был ты, о дерзкий рыцарь, осмеливающийся прикасаться к оружию самого доблестного из всех странствующих рыцарей, какие когда-либо опоясывались мечом! Помысли о том, что ты делаешь, и не прикасайся к нему, не то жизнью заплатишься ты за свою продерзость!

Погонщик и в ус себе не дул, – а между тем лучше было бы, если бы он дул: по крайности его самого тогда бы не вздули, – он схватил доспехи и постарался зашвырнуть их как можно дальше. Тогда Дон Кихот возвёл очи к небу и, по-видимому, обращаясь мысленно к госпоже своей Дульси-нее, сказал:

– Помогите мне, госпожа моя, отомстить за оскорбление, впервые нанесённое моему сердцу – вашему верноподданному. Ныне предстоит мне первое испытание – не лишайте же меня защиты своей и покровы.

Продолжая взывать к своей даме, Дон Кихот отложил в сторону щит, обеими руками поднял копьё и с такой силой опустил его на голову погонщика, что тот упал замертво, так что если бы за этим ударом последовал второй, то ему уже незачем было бы обращаться к врачу. Засим Дон Кихот подобрал свои доспехи и, как ни в чём не бывало, снова стал прогуливаться. Малое время спустя другой погонщик, не подозревавший о том, какая участь постигла первого, – ибо тот всё ещё лежал без чувств, – вздумал напоить мулов, но как скоро приблизился он к водопойной колоде и, чтобы освободить место, стал снимать доспехи, Дон Кихот, ни слова не говоря и на сей раз ни у кого не испросив помощи, снова отложил в сторону щит, снова поднял копьё и так хватил второго погонщика, что не копьё разлетелось на куски, но череп погонщика раскололся даже не на три, а

на четыре части. На шум сбежались обитатели постоянного двора, в том числе хозяин. Тогда Дон Кихот, одною рукой схватив щит, а другою придерживая меч, воскликнул:

– О царица красоты, сила и крепость изнемогшего моего сердца! Пора тебе обратить взоры величия своего на преданного тебе рыцаря, на которого столь грозная надвигается опасность!

Тут он ощутил в себе такую решимость, что, если б сюда со всего света набежали погонщики, всё равно, казалось ему, не отступил бы он ни на шаг. Товарищи раненых погонщиков, найдя их в столь тяжёлом состоянии, принялись издали осыпать Дон Кихота градом камней, – тот по мере возможности закрывался щитом, но, не желая оставлять на произвол судьбы свои доспехи, от колоды не отходил. Хозяин кричал на погонщиков и уговаривал их не трогать рыцаря: ведь он же, дескать, предупреждал их, что это сумасшедший, а с сумасшедшего, хоть бы он тут всех переколотил, взятки гладки. Но Дон Кихот кричал ещё громче: погонщиков он обозвал изменниками и предателями, а владельца замка – за то, что тот допускает, чтобы со странствующими рыцарями так поступали, – малодушным и неучтивым кавальеро, да ещё прибавил, что если б он, Дон Кихот, был посвящён в рыцари, то владелец замка ответил бы ему за своё вероломство. (...)

Хозяину надоели выходки гостя, и, чтобы положить им конец, вознамерился он сей же час, пока не стряслось горшей беды, совершить над ним этот треклятый обряд посвящения. Подойдя к нему, он принёс извинения в том, что этот подлый народ без его ведома так дерзко с ним обошёлся, и обещал строго наказать наглецов. Затем ещё раз повторил, что часовни в замке нет, но что теперь всякая необходимость в ней отпала: сколько ему известен церемониал рыцарства, обряд посвящения состоит в подзатыльнике и в ударе шпагой по спине, вот, мол, и вся хитрость, а это и среди поля с успехом можно проделать; что касается бдения над оружием, то с этим уже покончено, потому что бодрствовать полагается всего только два часа, а Дон Кихот бодрствует уже более четырёх. Дон Кихот всему этому поверил; он объявил, что готов повиноваться, только предлагает как можно скорее совершить обряд, а затем добавил, что когда его, Дон Кихота, посвятят в рыцари, то в случае, если на него снова нападут, он никого здесь не оставит в живых – впрочем, за кого владелец замка попросит, тех он из уважения к нему пощадит.

Перепуганный владелец замка, не будь дурак, тотчас сбежал за книгой, где он записывал, сколько овса и соломы выдано погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи... подошёл к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, всё ещё бормоча себе под нос что-то вроде молитвы, славно огрел рыцаря по спине его же собственным мечом... Немалое искусство требовалось для того, чтобы во время этой церемонии в любую минуту не лопнуть от смеха; впрочем, при одном воспоминании о недавних подвигах новонаречённого рыцаря смех невольно замирал на устах у присутствовавших. (...)

Дон Кихот не чаял, как дождаться минуты, когда можно будет снова сесть на коня и отправиться на поиски приключений, и, после того как были закончены все эти доселе невиданные церемонии, совершённые с такою быстротою и поспешностью, он тот же час оседлал Росинанта, сел

Иллюстрации Дж. Давида

верхом и, обняв хозяина, в столь мудрёных выражениях изъяснил ему свою благодарность за посвящение в рыцари, что передать их нам было бы не под силу. В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнёс не менее высокопарную, хотя и не столь пространную речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Каким предстаёт Дон Кихот в начале первой главы? Охарактеризуйте его социальное положение, возраст, жизненный уклад и привычки. Подкрепите свой ответ цитатами.
2. Как вы полагаете, почему главным героем своего романа Сервантес сделал бедного идалго?
3. Чем, по вашему мнению, привлекали Дон Кихота рыцарские романы? Что придавало этому увлечению странный характер?
4. Почему решение Дон Кихота стать странствующим рыцарем выглядит необычным, ведь странствующие рыцари когда-то действительно существовали?
5. Какими атрибутами рыцарства обзавёлся герой? Почему он казался пародией на рыцарей из его любимых книг?
6. Как произошло посвящение Дон Кихота в рыцари? Отметьте наиболее комичные детали этого действия. Почему герой не замечает насмешек окружающих?
7. Приведите примеры искажённого восприятия действительности, характерного для Дон Кихота. Что, по вашему мнению, побеждает в столкновениях героя с миром: его фантазия или реальная действительность?
8. Почему окружающие охотно подыгрывают «безумному» герою?
9. **Работа в парах.** Рассмотрите иллюстрации на с. 70, 71, 73, 75. Каждый из художников по-своему увидел образ Дон Кихота. Какой кажется вам наиболее удачным? Почему?
10. Над чем, по вашему мнению, смеётся автор романа: над идеалами, которые отстаивает «свихнувшийся» Дон Кихот, или действительностью, далёкой от идеалов?

ГЛАВА IV.

О том, что случилось с рыцарем нашим, когда он выехал с постоялого двора

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подсакивая в седле, выехал с постоялого двора. (...)

Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чащи леса, до него донесли тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва слышав их, он тотчас воскликнул:

– Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, – за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний! Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающиеся в помощи моей и защите.

С этими словами он дёрнул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав же несколько шагов по лесу, увидел он кобылу, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно стегал его ремнём, сопровождая каждый удар пощёками и нравоучениями.

– Смотри в оба, а язык держи за зубами, – приговаривал он.

А мальчуган причитал:

– Больше не буду, хозяин, Христом-богом клянусь, не буду, обещаю вам глаз не спускать со стада!

Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

– Неучтивый рыцарь! Как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё, – надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к коему была привязана кобыла, – и я вам докажу всю низость вашего поступка.

Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивавшую копьём, подумал, что пришла его смерть.

– Сеньор кавальеро! – вкрадчивым голосом заговорил он. – Я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасёт здесь отару моих овец; из-за этого ротозея я каждый день недосчитываюсь овцы. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее, за плутовство, а он говорит, что я из скупости возвожу на него напраслину, чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь Богом и спасением души, что он врёт.

– Как вы смеете, мерзкий грубиян, говорить в моём присутствии, что он врёт? – воскликнул рыцарь. – Клянусь солнцем, всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь. Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем Всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте. Ну, отвязывайте его, живо!

Сельчанин, понутив голову, молча отвязал своего слугу; тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин. Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов¹ за месяц. Дон Кихот вы-

¹ *Real* – старинная испанская серебряная или медная монета; один серебряный реал равнялся двум медным.

Кадр из фильма «Дон Кихот» (режиссёр Г. Козинцев, 1957)

считал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтоб он немедленно раскошелливался, если только ему дорога жизнь. На это испуганный сельчанин ответил так: он, дескать, уже клялся, – хотя до сих пор об этом не было и речи, – и теперь говорит, как на духу, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчёт и сбросить со счетов стоимость трёх пар обуви, которые износил пастух, да ещё один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда он занемог.

– Это всё так, – возразил Дон Кихот, – однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнём, – пусть же это пойдёт в уплату за обувь и кровопускания: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчёте.

– Беда в том, сеньор кавальеро¹, что я не взял с собой денег, – придётся Андресу пойти со мной, и дома я уплачу ему всё до последнего реала.

– Чтобы я с ним пошёл? – воскликнул мальчуган. – Час от часу не легче! (...)

– Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? – снова заговорил сельчанин. – Сделай милость, пойдём со мной, – клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, всё до последнего реала, с радостью уплачу.

– Можно и без радости, – сказал Дон Кихот, – уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали: это всё, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе, клянусь тою же самой клятвою, я разыщу вас и накажу: будь вы проворнее ящерицы, я всё равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я – доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и утеснённых, засим оставайтесь с Богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного и скреплённого клятвою.

¹ *Кавальеро* – лицо дворянского происхождения, представитель среднего дворянства.

Кадр из фильма «Рыцарь Дон Кихот» (режиссёр М. Арагон, 2002)

С этими словами он пришпорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рощу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

– Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

– Я в этом нимало не сомневаюсь, ваша милость, – заметил Андрес. (...)

– Я тоже в этом не сомневаюсь, – сказал сельчанин, – но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю ещё больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, всыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

Тем временем доблестный Дон Кихот, заступившись таким образом обиженного, в восторге от этого происшествия, которое показалось ему великолепным и счастливым началом рыцарских его подвигов, и весьма довольный собою, ехал к себе в село... (...)

Вскоре Дон Кихот обзавёлся собственным оруженосцем. Им стал его односельчанин Санчо Панса – человек довольно практичный, но, как замечает рассказчик, «с мозгами набекрень». Податься в оруженосцы он согласился после того, как Дон Кихот посулил ему место губернатора на каком-нибудь завоёванном острове. Санчо Панса стал его верным, хотя временами и строптивым спутником.

ГЛАВА VIII.

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем.

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

– Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, – я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостоя-

Кадр из фильма «Дон Кихот» (режиссёр В. Ливанов, 1998)

ния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли – значит верой и правдой послужить Богу.

– Где вы видите великанов? – спросил Санчо Панса.

– Да вон они, с громадными руками, – отвечал его господин. – У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

– Помилуйте, сеньор, – возразил Санчо, – то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, – это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

– Сейчас видно неопытного искателя приключений, – заметил Дон Кихот, – это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

– Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул лёгкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

– Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарей¹, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

¹ *Бриарей* – мифологический герой, сторукий великан.

Иллюстрация Дж. Давида

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсинеи, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копьё в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что господин его не может пошевелиться – так тяжело упал он с Росинанта.

– Ах ты, Господи! – воскликнул Санчо. – Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

– Помолчи, друг Санчо, – сказал Дон Кихот. – Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, дабы лишить меня плодов победы, – так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча.

– Это уж как Бог даст, – заметил Санчо Панса.

Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Ущелью Ляписе, ибо Дон Кихот не мог упустить множество разнообразных приключений, какое, по его словам, на этом людном месте их ожидало; одно лишь огорчало его – то, что он лишился копья... (...)

Перевод с испанского Н. Любимова

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Расскажите о первом «подвиге» Дон Кихота. Что побудило героя заступиться за притесняемого слугу? Имел ли этот «подвиг» смысл, и если да, то какой?
2. Какие новые свойства натуры Дон Кихота раскрылись в эпизодах сражений с ветряными мельницами? Как проявил себя Санчо Панса? В чём заключаются героизм и комизм сражения Дон Кихота с ветряными мельницами?
3. Какие качества характера Дон Кихота раскрываются в приключениях, описанных в прочитанных главах?
4. Что, по вашему мнению, побуждает трезво и практически мыслящего Санчо Пансу участвовать в приключениях своего господина?
5. **Работа в группах.** Сравните образы Дон Кихота и Санчо Пансы. По результатам работы коллективно составьте сравнительную таблицу и запишите её на доске и в тетради.

6. Почему за Дон Кихотом закрепилось звание Рыцаря Печального Образа? Какие черты натуры героя оно отражает?

7. Как автор относится к своему герою?

8. **Творческая работа.** Подготовьтесь к дискуссии по таким вопросам:

Почему Дон Кихот, следующий прекрасным рыцарским идеалам в жизни, кажется смешным? Кем на самом деле является Дон Кихот – самоотверженным героем или невольным шутком, безумцем или мудрецом, наивным мечтателем или борцом за человеческое счастье и достоинство?

Заранее продумайте аргументы, подтверждающие ваше мнение.

Бессмертие Ромео и Джульетты в мировом искусстве

Столь трагично и столь рано погибшие в пьесе У. Шекспира Ромео и Джульетта вот уже несколько столетий продолжают жить в произведениях разных видов искусств – живописи, скульптуры, музыки, театра и кино. Вряд ли будет преувеличением сказать, что каждый день они снова и снова оживают в театральных постановках и балетных спектаклях, на кино- и телеэкранах, в выставочных и концертных залах. И с каждым таким «оживлением» герои Шекспира обретают новые лица и голоса, а вместе с ними – и новые оттенки своих чувств. Интерес к шекспировской трагедии объясняется не только тем, что в ней изображена любовь редчайшей силы, но и тем, что в ней запечатлены вечные, не зависящие от времени ценности и истины.

Одной из причин длительного сценического успеха пьес Шекспира является их удивительная театральность. Многие зрители получали от шекспировских спектаклей самые яркие театральные впечатления в своей жизни. Многие актёры лучше всего раскрывали свои таланты, исполняя роли в шекспировских пьесах, а создатели спектаклей достигали своих главных творческих вершин в процессе воплощения шекспировских замыслов в сценические образы.

Однако постановка пьес английского драматурга является делом столь же трудным, сколь и заманчивым. Каждый взявшийся за него режиссёр сталкивается со сложными вопросами, связанными с разными традициями, подходами и возможностями толкования шекспировских драм. Что, например, важнее: донести до зрителя дух изображённого в пьесе Шекспира времени или показать точки её соприкосновения с современной эпохой?

В первом случае требуется по возможности точное воспроизведение деталей быта, жизненного уклада, поведения и привычек людей прошлого.

«Ромео и Джульетта». Сцена из спектакля.
Театр Друри-Лейн. Лондон. XVIII в.
(с картины Б. Уилсона)

«Ромео и Джульетта».
Сцена из спектакля.
Театр Друри-Лейн. Лондон. XIX в.

Так, англичанин Чарльз Кин (XIX в.) перед постановкой какой-либо шекспировской пьесы изучал труды археологов и историков, проливающие свет на показанную в ней эпоху, а затем тщательно воспроизводил детали в декорациях и реквизите¹. Стоит также упомянуть спектакль «Ромео и

Джульетта», представленный в 1948 г. в Вероне: его действие разворачивалось прямо на городской площади, на фоне естественных уличных «декораций» и звуков ренессансного города – скрипа повозок, цокота лошадиных копыт, звона колоколов.

Во втором случае вполне допустимо произвольное обращение с историческим фоном пьесы с целью его приспособления к современности – вплоть до переодевания персонажей в современные костюмы. В 1925 г. англичанин Б. Джексон представил публике постановку «Гамлета», в которой действовали герои, одетые по последней моде. С тех пор сложилась традиция «осовременивания» шекспировских произведений.

На чём следует поставить главный акцент в спектакле – на игре актёра, исполняющего главную роль в шекспировской пьесе, или на задействованном в ней актёрском ансамбле в целом?

Кто должен играть тех же Ромео и Джульетту? Молодые актёры или опыт-

«Ромео и Джульетта». О. Блум и К. Рашад в постановке 2014 г. в одном из театров на Бродвее (Нью-Йорк, США)

¹ *Реквизит* – совокупность настоящих или бутафорских предметов для театральной постановки.

ные исполнители, способные убедительно передать масштаб чувств этих героев? С каждой талантливой постановкой образы Ромео и Джульетты поворачиваются к зрителю новыми гранями. В этом – залог их театрального бессмертия.

1. Подготовьте и проведите в классе дискуссию «Разные подходы к театральным постановкам и экранизациям шекспировских драм: “за” и “против”».
2. Каких из вышеизложенных принципов вы бы придерживались, если бы в качестве режиссёра взяли за постановку «Ромео и Джульетты»? Обоснуйте свой выбор.
3. Подготовьте инсценировку наиболее понравившейся вам сцены из «Ромео и Джульетты». Объясните, какими принципами вы руководствовались при её разработке.

Шекспировская драма о двух влюблённых оказалась весьма привлекательной и для кинорежиссёров. В течение XX в. на её основе было снято несколько кинолент. На сегодняшний день одним из лидеров экранных версий считается кинофильм «Ромео и Джульетта», снятый итальянским режиссёром Франко Дзеффирелли в 1968 г. В этой картине мастерски воссоздаётся атмосфера шекспировской трагедии. Главные роли в ней сыграли шестнадцатилетняя англо-аргентинка Оливия Хасси и семнадцатилетний британец Леонард Уайтинг. Успеху картины способствовали костюмы, созданные Д. Донати: кормилица кажется на экране окутанной рулонами тяжёлых тканей, а Меркуцио обмахивается носовым платком, который он использует также как знамя, маску и саван. Замысел фильма Ф. Дзеффирелли охарактеризовал следующим образом:

Кадр из фильма «Ромео и Джульетта» (режиссёр Ф. Дзеффирелли, 1968)

«История Ромео и Джульетты, их трагедия, их любовь, красота их чувств, существует вне времени. Естественно, когда Шекспир рассказывает эту историю, он воссоздаёт и внешние приметы своей эпохи. Но сюжет сам по себе остаётся вечным... Конечно, когда мы собираемся ставить спектакль, то желательно придерживаться той эпохи, когда произведение было написано. Желательно, но не обязательно. Гораздо важнее понять, почему чувства героев до сих пор живы и волнуют зрителя...».

Неоднократно предпринимались попытки осовременить содержание пьесы: в фильме Р. Уайза «Вестсайдская история» (1961) вражда между Монтекки и Капулетти была представлена в виде войны двух манхэттенских банд; в ленте А. Феррара «Китайская девушка» (1987) шекспировский сюжет превратился в рассказ о запретной любви между девушкой из Китайского квартала и юношей из Маленькой Италии; а в экранизации Б. Лурманна «Ромео + Джульетта» (1996) участниками событий стали калифорнийские банды панков.

(По материалам сайта «Ромео и Джульетта»)

Трагедия Шекспира по-прежнему актуальна и в XXI в. Кинематографисты Великобритании, Италии и Швейцарии сняли её очередную версию. Сценарист фильма заметил, что со времён Ф. Дзеффирелли не было сделано ни одной по-настоящему классической экранизации пьесы для большого кино, и хотя появлялись удачные интерпретации сюжета, но они уводили его от истоков. Кинематографисты поставили перед собой цель – сделать фильм более доступным для современного поколения. Заметим, что эта экранизация не является точной, так как оригинальный текст частично сокращён. Фильм вышел в прокат в 2013 г. – это год 90-летия Ф. Дзеффирелли и 45-летия выхода на экраны его легендарной классической киноверсии.

Кадр из фильма «Ромео и Джульетта» (режиссёр К. Карлеи, 2013)

1. Пользуясь Интернетом, посмотрите кинофильм «Ромео и Джульетта» Ф. Дзеффирелли всем классом и обсудите его.
2. **Работа в группах.** Подготовьтесь к дискуссии «Осовременивание классического сюжета в кино: “за” и “против”».

3. Творческая работа. Напишите небольшую рецензию на виденный вами фильм, снятый на основе трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

4. Поисковая работа. К каким трагедиям У. Шекспира, кроме «Ромео и Джульетты», продолжают обращаться музыканты, кинематографисты, живописцы? Подготовьте сообщение о том, как одна из трагедий великого английского драматурга – «Гамлет», «Отелло», «Макбет» (по выбору) – живёт в других видах искусства. Пользуйтесь дополнительной литературой и Интернетом.

К образам шекспировской трагедии обращались и музыканты. На мировой сцене уже более ста лет с успехом идёт опера «Ромео и Джульетта» французского композитора Ш. Гуно, часто исполняются написанные для оркестра произведения Г. Берлиоза и П.И. Чайковского, в которых композиторы разрабатывали ту же шекспировскую тему. Признанием и любовью публики пользуется также балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Премьера состоялась в 1938 г. в Брно (Чехословакия). Наиболее известной исполнительницей главной роли была балерина с мировым именем Галина Уланова. В 1954 г. снят фильм-балет с её участием. «Ромео и Джульетта» – один из наиболее популярных балетов XX в.

Кадры из фильма-балета «Ромео и Джульетта» (режиссёры Л. Арнштам, Л. Лавровский, 1954). Джульетта – Г. Уланова, Ромео – Ю. Жданов

1. Подумайте, почему так популярен балет С. Прокофьева. Сформулируйте свои аргументы.

2. Творческая работа. Воспользуйтесь Интернетом и посмотрите балет «Ромео и Джульетта» в какой-либо постановке. Напишите сочинение-миниатюру о том, какое впечатление произвёл на вас спектакль.

К изображению Ромео и Джульетты обращались такие художники, как Ф. Айец, П. Рои, Г. Фюсли, Ф. Кальдерон, К. Маковский, М. Врубель, С. Дали, книжные иллюстраторы С. Бродский (см. с. 53, 59), Д. Шмаринов и другие. Каждый видел героев трагедии по-своему. Современные живописцы, мастера инсталляций¹ и фотографии подарят вам ещё не одну волнующую встречу с шекспировскими героями.

¹ *Инсталляция* – форма современного искусства: пространственная композиция, созданная из различных элементов и представляющая собой художественное целое.

Ф. Айец. Прощание Ромео с Джульеттой (Последний поцелуй)

1. Какая из приведённых в учебнике иллюстраций шекспировской трагедии понравилась вам больше всего?
2. **Пофантазируйте!** Если бы вы были художником, какие эпизоды трагедии вы бы проиллюстрировали? Опишите свои воображаемые рисунки.
3. **Творческая работа.** Обратитесь к Интернету и подготовьте небольшое сообщение об иллюстрациях художника Саввы Бродского или Дементия Шмаринова (по выбору) к трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

Странствующий рыцарь Дон Кихот

Иллюстрация Г. Доре

Образ Дон Кихота имеет множество воплощений в изобразительном искусстве. Классическими считаются работы Гюстава Доре – известного французского иллюстратора мировой классики. Когда Доре задумал иллюстрировать «Дон Кихота», он отправился в Испанию, чтобы передать местный колорит и увидеть места, которые Дон Кихот прославил своими подвигами. К роману Сервантеса Доре сделал 370 иллюстраций, остроумных и находчивых, как и герой романа. Первый рисунок изображает безумного Дон Кихота в окружении его видений: битв, любовных приключений, вызовов на поединок, фантастических выдумок. По остальным иллюстрациям можно проследить перепетии сюжета романа Сервантеса.

Иллюстрация О. Домье

Иллюстрация С. Дали

Французский художник Оноре Домье неоднократно обращался к образу Дон Кихота. Цикл работ Домье, посвящённых Дон Кихоту, – это не иллюстрации к роману. Чаще всего на картинах изображается сцена путешествия – своеобразная метафора духовного пути. Особенно трагична одна из последних картин, изображающая одинокого Дон Кихота, даже без своего верного спутника Санчо Пансы, среди мрачной пустыни под тёмным небом. Рыцарь по-прежнему крепко держит своё копьё, но верный Росинант превратился почти в скелет. Художник размышляет о жизненном пути человека, о его попытках изменить мир.

Самое известное изображение главных героев романа Сервантеса создал испанский художник Пабло Пикассо (см. с. 70). Пикассо жил в столице Франции и с особым удовольствием рисовал всё, что было связано с испанской традицией и напоминало о родине. Друзья обратились к художнику с предложением нарисовать героев Сервантеса к 350-летию издания романа «Дон Кихот». Пока они беседовали, Пикассо сделал свой знаменитый рисунок: быстрый росчерк чёрной туши – и вот сгорбленный Дон Кихот с копьём в руках сидит на Росинанте, второй росчерк – и рядом верный Санчо Панса.

Сальвадор Дали считал, что иллюстрировать «Дон Кихота» – «достойная его таланта задача». Дали отправился на набережную Сены, зарядил пулями, начинёнными краской, старинное ружьё и в присутствии толпы стал стрелять. Так появились кляксы, которые Дали, обладая ярким талантом рисовальщика и гениальным воображением, превратил в иллюстрации к «Дон Кихоту».

Современный мексиканский художник и декоратор Октавио Окампо смог проиллюстрировать весь роман Сервантеса всего одной картиной. В его портрете Дон Кихота зашифрованы события всего романа.

О. Окампо. Видения Дон Кихота

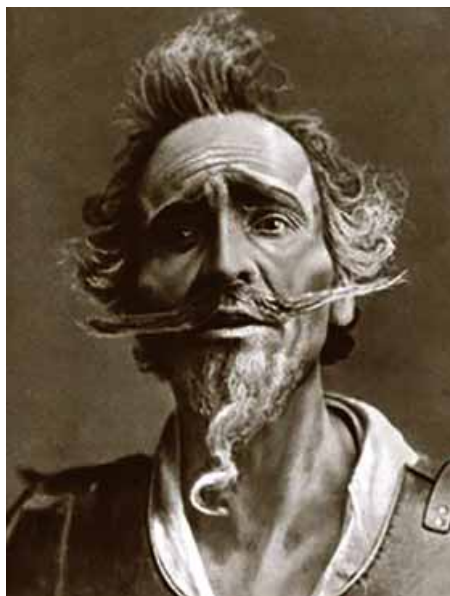
1. Рассмотрите репродукции картин и иллюстрации к роману Сервантеса. Какой из Дон Кихотов, созданных разными художниками, наиболее соответствует вашим представлениям об этом литературном персонаже? Какие грани этого литературного образа раскрывают художники?
2. Рассмотрите репродукцию картины О. Окампо. Каких героев романа вы увидели?

В начале XX в. французский композитор Ж. Массне написал оперу «Дон Кихот» специально для Фёдора Шаляпина. Шаляпин буквально «заболел» образом Дон Кихота, читал и перечитывал роман, размышляя о его главном герое. В Дон Кихоте великий актёр отразил беспомощность ребёнка и гордость рыцаря, стремление к справедливости и доброту. Опера Массне часто ставится на ведущих сценах мира.

А. Бенуа. Эскиз костюма
Дон Кихота

Ф. Шаляпин в роли
Дон Кихота

Одним из самых ярких классических балетов считается балет «Дон Кихот» австрийского композитора Л. Минкуса. В романе Сервантеса образ печального рыцаря Дон Кихота является главным. В балете Дон Кихот – второстепенный персонаж, а сюжет сосредоточен на истории любви уличной танцовщицы Китри и тореадора Базиля. Дон Кихот помогает влюблённым обрести счастье.

Л. Минкус. «Дон Кихот». Сцена из балета

1. Прослушайте серенаду Дон Кихота, посвящённую Дульсине, из оперы Ж. Массне. Как в музыке отразились свойственные герою черты?
2. Чем сюжет балета «Дон Кихот» отличается от сюжета романа?

Роман Сервантеса неоднократно экранизировали (см. с. 77, 78, 79). В 1933 г. режиссёром Г. Пабстом была создана одна из первых звуковых экранизаций романа Сервантеса для Англии, Франции и Германии в трёх версиях: на английском, французском и немецком языках.

Фильм «Дон Кихот», снятый режиссёром Г. Козинцевым по сценарию Е. Шварца в 1957 г., на то время в Испании признали лучшей экранизацией. Острая бородка, неуклюжая долговязая фигура, тонкие ноги – таким увидели Дон Кихота зрители в исполнении актёра Н. Черкасова. А доброе, наивное, детское лицо, на котором и улыбка, и слеза, и судорога страдания могли быть одновременно, делают образ рыцаря особенно трогательным.

1. Посмотрите фильм «Дон Кихот» режиссёра Г. Козинцева. Какие различия в развитии сюжета литературного произведения и его кинематографической версии вы заметили? Оправданы ли, по вашему мнению, изменения авторского сюжета в экранизации?
2. **Творческая работа.** Напишите отзыв на виденный вами фильм, балет или оперный спектакль «Дон Кихот» (по выбору).

ИТОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему Ренессанс называют эпохой «открытия мира и человека»?
2. Какая страна считается родиной европейского Ренессанса? Почему?
3. **Работа в парах.** Придумайте продолжение высказывания героя ренессансной литературы: «Что за мастерское создание – человек!...». Представьте в этом продолжении ценности ренессансной эпохи.
4. **Работа в парах.** Укажите, какие идеи эпохи Возрождения отразились в трагедии «Ромео и Джульетта». Раскройте гуманистический смысл этого произведения.
5. Дайте определение понятий: *драма, трагедия, конфликт, монолог, диалог.*
6. **Работа в парах.** Приведите примеры критики социальной несправедливости в прочитанных отрывках романа Сервантеса «Дон Кихот».
7. Почему «Дон Кихота» считают энциклопедией испанской жизни эпохи Ренессанса?
8. Проведите дискуссию «Нужен ли героизм Дон Кихота, если он не искореняет зла?».
9. Составьте в тетради таблицу и заполните её примерами. Сделайте вывод.

Фантазии Дон Кихота	Гуманистические идеалы Дон Кихота	Реальность

10. Объясните значение выражений:

Прекрасное не требует прикрас; относиться друг к другу как Монтекки и Капулетти; над раной шутит тот, кто не был ранен; бороться с ветряными мельницами; осла мёдом не кормят; собаки лают на нас, Санчо, значит, мы движемся вперёд.

11. **Творческая работа.** Напишите сочинение «“Но нет печальной повести на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте”: мои размышления над пьесой У. Шекспира»; «Дон Кихот как вечный образ мировой литературы» (по выбору).

12. **Темы проектов.** «Театр “Глобус”»: спектакли, особенности постановок»; «Образ средневековой Испании в романе М. де Сервантеса Сааведра “Дон Кихот”».

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
РАЗНООБРАЗИЕ ЖАНРОВ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX СТОЛЕТИЯ

Глава 1

«ОН ПОБЕДИЛ И ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО»

«Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!»

Литературная разминка

Назовите известных вам русских писателей XIX века. Какие темы они освещали в своих произведениях?

В развитии литературы разных стран существуют эпохи, отмеченные необычайно мощным расцветом её талантов. Для подобных периодов было придумано даже особое обозначение – «золотой век»¹. Так, «золотым веком» английского театра считается драматургия Шекспира, а «золотым веком» персидской поэзии – средневековая лирика, в частности, творчество Омара Хайяма. Есть свой «золотой век» и в русской литературе. Им по праву называется XIX столетие, породившее созвездие блестящих мастеров слова: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. Их художественное наследие является достоянием не только русской, но и мировой литературы. Каждый из этих писателей и поэтов был художником ярким, непохожим на других. И всё-таки было в их творчестве нечто общее – гуманистическая направленность.

Разумеется, гуманизм был свойствен литературам многих стран. Однако в русской литературе он приобрёл особое звучание и особое значение. Провозглашённые эпохой Возрождения идеи гуманизма получили в ней глубокое нравственное и философское осмысление. Если художники Ренессанса воспевали красоту земных радостей и величие человека как «венца творения Вселенной», то русские писатели «золотого века», прежде всего, выступали со страстной проповедью сочувствия «маленькому человеку» и защиты «униженных и оскорблённых». Знаменитые пушкинские строки:

И вечно буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал. –

могут служить девизом всей русской литературы XIX в. Эта литература выступала средством воспитания совести в обществе и нравственным руководством для каждого мыслящего человека. Её отличие от европейских литератур украинский поэт И.Я. Франко охарактеризовал следующим образом: «Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских писателей мучили нас, пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека...».

¹ Выражение «золотой век» позаимствовано из древнегреческого мифа, рассказывающего о том, что на заре истории человечество, ещё не знавшее бед и страданий, жило гармоничной и счастливой жизнью. Этот период в мифе и назывался «золотым веком».

Важной составляющей гуманизма русской литературы была забота о всеобщем благе и прежде всего – о положении народа. При этом многие писатели, искренне выражавшие эту заботу, принадлежали к обеспеченным слоям общества и, в общем, вполне могли бы удовлетвориться существующим порядком вещей. Поэтому, поднимая вопросы о тяжёлых условиях жизни народа и изменении несправедливых общественных законов, они действовали, по сути, вопреки своим личным интересам и тем самым проявляли настоящее духовное бескорыстие. Впрочем, эта черта была присуща не только писателям, но и всей передовой интеллигенции России, так что в данном случае литература не столько открывала новые ценности обществу, сколько выражала лучшие свойства тех, кого принято называть «цветом нации». Один из первых уроков бескорыстия преподнесло восстание декабристов, ставшее поворотным пунктом всей истории и культуры России XIX в. Его уникальность заключалась как раз в том, что против самодержавно-крепостнического режима выступили представители самых знатных и богатых дворянских фамилий. Рискуя собственным положением в обществе, свободой и даже жизнью, они подняли мятеж не ради достижения личных или сословных целей, а исключительно во имя освобождения народа от рабства, а страны – от гнёта самодержавия.

В. Перов. Странник

Комментарий архивариуса

Декабристское восстание началось с выступления мятежных войск на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. Однако этому событию предшествовал один из интереснейших периодов русской истории, восходивший своими истоками ещё к Отечественной войне 1812 г. Многие будущие декабристы участвовали в сражениях с французской армией и проявили себя как храбрые воины, достойные звания победителей Наполеона. Во время освободительного похода по Европе (1813–1814) они воочию убедились в том, что самодержавно-крепостническая Россия существенно проигрывала в сравнении с западными странами, в которых люди располагали большими правами и свободами. По возвращении на родину эти люди с негодованием обнаружили, что человек из народа, вынесший на своих плечах все тяготы войны, по-прежнему оставался товаром, который можно продать, разлучить с семьёй, засечь до смерти... На этой почве и созрела мысль о необходимости преобразования общественного строя в России. Победа над Наполеоном вселяла огромную веру в успех таких планов. Участник декабристского движе-

ния М. Бестужев-Рюмин прямо заявлял: «Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно Отечественной – русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма?»

В 1816 г. группа молодых офицеров основала первое тайное политическое общество «Союз спасения», в которое вошло около тридцати человек. Через два года оно было закрыто, а вместо него был создан «Союз благоденствия», насчитывавший в своих рядах уже около двухсот членов. Идейная борьба внутри этой политической организации вскоре привела к расколу: в Украине возникло «Южное общество» во главе с Павлом Пестелем, а в Петербурге – «Северное общество» во главе с Никитой Муравьёвым. Члены «Южного общества» выступали за то, чтобы вследствие революционного переворота Россия стала республикой и крепостное право в ней было бы ликвидировано без каких-либо условий. Участники «Северного общества» предлагали объявить Россию конституционной монархией, а крепостное право отменять постепенно, за выкуп, с сохранением значительной части пахотных земель за помещиками. Обе организации требовали введения свободы слова, печати, собраний, вероисповедания и др.

В ноябре 1825 г. внезапно умер император Александр I. Сразу же после его смерти армия и государственный аппарат были приведены к присяге на верность наследнику умершего императора – цесаревичу Константину. Однако Константин престол не принял, поскольку ожидал обнародования императорского завещания, в котором наследником короны объявлялся его младший брат Николай. В стране сложилась крайне напряжённая политическая ситуация. Наконец, на 14 декабря была назначена вторая присяга, обращённая уже к Николаю I. На этот день и было запланировано выступление мятежных войск на Сенатской площади. Его целью было не допустить сенаторов к новой присяге и заставить их объявить о низложении царского правительства. Однако к моменту сбора войск Сенат уже принял присягу Николаю I и сенаторы разъехались. Нужно было срочно вносить изменения в заранее разработанный план действий. Между тем «диктатор» восстания С. Трубецкой на Сенатскую площадь не явился, оставив мятежников без руководства. В напрасном ожидании Трубецкого и последующих поисках нового руководителя было потрачено драгоценное время. Верные правительству войска, по приказу Николая I окружившие Сенатскую площадь, открыли по повстанцам огонь.

Взошедший на престол император был испуган выступлением дворян, а потому прибегнул к решительным мерам. Обвиняемые и подозреваемые в причастности к восстанию предстали перед судом, который проходил при закрытых дверях в обстановке строгой секретности. Пятеро главных организаторов (Пестель, Рылеев, Бестужев-Рюмин, Муравьёв-Апостол и Каховский) были приговорены к повешению. Свыше ста декабристов сослали в Сибирь на каторгу или пожизненное поселение, других разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ воевать с горцами.

Восстание декабристов было подавлено.

К. Кольман. Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года в Петербурге

Победители Наполеона так и не смогли победить самодержца, правившего их собственной страной, но их благородное и самоотверженное выступление не было напрасным. Можно сказать, что под знаком этого мятежа развивалась вся история и культура России XIX в. Декабристское восстание дало решающий толчок дальнейшему освободительному движению и борьбе с царизмом, которые во многом определили внутреннюю жизнь России. Оно создало особое пространство духовной свободы, ставшее важным условием расцвета искусств и литературы в России XIX в. Наконец, оно показало пример бескорыстного, героического служения гуманистическим идеям, на который впоследствии ориентировались талантливейшие сыновья русской земли. В том числе мастера слова «золотого века» русской литературы.

Благодаря своему морально-проповедническому характеру русская литература XIX в. приняла на себя роль наставницы общества. Читатели воспринимали её не только как источник духовной пищи, но и как могучую силу, способную преобразовывать сознание и жизнь общества. Слово писателя нередко имело над подданными Российской империи куда большую власть, нежели слово императора. Книги повергали в смятение царей и озаряли смыслом жизнь тысяч обездоленных, а их авторы становились непререкаемыми духовными авторитетами общества, гордо именуемыми «пророками», «учителями», «властителями дум». И первым, кто своим творчеством и своей судьбой доказал правоту этого суждения, был А.С. Пушкин.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какой период русской литературы называют «золотым веком»? Почему?
2. В чём заключался гуманизм русской литературы XIX в.? Какую роль литература играла в общественной жизни России?
3. Какое значение имело декабристское восстание для русской культуры и литературы XIX в.?

4. Перечитайте высказывание И.Я. Франко о различиях между произведениями европейских и русских писателей. Разделяете ли вы это мнение? Аргументируйте свою точку зрения.

«В мой жестокий век восславил я свободу»

Литературная разминка

Какие произведения А.С. Пушкина вы изучали в предыдущих классах? Что вы знаете об этом поэте?

Александр Сергеевич
Пушкин
(1799–1836)

«Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин», – писал русский поэт XX в. Александр Блок. Действительно, в детстве, когда мы впервые знакомимся с забавными сказками о царе Салтане, золотом петушке, рыбаке и рыбке, попе и его работнике Балде, семи богатырях и мёртвой царевне, их автор предстаёт в нашем воображении жизнерадостным, солнечным сказочником. Лишь со временем мы открываем в Пушкине задушевного лирика, мастерски передававшего тончайшие движения человеческой души, пронизательного мыслителя, поднимавшего важные общественные, нравственные и философские проблемы, пристрастного летописца своей эпохи, чутко реагировавшего на новые веяния времени, и исследователя, осмыслявшего сложнейшие вопросы

русской истории. Тесная связь с жизнью общества, его настоящим, прошлым и будущим принадлежит к наиболее значительным чертам личности и творчества Пушкина. Примечательно, что поэт не принимал личного участия в общественных событиях своего времени. Однако, не будучи их непосредственным участником, он, тем не менее, неизменно проявлял себя их пылким соучастником.

Чувство сопричастности к творившейся на глазах Истории возникло у Пушкина ещё в юные годы, когда в толпе лицеистов он провожал гвардейские полки на войну с Наполеоном. В стихотворении, написанном двадцать с лишним лет спустя, поэт, обращаясь к товарищам по Лицею, вспоминал:

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...

По окончании Лицея в 1817 г. он бросился в водоворот петербургской светской жизни, кипевшей политическими страстями и вольнодумными идеями. Главный тон в ней задавали лучшие представители дворянского общества: офицеры с наградами за воинскую доблесть, проявленную в битвах с наполеоновской армией, столбовые дворяне с репутацией порядочнейших людей своего времени, интеллектуалы, отличавшиеся блестящей образованностью и широтой мышления. Пушкин в короткий срок свёл знакомство

со многими из них. Под влиянием этих людей в его стихах во весь голос зазвучали призывы к свободе. Поэт мечтал присоединиться к стану вольнодумцев, обсуждавших на закрытых собраниях планы свержения самодержавно-крепостнического строя. Но участники декабристского движения не принимали его в свои ряды, стремясь уберечь его талант. Они полагали, что его творческая натура несовместима с политической деятельностью, и надеялись, что, не являясь членом тайных обществ, поэт и без того будет способствовать делу завоевания свободы своими стихами. Оставаясь не причастным к декабристскому движению, поэт настолько явно выражал к нему сочувствие, что навлёк на себя немилость царского правительства.

В 1820 г. Пушкин был отправлен в ссылку. Сперва – на юг, где, несмотря на неусыпный полицейский надзор, не отказывал себе в удовольствии по-прежнему общаться с членами тайных организаций и сочинять вольнодумные стихи. Затем – в родовое имение Михайловское, где изолированный от внешнего мира поэт продолжал поддерживать отношения с друзьями посредством переписки.

Там, в Михайловском, поэта и настигло известие о восстании декабристов. Пушкин воспринял его с великой тревогой за судьбу благороднейших сыновей России – как тех, кто был ему дорог и близок, так и тех, с кем он не был знаком лично. За днями томительного ожидания последовала страшная весть о казни пятерых организаторов мятежа и отправке многих его участников в Сибирь. Пушкин был потрясён. Расправа, учинённая над декабристами, не оставляла надежд на перемены к лучшему и в жизни самого поэта. Когда по высочайшему повелению Пушкин прямо из Михайловского был доставлен во дворец для беседы с царём, он не только не отрёкся от дружеских связей с декабристами, но и открыто встал на защиту мятежников, заявив, что если бы 14 декабря находился в Петербурге, то непременно бы оказался на Сенатской площади...

Декабристское восстание наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь поэта. Отныне его горячее сочувствие борьбе за освобождение России от рабства переплывало в позицию поэта и гражданина, считавшего своим долгом в «жестокий век» восславлять свободу и призывать «милость к падшим». Отныне же одним из основных направлений его творчества стало исследование природы власти, крестьянского бунта, народной души, отношений между разными слоями русского общества, великих исторических сдвигов и перемен.

Обращаясь в своих произведениях к событиям исторического прошлого, Пушкин так или иначе соотносил их с потрясением, пережитым Россией 14 декабря 1825 г. Он воздавал дань самоотверженному подвигу декабри-

*И.К. Айвазовский, И.Е. Репин.
Прощание Пушкина с морем*

стов, но в то же время сознавал их оторванность от народа: «Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне» – записал поэт в своём дневнике в 1834 г. Действительно, народ не поддержал дворян, выступивших за его права и свободы. Отсюда, казалось бы, напрашивался вывод о том, что главным способом изменения общественного строя в России должен стать народный бунт. Именно такой исторический урок из дворянского мятежа 1825 г. извлекли многие, но только не Пушкин. Слишком хорошо понимал он отечественную историю, чтобы закрыть глаза на кровавые преступления, которыми сопровождалось крестьянские восстания в России. Вместе с тем, изображая в своих произведениях власть, безжалостно угнетавшую народ, поэт предупреждал о неизбежности грозных социальных потрясений в государстве, основанном на самодержавно-крепостническом строе. Самое грозное пушкинское предостережение «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» стало крылатым выражением, пророческий смысл которого был не раз доказан самим течением российской истории XIX–XX вв.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие факты свидетельствуют о сопричастности А.С. Пушкина общественной и политической жизни России? Чем было обусловлено его сочувствие передовым идеям эпохи?
2. Расскажите об отношении А.С. Пушкина к декабристскому движению. Какое влияние оказало восстание декабристов на его жизнь и творчество?
3. Раскройте гуманистический смысл пушкинских строк: «...в мой жестокий век восславил я Свободу // И милость к падшим призывал».

«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Литературная разминка

Назовите известных вам друзей Пушкина. Знаете ли вы, как сложились их судьбы? С кем он дружил в Лицее?

К числу главных ценностей человеческой жизни Пушкин относил дружбу. Он и сам был наделён даром дружбы: легко завоёвывал расположение новых знакомых, десятилетиями поддерживал отношения со старыми товарищами. Круг его друзей был широк и на удивление пёстр: он охватывал литераторов и политических заговорщиков, гусарских кутил и проповедников активной гражданской позиции, старших товарищей, игравших на разных этапах жизни поэта роль его «учителей», и младших приятелей, среди которых было немало тех, кто уже его самого воспринимал как «учителя». Эта часть жизни Пушкина нашла отражение и в его *лирике*, прежде всего, в произведениях, посвящённых теме дружбы.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Лирика – один из трёх основных родов литературы (эпос, лирика, драма). Лирика выражает переживания и мысли писателя, его внутреннее состояние. Большинство лирических произведений написано в стихотворной форме.

Особое место в пушкинской «дружеской лирике» занимают два стихотворения, вдохновлённые стремлением поэта поддержать товарищей в

час тяжёлых испытаний. Первое из них, глубоко личного характера, адресовано одному из самых давних и самых близких друзей, Ивану Пущину, посетившему Пушкина в Михайловском незадолго до мятежа на Сенатской площади. Второе обращено ко всем сосланным в Сибирь участникам декабристского восстания. Оба стихотворения, написанные в форме поэтического *послания*, проявляют не только душевную щедрость поэта, но и его гражданскую позицию.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Послание – жанр в поэзии (и публицистике), произведение, написанное в форме письма или обращения к какому-нибудь лицу (лицам). Стихотворное послание как жанр сформировалось в античной литературе и затем перешло в западноевропейскую и русскую литературы. Известны послания, написанные А.С. Пушкиным, например «Посвящение Дельвигу», «Послание цензору¹» и др.

Комментарий архивариуса

В Михайловском Пушкина посетил лицейский друг И.И. Пущин. «С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, – вспоминал И.И. Пущин, – во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил съездить в Псков к сестре... а оттуда уже рукой подать в Михайловское... Погостил у сестры несколько дней и от неё вечером пустился из Пскова... мчались среди леса по гористому просёлку: всё мне казалось не довольно скоро! ... Вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило, беру его в охапку и тащу в комнату... Смотрим друг на друга, целуемся, молчим... Наконец пробил слеза (она и теперь, через тридцать три года мешает писать в очках), мы очнулись...»

«Приезд Пущина в Михайловское, – комментирует это событие известный исследователь пушкинского творчества Ю.М. Лотман, – требовал немалого мужества. Друзья уговаривали его не делать этого, а дядя поэта, Василий Львович Пушкин, сначала пустился в предостережения, а потом кинулся со слезами его обнимать, как героя. Но Пущин был не из пугливых: к тому времени он уже состоял членом тайного общества, а вскоре после посещения поэта, 14 декабря, показал себя на площади как один из самых хладнокровных и деятельных руководителей восстания («Высочайшим указом» Николая I он был приговорён к двадцати годам каторги)... Свидание двух друзей в Михайловском было недолгим, но очень тёплым. Вечером того же дня Пущин уехал... Через двенадцать лет, когда Пущин отбывал каторгу в Сибири, умирающий поэт назвал его имя».

¹ *Цензор* – лицо, осуществляющее цензуру; *цензура* – система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации.

Н. Г. Пушкин в селе Михайловском (Пушкин у Пушкина)

Перед чтением

Читая стихотворения, отметьте в них строки, в которых с особой силой звучит сочувствие поэта судьбе товарищей.

И.И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье¹:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Рисунок А. Пушкина.
И. Пущин

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

¹ Провиденье (Провидение) – Бог; высшая Божественная сила.

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовёт;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждёт.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Ещё кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлёл холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришёл? Кого меж вами нет?

Он не пришёл, кудрявый наш певец¹
С огнём в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашёл привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный²?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:

¹ Композитор Н.А. Корсаков умер в 1820 г. во Флоренции.

² Ф.Ф. Матюшкин – моряк; был в третьем плаванье, кругосветном.

А.Е. Мартынов. Царскосельский парк

Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,

О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись¹.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельви² мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнём волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

П. Яковлев. Антон Дельви^г

Рисунок А.С. Пушкина.
В. Кюхельбекер

¹ А. М. Горчаков встречался с Пушкиным летом 1825 г.

² А. А. Дельви^г гостил у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г.

Комната А.С. Пушкина
в Царскосельском лицее

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честью, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока ещё мы тут!
Увы, наш круг час от часу редет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придётся одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой¹...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провёл без горя и забот.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие жизненные обстоятельства отразились в стихотворении «И.И. Пущину»? Докажите, что стихотворение написано в жанре послания.

¹ А.М. Горчаков пережил всех товарищей по выпуску.

2. Как лирический герой этого произведения выражает силу своей привязанности к другу? Обратите внимание на то, как построена первая строка. Что подчёркивает поэт, прибегая в ней к частичному словесному повтору?

3. Как Пушкин стремится ободрить адресатов послания «Во глубине сибирских руд...»? С помощью каких средств поэт передаёт свою уверенность в их правоте? Благодаря чему стихотворение приобретает торжественное и светлое звучание?

4. Выразительно прочитайте оба произведения вслух. Чем, по вашему мнению, должны отличаться интонации их исполнения? Выучите одно из них наизусть.

5. **Поисковая работа.** Ссылные декабристы написали стихотворный ответ Пушкину на его поэтическое послание. Выясните, кто был непосредственным автором этого стихотворения, подготовьтесь читать текст выразительно и выступите в классе с информационным сообщением.

6. Как охарактеризовано в стихотворении «19 октября» (1825 г.) лицейское братство? Обоснуйте свой ответ цитатами.

7. Какие темы подняты в стихотворении «19 октября» (1825 г.)?

8. **Работа в паре.** Сформулируйте, каковы характерные черты драмы и лирики как родов литературы. В чём их принципиальные различия?

9. **Творческая работа.** Подготовьте сообщение о первом лицейском выпуске или об одном из лицеистов, которые упоминаются в стихотворении «19 октября» (по выбору). Пользуйтесь Интернетом и дополнительной литературой.

*«История – сокровищница наших деяний,
свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего,
предостережение для будущего»*

Литературная разминка

Какие произведения на историческую тему вы уже читали? Назовите их авторов.

Декабристское восстание усилило интерес А.С. Пушкина к истории. Он пишет «Песнь о вещем Олеге», «Бородинскую годовщину», «Песни о Стеньке Разине», драму «Борис Годунов», поэмы «Полтава» и «Медный всадник», научное исследование «История Пугачёва», историческую повесть «Капитанская дочка» и другие произведения.

В исторической повести или романе, как вам уже известно, изображаются исторические события и картины жизни минувших эпох. В сюжете такого произведения реальные факты переплетаются с художественным вымыслом, а наряду с историческими лицами действуют вымышленные персонажи.

Важную роль в воссоздании духа изображаемой исторической эпохи играет так называемый местный колорит: описание быта, традиций, обычаев и представлений, которые в значительной степени определяют своеобразие национального характера и образа жизни народа. Исторической основой повести «Капитанская

Неизвестный художник.
Портрет Пугачёва

дочка» послужило крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачёва.

Комментарий архивариуса

Это событие привлекло внимание А.С. Пушкина ещё во время ссылки в Михайловское. В начале 30-х годов XIX в., когда по стране прокатилась волна крестьянских мятежей, в которых кое-кто из современников увидел приметы «новой пугачёвщины», поэт всерьёз занялся разработкой этой темы. Она потребовала тщательного изучения документов и архивных материалов.

Летом 1833 г. Пушкин добился разрешения на поездку по местам пугачёвского восстания – в Оренбургскую и Казанскую губернии. Во время этой поездки им были собраны народные песни и предания о Пугачёве, рассказы очевидцев пугачёвского восстания. Опираясь на сведения, почерпнутые из разных источников, осенью 1833 г. Пушкин завершил научный труд «История Пугачёва» (по требованию Николая I переименованный в «Историю Пугачёвского бунта»), который стал, по сути, первым научным исследованием.

Повесть «Капитанская дочка», начатая в том же 1833 г., была закончена три года спустя. Пугачёву в ней отводилась одна из главных ролей. Но рядом с реальным историческим персонажем автор поставил вымышленного героя – ничем не примечательного дворянина Петра Гринёва, оказавшегося невольным участником описываемых событий. Ему писатель и доверил вести рассказ. Так основное внимание переключилось с описания восстания на судьбу обычного человека, вовлечённого в вихрь истории.

Комментарий литературоведа

Сначала Пушкин хотел сделать главным героем повести дворянина Шванвича, перешедшего на сторону Пугачёва. Однако в процессе изучения исторического материала он пришёл к выводу о том, что тогдашний дворянин не мог бы вступить в союз с восставшим народом: слишком велик был разрыв между ценностями дворянского и крестьянского сословий.

В «Замечаниях о бунте» Пушкин писал: «Весь чёрный народ был за Пугачёва... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачёв и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны». Стремясь быть верным исторической правде, писатель превратил Шванвича в предателя Швабрина, а в центр повести вывел верного долгу и требованиям человечности Петра Гринёва.

Перед чтением

На что настраивает читателей эпиграф к «Капитанской дочке»? Читая повесть, обратите внимание на то, как в ходе развития сюжета раскрывается смысл этого эпиграфа.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

(В сокращении)

Береги честь смолоду.
П о с л о в и ц а

Г л а в а I

Сержант гвардии

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринёв в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве.

Матушка была ещё мною брюхата, как уже я был записан в Семёновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти нежившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки¹. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, – ворчал он про себя, – кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мосье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour ktre outchitel*², не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но так как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причём учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать её винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, – и потом каждый из нас

¹ Дядька – в старину: слуга-воспитатель при мальчике в дворянской семье.

² чтобы стать учителем (франц.)

занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора¹ я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила... (...)

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась. (...)

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь... (...) Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

– Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. (...)

«Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни». (...)

Юноша надеялся, что местом его службы станет богатый развлечениями Петербург, но отец объявил, что пошлёт его в Оренбург, где он сможет научиться военному делу. Мать, сражённая скорой разлукой с единственным сыном, залилась слезами. Однако отец твёрдо стоял на своём. Не теряя времени, он написал письмо старому товарищу по службе, занимавшему видный военный пост в Оренбурге.

На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в неё чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами. (...)

Проехав часть пути, Гринёв с Савельичем заночевали в трактире. Там Пётр проиграл офицеру Зурину сто рублей – значительную по тем временам сумму. Несмотря на сопротивление возмущённого слуги, Гринёв на следующий же день отдал проигранные деньги Зурину. Расстроенный Савельич поторопился увезти барина из «проклятого трактира».

Г л а в а II

Вожатый

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

С т а р и н н а я п е с н я

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе,

¹ Мэнтор – наставник, воспитатель.

что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке¹, отвернувшись от меня, и молчал, изредка только покрывая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперёд вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

– Эх, батюшка Пётр Андреич! – отвечал он с глубоким вздохом. – Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!.. Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. (...)

Вскоре начался снежный буран. Ямщик предложил вернуться назад. Но Пётр, по неопытности недооценивший опасность, потребовал продолжить путь. С каждой минутой ветер становился сильнее, и вскоре небо и земля смешались в одно снежное море. Лошади сбились с дороги. Положение было отчаянным. Неожиданно в мутном кружении метели Гринёв разглядел движущуюся чёрную точку и велел ямщику ехать по направлению к ней. Точка оказалась человеком. Заявив, что эта местность ему хорошо известна, незнакомец вызвался проводить заблудившихся путников к ближайшему жилищу.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

– А почему мне ехать вправо? – спросил ямщик с неудовольствием. – Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. – Ямщик казался мне прав. «В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило недалече?» – «А потому, что ветер оттоле потянул, – отвечал дорожный, – и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мой бок. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

¹ *Облучок* – сиденье для кучера в передней части повозки.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран ещё свирепствовал и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным послушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу, в постеле лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» – «Всё равно, Петруша, – отвечала мне матушка, – это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дёргал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

– Куда приехали? – спросил я, протирая глаза.

– На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

– Где же вожатый? – спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», – отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» – «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника¹: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так

¹ Целовальник – здесь: продавец в питейном заведении.

Кадр из фильма «Капитанская дочка» (режиссёр В. Каплуновский, 1958)

и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, – прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши?»

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. – «Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, умёт, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. (...) Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

«Полтину на водку! – сказал он, – за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать».

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, – сказал я хладнокровно, – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

– Помилуй, батюшка Пётр Андреич! – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропъёт, собака, в первом кабаке.

– Это, старинушка, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

– Бога ты не боишься, разбойник! – отвечал ему Савельич сердитым голосом. – Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

– Прошу не умничать, – сказал я своему дядьке, – сейчас неси сюда тулуп.

– Господи владыко! – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новёшенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». – Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе. (...)

В Оренбурге Пётр явился по указанному отцом адресу. Письмо Гринёва-старшего растрогало старого генерала. Он направил Петра в Белогорскую крепость, находившуюся под командованием капитана Миронова.

Глава III

Крепость

Мы в фортеции живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

С о л д а т с к а я п е с н я

Старинные люди, мой батюшка.

Н е д о р о с л ь

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика¹. Река ещё не замерзала, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом.

¹ Яик – старинное название реки Урал, изменённое после восстания Пугачёва.

(...) Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» – спросил я у своего ямщика. «Недалече, – отвечал он. – Вон уж видна». – Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скёрда сена, полузанесённые снегом; с другой – скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными.

«Где же крепость?» – спросил я с удивлением. «Да вот она», – отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, – отвечал инвалид, – наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки¹, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» – спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, – сказала она, – он пошёл в гости к отцу Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. (...) «А ты, мой батюшка, – продолжала она, обращаясь ко мне, – не печалься, что тебя упекли в наше захоlustье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! – сказала ему капитанша. – Отведи господину офицеру квартиру, да почище». – «Слушаю, Василиса Егоровна, – отвечал урядник. – Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» – «Врёшь, Максимыч, – сказала капитанша, – у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка? Пётр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову.

¹ *Лубочные картинки* – старинные дешёвые листы с одноцветными или грубо раскрашенными картинками, под которыми обычно печатался текст.

Кадр из фильма «Капитанская дочка» (режиссёр В. Каплуновский, 1958)

Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимыч, всё ли благополучно?»

– Всё, слава Богу, тихо, – отвечал казак. (...)

На следующее утро Пётр познакомился со Швабриным. Молодой офицер сразу понравился Гринёву. Вместе с новым товарищем Пётр отправился к коменданту.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, – прибавил он, – нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! – сказала комендантша. – Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» – Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, со светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенную дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де, ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдёт; успеет накричатся». – Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком.

«Что это, мой батюшка? – сказала ему жена. – Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовёшься». – «А слышь ты, Василиса Егоровна, – от-

вечал Иван Кузмич, – я был занят службой: солдатושек учил». – «И, полно! – возразила капитанша. – Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился; так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услышав, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! – сказала она, – ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековой невестою». – Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. (...)

Глава IV

Поединок

– Им изволь, и стань же в позитуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин

Прошло несколько недель. За это время Пётр получил звание офицера и влюбился в Машу, оказавшуюся славной и доброй девушкой.

Служебных обязанностей у Петра было немного: в крепости не проводились ни смотры, ни учения. Спасаясь от скуки, Гринёв увлёкся литературными переводами и сочинительством. Однажды он прочёл Швабрину своё стихотворение о любви к Маше. Швабрин подверг его уничижительной критике, после чего заявил, что Петру следовало бы подарить капитанской дочери не стихи, а пару серёг. Возмущённый оскорбительным намёком, Гринёв вызвал Швабрину на дуэль. Он попросил поручика Ивана Игнатъича быть секундантом, но старик наотрез отказался и пригрозил сообщить о готовившемся поединке коменданту. Петру едва удалось отговорить его.

Утром следующего дня намеченная дуэль сорвалась из-за вмешательства Ивана Игнатъича. Соперников привели в дом коменданта, где их сначала сурово отчитали за серьёзный проступок, а затем заставили помириться. Однако, улучив свободную минуту, Гринёв и Швабрин решили при первой же возможности провести поединок. Наконец, Швабрин ушёл, и Пётр остался наедине с Машей.

Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорой с Швабриным. «Я так и обмерла, – сказала она, – когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины страны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

– А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

– Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так

Иллюстрация С. Герасимова.
Письмо от бабушки

же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

– А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

– Мне кажется, – сказала она, – я думаю, что нравлюсь.

– Почему же вам так кажется?

– Потому что он за меня сватался.

– Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

– В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

– И вы не пошли?

– Как изволисте видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял

упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дождался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией¹ и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? – сказал мне Швабрин, – за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустился по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и *monsieur* Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабеваает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств. (...)

¹ *Элегия* – лирическое стихотворение, проникнутое грустью.

1. Охарактеризуйте жизнь Петра в отчем доме: его отношения с родителями, воспитателями, круг занятий и интересов. Прокомментируйте наставление, которое Гринёв-старший дал сыну перед расставанием. На что оно нацеливало молодого человека? Актуально ли это напутьствие сегодня?
2. Как выглядел незнакомец, который помог отыскать путникам дорогу во время метели? Чем он привлек внимание Гринёва и Савельича?
3. На каком языке говорил провожатый с хозяином постоялого двора? Что вы поняли из их разговора? Почему смысл этой беседы остался неясен Петру?
4. Как Гринёв отблагодарил провожатого? Как вы думаете, дорог ли был его подарок мужику?
5. Какое впечатление произвела на Петра Белогорская крепость? Расскажите о царивших в ней порядках. Могло ли это укрепление дать достойный отпор врагу?
6. Какие отношения сложились у Гринёва со Швабриным и с семейством капитана Миронова?
7. Укажите причину ссоры между Гринёвым и Швабриным. Кто из соперников во время дуэли нарушил требования дворянской чести? О чём это свидетельствовало?

Пять суток Гринёв пролежал без сознания. Савельич и Маша за ним самоотверженно ухаживали. Придя в себя, герой признался девушке в любви и предложил ей руку и сердце. Маша со свойственной ей чистосердечностью ответила согласием, но потребовала, чтобы Пётр попросил благословения у своих родителей. Юноша тут же написал красноречивое послание отцу. Наступили томительные дни ожидания. За это время Гринёв помирился со Швабриным, простив ему и обиду, и рану. Наконец, пришло ответное письмо из родительского дома. Оно содержало жестокий приговор для влюблённых: возмущённый дуэлью отец не только отказал в благословении, но и пригрозил добиться перевода Петра из Белогорской крепости.

Гринёв попытался уговорить Машу обвенчаться самовольно, но девушка не согласилась пойти против воли его родителей. Пётр понимал, что суровый тон отцовского письма был вызван историей с дуэлью, о которой кто-то донёс его родителям. Но кто? Решив, что это дело рук Савельича, Пётр обрушил на старика град упреков. В ответ обиженный слуга показал письмо, в котором Гринёв-старший распекал его как раз за утаивание сведений о дуэли молодого барина. Браня дядьку на все лады, отец обвинял его в «потворстве молодому человеку». Пристыженный Гринёв извинился перед слугой. Теперь его подозрения пали на Швабрину.

Жизнь Петра стала несносной. Он перестал ходить в дом капитана, стал избегать встреч с Машей и общения со Швабриным. Дни его наполнились одиночеством, унылым бездействием и тоской.

Глава VI

Пугачёвщина

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.

П е с н я

Однажды вечером комендант собрал офицеров и прочёл им полученное от генерала письмо. Генерал сообщал о том, что донской казак Емельян Пугачёв, назвавшийся царём Петром III, поднял восстание. Возглавляемое Пугачёвым войско бунтовщиков завоёвывало города и селения, повсюду чиня насилие и разбой.

Кадры из фильма «Русский бунт» (режиссёр А. Прошкин, 2000)

Отдав необходимые распоряжения по защите крепости, капитан Миронов попросил своих подчинённых держать в тайне это известие. Но, несмотря на его старания, Василисе Егоровне удалось выведать секретные сведения. От неё новость узнали все обитатели Белогорской крепости. Среди служивших в крепости казаков назревал бунт. Вскоре стало известно, что, захватив соседнюю крепость, пугачёвцы казнили тамошнего коменданта и всех офицеров.

С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

– Послушайте, Иван Кузмич! – сказал я коменданту. – Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей: «А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?»

– И, пустое! – сказала комендантша. – Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся!

– Ну, матушка, – возразил Иван Кузмич, – оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? (...)

– Ну, тогда... – Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

– Нет, Василиса Егоровна, – продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. – Маше здесь оставаться не гоже. Отправим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром, что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

– Добро, – сказала комендантша, – так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. (...)

Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Пётр Андреич! – сказала она мне со слезами. – Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведёт нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял её. «Прощай, ангел мой, – сказал я, – прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром её поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII

Приступ

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.

Н а р о д н а я п е с н я

Однако Маша так и не успела уехать: мятежники, вплотную приблизившиеся к крепости, отрезали дорогу на Оренбург. Как стало известно, на их сторону перебежали белогорские казаки. На рассвете гарнизон крепости готовился принять бой.

(...) По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постойм сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускорили из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? – сказала комендантша. – Каково идёт баталья? Где же неприятель?» – «Неприятель недалече, – отвечал Иван Кузмич. – Бог

даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» – «Нет, папенька, – отвечала Марья Ивановна, – дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками¹. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. (...)

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорей». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, – сказала, заплакав, комендантша. – Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чём я тебе досадила!» – «Прощай, прощай, матушка! – сказал комендант, обняв свою старуху. – Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, – сказал комендант, – будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, – сказал комендант, – теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатъич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? – закричал Иван Кузмич. – Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мя-

¹ *Сайдák (саадák)* – набор вооружения конного воина, состоящий из лука и колчана со стрелами, на который в походе надевался чехол.

Кадры из фильма «Русский бунт» (режиссёр А. Прошкин, 2000)

тежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» – спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом... башкирец... Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздёрнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатъича. «Присягай, – сказал ему Пугачёв, – государю Петру Феодоровичу!» – «Ты нам не государь, – отвечал Иван Игнатъич, повторяя слова своего капитана. – Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

В. Перов. Суд Пугачёва

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» – сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», – повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! – говорил бедный дядька. – Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», – говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлomu унижению. «Батюшка Пётр Андреич! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, звать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, расстрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! – кричала бедная старушка. – Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! – закричала она в исступлении. – Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» – «Унять старую ведьму!» – сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

П о с л о в и ц а

Самозванец разместился в доме священника, где как раз пряталась Маша. Услышав эту новость, Пётр помчался к попадьё. Там он узнал, что Маша лежит в бреду и что попадьё, спасая девушку от верной гибели, выдала её за свою племянницу. Вдобавок Гринёв узнал, что Швабрин, совершив государственную измену, перешёл на сторону Пугачёва. Под впечатлением этих новостей Пётр отправился домой.

Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! – вскричал он, увидя меня. – Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду – ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

– Нет, не узнал; а кто ж он такой?

– Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. (...)

Тем временем Пугачёв, устроивший пир в честь своей победы, потребовал привести Гринёва. Казаки-изменники тут же выполнили его приказ.

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! – сказал Пугачёв, увидя меня. – Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеевичем, а иногда величая его дядюшкой. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачёва. И на сём-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, – сказал Пугачёв, – затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» Сосед мой затынул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Всё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надёжа православный царь:
Исполать¹ тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

¹ *Исполать* (устар.) – выражает восхищение: Слава! Хвала!

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, – всё потрясло меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними последовать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

– Что, ваше благородие? – сказал он мне. – Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёвку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, – продолжал он, – но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

– Чему ты усмехаешься? – спросил он меня нахмурясь. – Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком – было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлённый: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

– Кто же я таков, по твоему разумению?

– Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, – сказал он, – чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? (...) Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы, и в князья. Как ты думаешь?»

– Нет, – отвечал я с твёрдостию. – Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, – сказал он, – так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

– Как могу тебе в этом обещаться? – отвечал я. – Сам знаешь, не моя воля: велют идти против тебя – пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, – сказал он, ударя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит». (...)

Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горящего по моём отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. (...)

Глава IX

Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьём. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши.

Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело не обошлось без увечья. Пугачёва окружали главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, – сказал он мне. – Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие! – Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрину: – Вот вам, детушки, новый командир: слушайте его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» – спросил важно Пугачёв. «Прочитай, так изволишь увидеть», – отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрёно пишешь? – сказал он наконец. – Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», – сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чём дядька мой вздумал писать Пугачёву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалёвый¹ и шёлковый полосатый, на шесть рублей».

– Это что значит? – сказал, нахмурясь, Пугачёв.

– Прикажи читать далее, – отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зелёного сукна на семь рублей.

Штаны белые суконные на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей.

Погребец с чайною посуду на два рубля с полтиною...»

– Что за вранье? – прервал Пугачёв. – Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крикнул и стал объясняться.

– Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями...

– Какими злодеями? – спросил грозно Пугачёв.

– Виноват: обмолвился, – отвечал Савельич. – Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырёх ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

– Дочитывай, – сказал Пугачёв. Секретарь продолжал: «Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге четыре рубля. Шуба лисья, крытая алым ратином², 40 рублей.

Ещё заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

– Это что ещё! – вскричал Пугачёв, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? – вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. – Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими слушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

– Как изволишь, – отвечал Савельич, – а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

¹ *Миткалёвый* – из миткаля (неотделанная тонкая хлопчатобумажная ткань).

² *Ратин* – шерстяная ткань для верхней одежды.

Пугачёв был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха. «Смейся, сударь, – отвечал Савельич, – смейся; а как придётся нам сызнава заводитьсь всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет». (...)

Обдумав своё положение, Пётр решил ехать в Оренбург, чтобы склонить тамошнее военное начальство к сражению за Белогорскую крепость. Наскоро простившись с попадъёй, ухаживавшей за больной Машей, он в сопровождении верного Савельича отправился в путь. По дороге его догнал казак, посланный Пугачёвым. Он передал Петру овчинный тулуп, пожалованный в дар самозванцем. Кроме того, Пугачёв приказал вручить молодому офицеру ещё и деньги, но их казак, по его же словам, растерял дорогой. Велев казаку благодарить Пугачёва, Пётр двинулся дальше.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Почему гарнизон проиграл бой пугачёвцам?
2. Как вели себя пугачёвцы в завоёванной крепости? За что были убиты капитан Миронов и его жена? Какие душевные качества они проявили перед лицом смерти?
3. Благодаря чему Гринёв и Швабрин избежали казни? В чём заключалось главное отличие между способами их спасения?
4. Чем Пугачёва рассердила жалоба Савельича? Почему, несмотря на раздражение, вызванное неуместными хлопотами старика, он всё же послал Гринёву подарки? Какие душевные свойства Пугачёва раскрылись в этом эпизоде?
5. Какой из двух противоборствующих сил, по вашему мнению, сочувствует автор: дворянам, исполняющим долг защитников законной власти, или бунтовщикам, пытающимся установить свою, «мужицкую» власть?

Комментарий литературоведа

В повести изображаются два мира: дворянский и крестьянский. Каждый из них имеет свой бытовой уклад, свои ценности, свои преимущества и изъяны. Лучшие черты первого мира воплощаются в образе Гринёва, верного дворянским представлениям о долге и чести, а также общечеловеческому принципу гуманности. Крестьянский мир овеян своей поэзией: песнями, сказками, легендами, пословицами и поговорками, в которых запечатлено своеобразие и красота народной мысли. Здесь господствуют совсем иные представления о долге и справедливости. В то время как дворяне считали Пугачёва преступником и самозванцем, крестьяне видели в нём своего заступника и представителя законной власти. Д. Пьянов, на свадьбе которого «гулял» Пугачёв, сердито сказал Пушкину: «Он для тебя Пугачёв... а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович».

Пушкин ясно видел, что у каждого из двух лагерей была своя «правда» и что в борьбе за эту «правду» каждый из них проявлял и благородство,

и жестокость. Так же ясно он видел и то, что единственным средством спасения в условиях жесткого противостояния дворянства и крестьянства является не закон – царский или «пугачёвский», – а человечность. Именно она выступает в повести основным мерилом оценки поступков персонажей. Именно она помогает героям достойно выходить из затруднительных жизненных ситуаций и непростых нравственных испытаний. В утверждении человечности как главной ценности человеческой жизни и как главного способа противодействия разрушительным силам истории заключается гуманизм повести «Капитанская дочка».

По прибытии в Оренбург Гринёв доложил знакомому генералу о событиях, произошедших в Белогорской крепости. Генерал был искренне опечален известием о гибели капитана Миронова и его жены. Однако к предложению немедленно отрядить солдат для освобождения крепости от мятежников отнёсся осторожно, решив, что его следует обсудить на ближайшем заседании военного совета. На этом заседании Пётр пылко отстаивал свою идею, но так и не нашёл поддержки у членов военного совета. По общему мнению, в сложившейся ситуации следовало не переходить в наступление, а укреплять оборону Оренбурга, на который надвигались войска бунтовщиков. Петру пришлось покориться. Через несколько дней город действительно был взят в осаду, стоившую многим его жителям великих лишений и страданий. О крупных военных сражениях теперь не могло быть и речи. Единственным развлечением для Гринёва были ежедневные выезды за город, во время которых он вступал в короткие перестрелки с пугачёвцами.

В один из таких выездов ему было передано письмо от Маши. Девушка сообщала, что после всех перенесённых потрясений она стала пленницей Швабрина, который жестоким обращением и угрозами добивается от неё согласия на замужество. Швабрин дал ей три дня для размышлений, по истечении которых он намеревался либо жениться на девушке, либо выдать её мятежникам. Обращаясь к Гринёву как к единственному своему заступнику, Маша умоляла спасти её от ужасной участи.

Пётр опрометью кинулся к генералу с требованием дать ему роту солдат для штурма Белогорской крепости. Но генерал счёл эту мысль безумной. Тогда Гринёв решил действовать в одиночку, и, наскоро собравшись, выехал в Белогорскую крепость. Савельич, как обычно, последовал за своим баринком. По дороге путники попали в плен к мятежникам. Гринёв был доставлен в дом, в котором расположился Пугачёв.

Глава XI

Мятежная слобода

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил он ласково.

А. Сумароков

(...) Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, – всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из глав-

ных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! – сказал он мне с живостью. – Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» – спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, – сказал мне Пугачёв, – от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седой бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого роста, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй – Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

– Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? – закричал он. – Будь он семи пядей во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

– Швабрин виноватый, – отвечал я. – Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

– Я проучу Швабрина, – сказал грозно Пугачёв. – Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

– Прикажи слово молвить, – сказал Хлопуша хриплым голосом. – Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

– Нечего их ни жалеть, ни жаловать! – сказал старичок в голубой ленте. – Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и управы искать, а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? – сказал он мне подмигивая. – Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

– Добро, – сказал Пугачёв. – Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

– Слава Богу, – отвечал я, – всё благополучно.

– Благополучно? – повторил Пугачёв. – А народ мрёт с голоду! Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

– Ты видишь, – подхватил старичок, – что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастью, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

– Полно, Наумыч, – сказал он ему. – Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

– Да ты что за угодник? – возразил Белобородов. – У тебя-то откуда жалость взялась?

– Конечно, – отвечал Хлопуша, – и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костливый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье, да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём¹ и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!»...

– Что ты там шепчешь, старый хрыч? – закричал Хлопуша. – Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придёт и твоё время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородинки не вырвал!

– Господа енаралы! – провозгласил важно Пугачёв. – Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной

Иллюстрация С. Герасимова.
Гринёв и Пугачёв

¹ *Кистень* – старинное оружие для нанесения ударов, состоявшее из короткой палки с подвешенным на ремне или цепи металлическим шаром, гирей и т. п. и с петлёй на другом конце, надевавшейся на руку.

перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, миритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадей и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, – сказал он, мигая и прищуриваясь. – Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

– Она невеста моя, – отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

– Твоя невеста! – закричал Пугачёв. – Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! – Потом, обращаясь к Белобородову: – Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести, но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачёвым и с его страшными товарищами. (...)

По распоряжению Хлопуши, караульный отвёл меня в приказную избу, где я нашёл и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. (...)

Поутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противуречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» – сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! стой!» – раздался голос, слишком мне знакомый, – и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка, Пётр Андреич! – кричал дядька. – Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» – «А, старый хрыч! – сказал ему Пугачёв. – Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

– Спасибо, государь, спасибо, отец родной! – говорил Савельич усаживаясь... – Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачёва. К счастью, самозванец или не расслышал, или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в

пояс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марьей Ивановной? Холод пробежал по моему телу, и волосы становились дыбом... (...)

Разговорившись в дороге, Пугачёв сообщил Петру о том, что готовится к новым походам.

– А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

– Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят мою голову.

– То-то! – сказал я Пугачёву. – Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся.

– Нет, – отвечал он, – поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удасться! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

– А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

– Слушай, – сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. – Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напитокся живой кровью, а там что Бог даст! – Какова калмыцкая сказка?

– Затейлива, – отвечал я ему. – Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней – и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Сирота

Как у нашей у яблоньки
 Ни верхушки нет, ни отросточек;
 Как у нашей у княгинюшки
 Ни отца нету, ни матери.
 Снарядить-то её некому,
 Благословить-то её некому.

С в а д е б н а я п е с н я

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился; но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» – Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверием. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый. «Государь, – сказал он дрожащим голосом... – Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», – сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! – сказал он. – Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» – сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

– Тише! – прервал меня Пугачёв. – Это моё дело. А ты, – продолжал он, обращаясь к Швабрину, – не умничай и не ломайся: жена ли она тебе, или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

– Отворяй! – сказал Пугачёв.

Иллюстрация М. Нестерова

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало – не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» – Потом, подошед к Марье Ивановне: – «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?»

– Мой муж! – повторила она. – Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрину: «И ты смел меня обманывать! – сказал он ему. – Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, – сказал он Швабрину, – но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково:

– Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь.

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

– Что, ваше благородие? – сказал, смеясь, Пугачёв. – Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин дружкой; закутим, запьём – и ворота закрём!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! – закричал он в исступлении. – Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» – спросил он меня с недоумением.

– Швабрин сказал тебе правду, – отвечал я с твёрдостью.

– Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

– Сам ты рассуди, – отвечал я ему, – можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

– И то правда, – сказал, смеясь, Пугачёв. – Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

– Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть по-твоему! – сказал он. – Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остоленелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду. (...)

Гринёв решил отвезти Машу к своим родителям, где её безопасности ничто не угрожало. Выданная Пугачёвым бумага обеспечила им беспрепятственный проезд по всей территории, захваченной мятежниками. Так они добрались до мест расположения царских войск. Здесь Гринёв встретился со своим старым знакомым Зуриным, которому он когда-то проиграл сто рублей. Пётр остался в отряде, воевавшем с бунтовщиками, а Машу в сопровождении Савельича отправил в деревню к своим родным.

Глава XIII

Арест

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
– Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин

(...) Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что

успели они спасти. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребёнок...

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля, Емеля! – думал я с досадою, – зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... (...)

Но в день отъезда неожиданно пришёл приказ об аресте Гринёва и дальнейшей его отправке в Казань в связи с расследованием «дела Пугачёва». С чистой совестью Пётр подчинился приказу.

Глава XIV

Суд

Мирская молва –
Морская волна.

П о с л о в и ц а

По прибытии в Казань Гринёв предстал перед военным судом.

(...) Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, – сказал он мне нахмурясь, – но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

– Каким же образом, – возразил мой допросчик, – дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посоветился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух: «На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать имя её между гнусными извещениями злодеев и её самую привести на очную с ними ставку – эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть вчерашнего злодея. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл – Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен.

Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить

своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, – как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии.

Я утвердился ещё более в моём намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу.

Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа он объявлял ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решила помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горечь его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! – повторял он, выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачёва! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна:

пращур мой умер на лобном месте¹, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым². Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нём плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти. (...)

Понимая, что помощи ждать неоткуда, Маша отважилась лично просить императрицу о восстановлении справедливости по отношению к оклеветанному жениху. Тепло простившись с родителями Петра, она отправилась в путь. Неподдалеку от Царского Села, где в это время находилась императрица, девушка остановилась на почтовом дворе. Жена смотрителя радушно её приняла и рассказала множество занятых историй из жизни обитателей императорского дворца.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

- Вы, верно, не здешние? – сказала она.
- Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.
- Вы приехали с вашими родными?
- Никак нет-с. Я приехала одна.
- Одна! Но вы так ещё молоды.
- У меня нет ни отца, ни матери.

¹ *Лобное место* – в старину возвышение на площади, с которого объявлялись указы государей и на котором совершались наказания и казни.

² *Волынский А.П.* – во главе кружка дворян составлял «Генеральный проект о поправлении внутренних дел государства»; *Хрущёв А.Ф.* – член кружка Волынского, принимал активное участие в составлении указанного проекта; казнены в 1740 г.

– Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

– Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

– Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

– Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

– Позвольте спросить, кто вы таковы?

– Я дочь капитана Миронова.

– Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

– Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, – сказала она голосом ещё более ласковым, – если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать её про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо её переменялось, – и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

– Вы просите за Гринёва? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

– Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

– Как неправда! – возразила дама, вся вспыхнув.

– Неправда, ей-богу неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. – Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. «Где вы остановились?» – спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как

В. Боровиковский. Екатерина II на прогулке в Царскомельском парке

вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову. (...)

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, – сказала она, – но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. (...) Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие обстоятельства заставили Гринёва в третий раз встретиться с Пугачёвым? Почему, вопреки требованиям дворянской чести, Пётр решил обратиться к самозванцу за помощью?
2. Расскажите, как проходил пугачёвский «военный совет». Чем он грозил Гринёву? Какие взгляды взбунтовавшегося народа на дворянство отразились в мнениях членов этого совета? Что побудило Пугачёва снова взять Гринёва под своё покровительство?
3. Доверял ли Пугачёв своим соратникам? Подтвердите ответ цитатой. Почему Пугачёв отбросил возможность покаяния, на которую ему указал Гринёв?

4. Перескажите содержание сказки, рассказанной Пугачёвым по дороге в Белогорскую крепость. Раскройте её иносказательный смысл. Что эта сказка объясняет в характере Пугачёва? А как её прокомментировал Гринёв? Почему Пугачёв ничего не ответил на его комментарий?

5. Как была спасена Маша Миронова? Почему, когда Гринёв признался, что Маша является дочерью убитого коменданта крепости, лицо Пугачёва, как замечает рассказчик, «омрачилось»? Что, по вашему мнению, огорчило предводителя бунтовщиков?

6. Чем был вызван отказ Петра от дачи полных показаний о его отношениях с Пугачёвым? Что больше всего Гринёва-старшего расстроило в известии о тюремном заключении сына?

7. Как Маша спасла своего жениха от позорного и незаслуженного наказания? Какие черты её характера проявились в этой ситуации?

8. **Работа в парах.** Выпишите из повести все описания внешности Пугачёва. Как изменяются описания внешности героя с постепенным раскрытием его личности?

9. Составьте и заполните таблицу «Образы Гринёва и Швабрина». Укажите общие и различные черты героев.

10. Что позволяет Маше и Гринёву физически и нравственно выжить в трудных испытаниях, обусловленных бурными историческими событиями? В чём проявляется духовное родство этих героев?

11. Охарактеризуйте отношения Петра с Савельичем. На чём они основаны? В каких эпизодах старый слуга проявляет поразительную преданность молодому барину? Какие черты народного характера воплощены в образе Савельича?

12. Было ли, по вашему мнению, избавление Петра от несправедливого судебного приговора счастливой случайностью?

13. **Творческая работа.** Устно выполните одно из заданий (по выбору):

- А. Представьте, что «Капитанская дочка» была бы написана от лица Швабрина. Как в этом случае изменились бы оценки событий и героев?
- Б. Подготовьте речь в защиту арестованного царскими генералами Гринёва. Отберите наиболее существенные для его оправдания факты.
- В. Предположите, как сложится жизнь Гринёва и Маши в будущем. Как, по вашему мнению, поведут себя их потомки во время декабристского восстания?
- Г. Какое наставление мог бы дать постаревший Пётр своему сыну (внуку), отправляющемуся на военную службу?

14. **Групповая работа.** Разбившись на группы, выполните одно из заданий:

- А. Укажите примеры использования фольклорного материала в «Капитанской дочке» – сказок, песен, пословиц и поговорок. Раскройте художественно-смысловое значение фольклорных элементов в повести.
- Б. Выпишите эпиграфы к главам повести. Объясните их смысловую нагрузку. Почему автор предварил повесть о пугачёвском восстании эпиграфом «Береги честь смолоду»?
- В. В произведениях Пушкина сны героев всегда заключают в себе важное символическое значение. Предложите свою версию толкования сна Гринёва.
- Г. Дайте определение пейзажа. Найдите в повести описания природы. Объясните, какую роль они играют в произведении.
- Д. Сюжет «Капитанской дочки» построен на вариациях одних и тех же ситуаций. Например: при встрече в крепости Пётр не узнал в предводителе мятежников случайного провожатога – при встрече в Царском Селе Маша не узнала императрицу; Гринёв подарил заячий тулуп Пугачёву – Пугачёв подарил Гринёву овчинный тулуп. Подумайте, чему служит этот приём в произведении.

15. **Творческая работа.** Напишите сочинение (по выбору): «Светлые и тёмные стороны личности Пугачёва в повести “Капитанская дочка” А.С. Пушкина», «Пётр Гринёв как тип русского дворянина XVIII в. и образ гуманного человека “жестокоего века”».

Глава 2

«ЧТО БЕЗ СТРАДАНИЙ ЖИЗНЬ ПОЭТА? И ЧТО БЕЗ БУРИ ОКЕАН?»

«Гонимый миром странник...»

Литературная разминка

Что вы знаете о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова? Вспомните произведения этого поэта, которые вы изучали в предыдущих классах.

Михаил Юрьевич
Лермонтов
(1814 –1841)

Ещё в течение своей короткой жизни М.Ю. Лермонтов был признан поэтом, достойным звания творческого наследника А.С. Пушкина. Впрочем, признавая это, современники в то же время отмечали очевидные различия между двумя художниками. Действительно, рядом с гармоничным, многоликим и «солнечным» Пушкиным его преемник казался «рыцарем печального образа», истерзанным внутренними противоречиями и неравной борьбой с окружающим миром, в котором он не мог найти себе должного применения. Такой духовный облик сложился не только в силу особенностей натуры Лермонтова, но и под воздействием эпохи, с которой совпал его недолгий век. Что же это была за эпоха?

На первый взгляд, от Пушкина Лермонтова отделяет не такой уж большой промежуток времени. Он ушёл из жизни всего через четыре года после гибели своего предшественника и, в общем, был его младшим современником. Однако годы юности и молодости Лермонтова протекали в иной атмосфере, сформировавшейся после поражения декабристов.

Комментарий архивариуса

Разгром декабристского движения нанёс удар по планам освобождения России от рабства. Самодержавие искореняло любые признаки вольномыслия и насаждало жёсткий контроль над всеми сферами духовной жизни общества. В условиях такой политики доноительство стало чуть ли не нормой поведения. Один из современников вспоминал: «Москва наполнилась шпионами. Все промотавшиеся купеческие сынки; вся бродячая дрянь, неспособная к трудам службы; весь сброд человеческого общества подвинулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом». Таким образом, если поколение декабристов утвердило в обществе позицию самоотверженной борьбы с царским режимом, то последующее поколение предпочло такой борьбе откровенный, не брезговавший самыми низкими средствами союз с самодержавием.

Духовное измельчание и падение нравов стали характерными чертами духовного портрета общества, в котором жил Лермонтов, отравленным

воздухом которого он дышал. Однако умом и сердцем поэт принадлежал другой эпохе, когда в чести были «души прекрасные порывы», вдохновлявшие на самоотверженные поступки, когда в обществе задавали тон незаурядные, богатырские по своему духовному складу личности. Показательно, что любимой его забавой в детстве была игра «в богатыри», во время которой он, обрядившись в соответствующий костюм, воображал себя могучим воином, вступившим на бой с силами зла. В этих незначительных подробностях проявляются весьма значительные особенности личности поэта: ощущение огромности собственного внутреннего мира, сознание своей исключительности, способности к великим свершениям: «Я рождён, чтоб celý мир был зритель Торжества иль гибели моей», – писал семнадцатилетний Михаил.

Рано лишившись родителей (после преждевременной смерти матери ему не разрешалось видеться с отцом), Михаил остался на попечении бабушки, не чаявшей в нём души. Вокруг обожаемого внука вращалась вся жизнь в её имении. Понятно, что любимец дома, избалованный свободным и нежным воспитанием, не лучшим образом чувствовал себя в казённых учебных заведениях. Поэтому и в Московском университетском благородном пансионе, и позже в Московском университете он так и не смог «вписаться» в среду своих сверстников. Но тяжелее всего Лермонтову пришлось в Петербургском военном училище (именовавшемся тогда Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), где к уже знакомым ему сложностям пребывания в учебном заведении прибавилась ещё и ежедневная, столь же суровая, сколь и бессмысленная муштра. Сохранить своё «я», не растратить душевный пыл на пустяки Лермонтову помогло всё то же чувство избранности и поэтическое творчество.

«Страшная жажда песнопения» побуждала юношу писать стихи в огромном, почти невероятном для его возраста количестве. Достаточно сказать, что к первым годам обучения в университете Лермонтовым было создано две трети всего его поэтического наследия. Поначалу он просто «зарифмовывал» мысли для себя, не помышляя о том, чтобы выносить свои поэтические опыты на суд читателей. Однако со временем его душой овладела жажда литературной славы.

В глазах Лермонтова Пушкин был духовным гигантом, воплощением «Свободы, Гения и Славы», идеалов, начертанных на знамени декабристского движения. Поэтому смерть Пушкина он пережил не только как утрату для всей русской культуры, но и как расправу над духом героической эпохи, утвердившую победу ничтожества над величием. Все эти чувства выплеснулись в его стихотворении «Смерть поэта», мигом разлетевшемся по всему Петербургу. Попало оно и в руки императора Николая I.

Вокруг гибели Пушкина было немало пересудов, намекавших на то, что в этом деле не обошлось без вмешательства властей, поэтому правительство старалось пресекать любые разговоры на эту тему. Но тут появилось стихотворение неизвестного автора, который осмелился прямо обвинить «трон» и теснившуюся подле него «жадную толпу» в убийстве великого поэта да ещё и пригрозил «палачам» Божьим судом! Нетрудно представить, какое возмущение вызвало это сочинение в императорском дворце. Спустя несколько недель Лермонтов был арестован и отправлен воевать на Кавказ.

М.Ю. Лермонтов.
Воспоминания о Кавказе

Впереди у Лермонтова оставалось всего лишь четыре года жизни. За это время он не раз проявлял недюжинную внутреннюю силу – и в сражениях с горцами, и в противостоянии интригам светского общества, и в столкновениях с властями, и в творческих свершениях. Но это не помогло ему избавиться от чувства непоправимого разлада со своим временем, в котором, несмотря на лихорадочные поиски, он так и не находил места для приложения данной ему от природы духовной мощи. Слишком велик был размах чувств и требований поэта, чтобы вписаться в эпоху,

привыкшую мерить себя малой меркой. Лермонтов смотрел на неё с высоты вчерашних богатырей духа, которые сначала разгромили «непобедимую» наполеоновскую армию, позже, жертвуя своим благополучием, сражались за свободу и права своего народа, а затем с гордо поднятой головой следовали на каторгу и в ссылку. Оглядывая с этой высоты своё поколение, поэт устами созданного им персонажа – участника Бородинской битвы – выносил приговор, выражавший и восхищение перед героическим прошлым, и презрение к неприглядной современности. Перед отъездом в действующую армию Лермонтов успел передать в журнал «Современник» стихотворение «Бородино», публикация которого отметила собой его официальный дебют в литературе.

На Кавказе поэт проявил себя достойным воином, «с отменным мужеством и хладнокровием» исполнявшим опасные поручения, однако и тут он находил время для литературного творчества.

Спустя полгода бабушка, использовав свои старые связи, добилась перевода Лермонтова в столицу. В Петербург он возвратился в романтическом ореоле славы талантливого, смелого и уже пострадавшего за свободомыслие поэта. Его принимали в высшем свете, им восхищались в литературных кругах. Это был настоящий триумф, однако он не избавил поэта ни от разлада с обществом, ни от терзавших его противоречий. Молодой Тургенев, наблюдавший за ним во время одного из маскарадов, вспоминал: «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-тёмных глаз. Их тяжёлый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ... Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втокнула судьба. На бале... ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза...»

Противоречивое впечатление Лермонтов производил и на людей, с которыми общался. Нежный и отзывчивый в обращении с друзьями, он казался высокомерным и злым с неприятными ему людьми. Но и над теми, и

над другими поэт подтрунивал довольно язвительно, не задумываясь над последствиями. Человек с таким характером легко наживал врагов и затевал ссоры. Одна из них вспыхнула из-за любовного соперничества и послужила причиной дуэли Лермонтова с сыном французского посла. Поединок закончился бескровно, но сам факт, что опальный офицер снова высказал непослушание и пренебрёг царской милостью, вызвал гнев Николая I. Лермонтова арестовали и снова отправили на Кавказ, где он погиб на дуэли, которая по своим условиям мало отличалась от замаскированного под поединок убийства.

М.Ю. Лермонтов. Испанка

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Чем эпоха юности М.Ю. Лермонтова отличалась от эпохи молодости А.С. Пушкина? Охарактеризуйте общественную атмосферу, в которой формировалась личность Лермонтова. Укажите другие обстоятельства, повлиявшие на становление характера поэта.
2. Как начался творческий путь поэта? По какой причине ему не удалось опубликовать первое переданное в печать произведение? Как оно называлось?
3. Назовите стихотворение, которое принесло Лермонтову широкую известность. С чем был связан огромный успех этого произведения? Почему оно вызвало гнев правящей верхушки и самого императора? Как в нём проявилось гражданское и человеческое мужество автора?
4. Самостоятельно прочитайте стихотворение «Бородино». Как отзывается старый солдат о современном Лермонтову поколении? Согласен ли поэт со своим героем?
5. Почему Лермонтов не принимал современное ему общество? В каких лермонтовских произведениях, изученных вами в предыдущих классах, прослеживается неприятие окружающей действительности?

*«И царствует в душе какой-то холод тайный,
когда огонь кипит в крови»*

Литературная разминка

Дайте определение понятия «лирический герой».

В период своего становления как поэта Лермонтов учился у своих великих предшественников – А.С. Пушкина и Дж. Г. Байрона. Герой Байрона, разочарованный и бунтующий против обыденности, был чрезвычайно близок Лермонтову. Лирический герой русского поэта мечется между жаждой действия и жаждой покоя, презрением к обществу и ощущением своего одиночества и отверженности, между ненавистью к «стране рабов, стране господ» и любовью к родине. Поэт и критик XIX в. А. Григорьев писал, что Лермонтов «занимает видное место в истории нашего душевного брожения как истинный поэт скорби своего поколения».

Перед чтением

Прочитайте стихотворения Лермонтова и охарактеризуйте лирического героя этих поэтических шедевров.

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?

И. Орлов. Облако

Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт.

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуждён,
Как раздался, так смолкнул бы он.
Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.
Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рождён, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

Комментарий архивариуса

Род Лермонтовых ведёт своё начало от Георга Лермонта, выходца из Шотландии, взятого в плен при осаде крепости Белой и затем осевшего в России. Фамилию *Лермонт* носил также легендарный шотландский поэт-пророк XIII в.; ему посвящена баллада В. Скотта, рассказывающая о том, как Томас Лермонт был похищен в царство фей и там получил вещий свой дар. Лермонтов был в юности очень увлечён легендой о поэте и посвятил своим шотландским предкам стихотворение «Желание».

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал –
Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.
Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.
Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.
Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене –
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,
На золото променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть.

Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо
грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух
ледея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

И. Шишкин. «Среди долины ровныя...»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие стороны поэтической души освещаются в стихотворениях «Молитва» и «Я жить хочу!...»?
2. О каких предках идёт речь в стихотворении «Желание»? Почему лирический герой стихотворения проводит параллель между собой и вороном?
3. Каков аллегорический смысл истории кинжала в стихотворении «Поэт»?
4. Почему поэзия, по мнению Лермонтова, утратила своё высокое назначение? На каком предназначении поэзии настаивает поэт? Какую лексику, подчёркивающую бессилие и пассивность героя, Лермонтов вводит в стихотворение?
5. Какие средства художественной выразительности помогают Лермонтову высказать своё представление о высоком назначении поэзии? Приведите примеры.
6. В чём оригинальность композиции стихотворения «Поэт»?
7. Как поэт описывает душевное состояние лирического героя стихотворения «Выхожу один я на дорогу...»? В чём его трагедия? Какие факты дают основание для сопоставления настроения лирического героя с переживаниями самого поэта?
8. **Работа в парах.** Как соотносятся мир природы и внутренний мир лирического героя в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...»? С помощью каких художественных средств автор передаёт его внутреннее состояние? Какие строки выражают мечту о слиянии с природой и вечной гармонии с ней?
9. В чём, по-вашему, смысл сопоставления поэтом понятий «дорога» и «путь»? Какую символическую нагрузку несут слова *один, кремнистый путь, пустыня*?
10. Какие образы-символы в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...», по вашему мнению, являются жизнеутверждающими? Обоснуйте свою точку зрения.
11. **Работа в группах.** Рассмотрите репродукции картин, сопоставьте их с прочитанными стихотворениями Лермонтова. Какие переживания лирического героя сопоставимы с этими изображениями?
 - А. И. Орлов «Облако» (с. 148)
 - Б. И. Шишкин «Среди долины ровныя...» (с. 151)
12. Выучите одно из прочитанных стихотворений Лермонтова наизусть (по выбору).

13. Творческая работа. Напишите сочинение-миниатюру «Поэтический шедевр Лермонтова» о стихотворении, которое вы выбрали для чтения наизусть.

14. Поисковая работа. Прочитайте стихотворение М. Рыльского «Не забуду вечора хрусткого...». Сделайте вывод о влиянии творчества М. Лермонтова, которое отразилось в лирическом произведении украинского поэта.

Глава 3

«КАК МНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ БЕСЧЕЛОВЕЧЬЯ»

*«Ничего более не боится человек так,
как смеха...»*

Литературная разминка

Что связывало Н.В. Гоголя с Украиной? Как эта связь отразилась в гоголевских произведениях, с которыми вы ознакомились в предыдущих классах?

Николай Васильевич
Гоголь
(1809–1852)

У истоков «золотого века» русской литературы стоят три крупнейшие фигуры – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и Н.В. Гоголь. Каждый из них открывал определённую грань этой литературы. Так, Пушкин осмыслял своеобразие национального русского характера; Лермонтов обнажал внутренние противоречия человеческой души; Гоголь преимущественно исследовал низшие, «приземлённые» сферы действительности, или, по его же словам, «дрязги жизни».

С сочувствием изображал Гоголь «маленького человека», страдающего от враждебности окружающего мира, и с откровенным любованием живописал образы представителей низших сословий. Вместе с тем он испытывал родственные Лермонтову чувства тоски по идеалу и неудовлетворённости современностью. Этим и определялись два направления развития гоголевской прозы.

К первому относятся произведения, проникнутые духом романтики (сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», повесть «Тарас Бульба» и др.). Ко второму – художественные тексты, обличавшие те изъяны личности и общества, которые делают жизнь негуманной, недостойной человека (сборник «Петербургские повести», роман «Мёртвые души»). Но неверно было бы думать, будто эти направления существовали независимо друг от друга. Показательным примером их тесного переплетения может служить сборник «Миргород», под обложкой которого были собраны овеянные романтикой истории из прошлого украинского народа и повести, изображавшие удручающую скуку современной писателю провинциальной жизни. Да и в других гоголевских произведениях мы часто наблюдаем, как жестокая критика общественных нравов соединяется с задушевными романтическими описаниями или невероятными фантастическими происшествиями.

Писатель твёрдо верил в духовное возрождение человека. Высмеивая глупые несообразности обыденного существования, настойчиво показывая, по словам Пушкина, «пошлость пошлого человека», Гоголь искренне надеялся подтолкнуть читателей к самосовершенствованию, которое бы позволило им избавиться от отравляющего жизнь «бесчеловечья». Будучи глубоко религиозным человеком, он считал, что такое самосовершенствование должно осуществляться на основе христианской морали. Обратив современников к этой морали, пробудить в обществе потребность в самовоспитании и совершенствовании – вот в чём видел предназначение писателя Н.В. Гоголь.

Особенно широкими возможностями воздействия на публику, по его мнению, обладала театральная сцена. «Театр ничуть не безделица, – уверял писатель, – и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нём может поместиться вдруг толпа из пяти-шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чём не сходная между собою, разбитая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясеньем, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра».

Интерес к сцене у Гоголя проявился ещё в годы обучения в Нежинской гимназии высших наук, где будущий писатель был одним из заправил ученического театра, выступая не только в качестве автора пьес, но и режиссёра, оформителя декораций и актёра. Ему доставались преимущественно комические роли, которые он исполнял так, что публика покатывалась со смеху.

Комментарий литературоведа

Школьный товарищ Гоголя вспоминал об одном из таких спектаклей: «Разучили роли и сделали несколько репетиций. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий; первое действие прошло удачно, но Гоголь в нём не являлся, а должен был явиться во втором. Публика тогда ещё не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене... хата и несколько обнажённых деревьев; вдали река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамейка; на сцене никого нет.

Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит кряхтя до скамейки и садится. Сидит, трясётся, кряхтит, хихикает и кашляет, да наконец захихикал и закашлял таким удушливым и сильным старческим кашлем, с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом... А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплёлся со сцены, уморивши всех со смеху». С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем как замечательным комиком.

Ободрённый успехом на гимназической сцене, Гоголь после переезда в Петербург предпринял попытку стать актёром. Явившись к директору Императорских театров, он изъявил желание поступить на сцену и тотчас же

был направлен на испытание к авторитетному знатоку актёрского искусства. Но с экзаменом не справился. Трудно сказать, что сыграло решающую роль – сильное смущение экзаменуемого или предубеждённость экзаменатора, предпочитавшего естественной и простой манере чтения Гоголя старомодную, во многом искусственную декламацию, – но только испытание обернулось для молодого человека полным провалом. Приговор экзаменатора гласил, что у прослушанного им претендента в актёры нет «решительно никаких способностей для театра» и что его можно использовать в спектакле «разве что на выход» (так на театральном языке назывались люди, которым поручалось на сцене выносить письма, подавать стулья и совершать прочие «подсобные» действия). Забавно, что спустя каких-нибудь пять-шесть лет после упомянутого приговора «забракованный» для театра писатель, уже прославивший своё имя книгами «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», написал гениальную комедию «Ревизор», которая произвела настоящий взрыв на русской сцене.

История создания этой пьесы связана с именем Пушкина. Десятилетняя разница в возрасте не мешала искренней дружбе Пушкина и Гоголя. Всю жизнь Гоголь относился к Пушкину как ученик к учителю. Они обменивались письмами, Гоголь не раз читал Пушкину написанное. Когда в Риме Гоголь узнал о смерти поэта, он с душевной скорбью писал их общему другу: «Всё наслаждение моей жизни, всё моё высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою».

Задумав написать *комедию* на тему из русской жизни, Гоголь обратился к Пушкину с просьбой: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот».

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Комедия – один из видов драмы. Цель комедии – осмеяние душевных изъянов и поступков героев, ситуаций, в которые они попадают, негативных явлений социальной жизни. Комедия строится на разнообразных несоответствиях: между реальным героем и его обманчивым представлением о себе, между низкими поступками персонажа и высоким предназначением человека и т. д. Главным незримым «лицом» комедии выступает смех.

По свидетельству Гоголя, Пушкин действительно подсказал новый сюжет, рассказав историю о некоем господине, который в провинции выдал себя за важного петербургского чиновника. Пушкин и сам едва не попал в похожее положение, когда во время путешествия из Нижнего Новгорода в Оренбург был принят за присланного в губернию ревизора. Иными словами, ситуация была в известном смысле типичная. Но под пером Гоголя она развернулась в широчайшую «смехопанораму», охватившую едва ли не всё тогдашнее общество. Недаром Николай I, от души смеявшийся во время премьеры «Ревизора», по завершении спектакля произнёс: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех!» Объясняя масштабность замысла своего произведения, писатель отмечал: «Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего. В “Ревизоре” я решился собрать в кучу всё дурное в России, какое я

тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем». Именно потому, что, осмеивая «все несправедливости», писатель исходил из представлений о том, как на самом деле должна быть устроена человеческая жизнь, в его произведении прозвучал особый смех – «смех сквозь слёзы».

Несмотря на очевидный успех, Гоголь своей пьесой был недоволен. Поэтому через несколько лет он доработал текст, придав афористическую чеканность речи персонажей и заострив социально-критическую направленность её сюжета в целом. Именно во второй редакции появилось знаменитое обращение одного из героев к залу, звучавшее как обличительный вызов всей России: «Чему смеётесь? – Над собою смеётесь!..» Эта фраза стала своеобразной эмблемой гоголевского «смеха сквозь слёзы».

Неизвестный художник.
Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Чем отличается творчество Н.В. Гоголя от художественного наследия А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова?
2. Как Н.В. Гоголь воспринимал театр? Каким образом его страсть к театру проявилась в годы учёбы в Нежинской гимназии?
3. Расскажите об истории создания комедии «Ревизор». Охарактеризуйте комедию как драматический жанр.
4. Как вы понимаете выражение «смех сквозь слёзы»? Что оно означает применительно к «Ревизору»?

«Подобные происшествия бывают на свете»

Литературная разминка

Каковы отличительные особенности произведения, написанного для постановки на сцене?

Главным в «Ревизоре» было высмеивание постыдных явлений русской общественной жизни первой половины XIX в. Но изображённые в ней характеры и ситуации обладали столь мощным обобщённым значением, что пьеса вышла далеко за пределы собственной эпохи, заслужив гордое звание «бессмертной».

С течением времени выяснилось, что вскрытые в ней уродства социальной жизни, равно как и обрисованные в ней человеческие типы, существуют повсюду, в любом обществе. Поэтому и сегодня на спектаклях по «Ревизору», которые идут на сценах театров разных стран, зрители смеются, узнавая в гоголевских персонажах своих современников, а в пороках общественного устройства – проблемы, с которыми они сталкиваются в

повседневной жизни. Поэтому закрепившееся за комедией определение «бессмертная» отражает не только её художественное, но и общественно-моральное значение: разоблачая в пьесе ненасытных казнокрадов и подхалимов, Гоголь учит понимать истинную цену безнравственных чиновников, а вместе с тем – быть свободными от всевозможных форм «бесчеловечья» общественной жизни.

Перед чтением

Раскройте смысл пословицы, использованной в качестве эпитафии к комедии Н.В. Гоголя.

РЕВИЗОР

Комедия в пяти действиях

(В сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений¹.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Пётр Иванович Добчинский } городские

Пётр Иванович Бобчинский } помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Фёдор Андреевич Люлюков } отставные чиновники,

Иван Лазаревич Растаковский } почётные лица

Степан Иванович Коробкин } в городе.

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав².

Свистунов

Пуговицын } полицейские.

Держиморда }

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлёпкина, слесарша.

Жена унтер-офицера³.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

¹ *Попечитель богоугодных заведений* – официально назначаемое лицо для попечения о благотворительном учреждении (приюте, больнице и под.).

² *Частный пристав* – начальник полицейской части в городе.

³ *Унтер-офицер* – звание младшего командного состава из солдат; лицо, носящее это звание.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актёров

Г о р о д н и ч и й, уже постаревший на службе и очень неглупый по своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно сурьёзен; несколько даже резонёр¹; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого, начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нём стриженные, с проседью.

А н н а А н д р е е в н а, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берёт иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит только в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Х л е с т а к о в, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянно внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

О с и п, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его – серый или синий поношенный сюртук.

Б о б ч и н с к и й и **Д о б ч и н с к и й**, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жёстами и руками. Добчинский немножко выше и сурьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Л я п к и н-Т я п к и н, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом – как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

З е м л я н и к а, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

¹ *Резонёр* – человек, который любит рассуждать длинно и нравоучительно.

Иллюстрации П. Боклевского.

П о ч т м е й с т е р, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений: оригиналы их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Зачем, по вашему мнению, Гоголь составил подробные «Замечания для господ актёров»? На что в своих рекомендациях он обратил их внимание?

2. Какие имена и фамилии персонажей в списке действующих лиц кажутся вам наиболее комичными? Найдите в этом перечне «говорящие» фамилии. О чём они «говoryят»? «Узнайте» героев пьесы на иллюстрации П. Боклевского по описанию.

3. Как вы думаете, почему автор даёт Бобчинскому и Добчинскому одну характеристику на двоих?

4. О чём свидетельствуют указанные в списке должности героев? Почему, по вашему мнению, список начинается с городничего?

5. Работа в парах. Что на основании рекомендаций автора можно сказать: 1) о жизни городничего и его главных душевных качествах? 2) о внутреннем мире жены городничего? 3) о главных отличительных чертах характера Хлестакова? 4) об отношениях Хлестакова с его слугой Осипом?

6. На какую особенность общего замысла пьесы указывает следующее замечание автора: «Прочие роли не требуют особых изъяснений: оригиналы их почти всегда находятся перед глазами»?

7. На какой сцене Гоголь акцентирует внимание актёров? Что для него важно при исполнении этой сцены?

8. Творческая работа. Объясните значение выражения *человек без царя в голове*. Запишите своё объяснение, оформив его как словарную статью.

9. Кто из перечисленных в списке действующих лиц является, по вашим прогнозам, главным героем комедии?

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И ещё с секретным предписанием.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! ещё и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...» – и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром. (...) Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично:

колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Г о р о д н и ч и й. Да, и тоже над каждой кроватью надписать полатыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. О! насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Х р и с т и а н И в а н о в и ч издаёт звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Г о р о д н и ч и й. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завезть его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Г о р о д н и ч и й. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокурного завода, – это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Г о р о д н и ч и й. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено. (...)

Иллюстрации Л. Константиновского

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам – рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Г о р о д н и ч и й. Ну, щенками или чем другим – всё взятки.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль... (...)

Г о р о д н и ч и й. (...) А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Одни из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, – это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Л у к а Л у к и ч. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Г о р о д н и ч и й. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его:

ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Л у к а Л у к и ч. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал...
Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Г о р о д н и ч и й. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек – или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Л у к а Л у к и ч. Не приведи Бог служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Г о р о д н и ч и й. Это бы ещё ничего, – инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, – скажет, – здесь судья?» – «Ляпкин-Тяпкин». – «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» – «Земляника». – «А подать сюда Землянику!»
Вот что худо! (...)

Городничий велел почтмейстеру просматривать все письма, задерживать все жалобы и донесения. Почтмейстер с удовольствием согласился выполнить это распоряжение. Вскоре появились Бобчинский и Добчинский с известием о том, что в гостинице вот уже вторую неделю живёт молодой петербургский чиновник Хлестаков, по всем приметам похожий на ожидаемого ревизора. Городничий поторопился навестить загадочного гостя.

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

Явление I

О с и п лежит на барской постели.

Чёрт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки – вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше (...) А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки, чем бы их попридержать – и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю, глядь – и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка...
Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублёв полтора ста ему

один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего – нипочём идут. А отчего? – оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идёт. *(Поспешно схватывается с постели.)*

В комнату вошёл Хлестаков. Он хотел было отправить Осипа за обедом, однако слуга отказался выполнять его приказ, сославшись на то, что трактирщик больше не желает кормить в долг да ещё грозитя нажаловаться на должников городничему. Тем не менее голодный Хлестаков настоял на своём. По возвращении из буфета Осип сообщил новость: в трактир явился городничий и желает видеть Хлестакова. Молодой чиновник не на шутку испугался.

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий вошёл, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Г о р о д н и ч и й *(немного оправившись и протянув руки по швам)*.
Желаю здравствовать!

Х л е с т а к о в *(кланяется)*. Моё почтение...

Г о р о д н и ч и й. Извините.

Х л е с т а к о в. Ничего...

Г о р о д н и ч и й. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Х л е с т а к о в *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Б о б ч и н с к и й выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп – он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Г о р о д н и ч и й *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Х л е с т а к о в. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть – в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я...

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Х л е с т а к о в (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой – не пойдёте! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу*.) Что вы? что вы?

Г о р о д н и ч и й (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Х л е с т а к о в. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу. (...) Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух*.) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Х л е с т а к о в. Дайте, дайте мне займы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Г о р о д н и ч и й (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Х л е с т а к о в (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста вернул. (...)

Городничий и Добчинский садятся.

Б о б ч и н с к и й выглядывает в дверь и прислушивается.

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух*.) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший приём, – и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Х л е с т а к о в. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Г о р о д н и ч и й (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (*Вслух*.) Кажется, эта комната несколько сыра?

Х л е с т а к о в. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают. (...)

Г о р о д н и ч и й. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь – ей-богу, от простоты души предложил.

Х л е с т а к о в. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке. (...)

Перед тем как привезти Хлестакова к себе домой, городничий решил показать ему общественные заведения города. Тем временем в доме городничего шли лихорадочные приготовления к приёму почётного гостя.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Почему известие о появлении ревизора повергло в ужас городских чиновников? На что были нацелены срочные распоряжения городничего?
2. В каком состоянии в городе находились больница, присутственные места и учебные заведения? Обоснуйте свой ответ примерами из текста.
3. Что представляет собой Хлестаков? Какой образ жизни он вёл в Петербурге и почему задержался в гостинице уездного города?
4. Что чувствовали городничий и Хлестаков в первые минуты разговора друг с другом? Почему городничий не придавал значения очевидным «странностям» в поведении и речи Хлестакова? Какие особенности поведения и характера молодого человека укрепили его предположение в том, что это и есть ревизор?
5. Из каких побуждений Сквозник-Дмухановский пригласил Хлестакова к себе в дом? Почему он решил «дать взаймы» гостю сумму в два раза большую, чем тот назвал?
6. Спрогнозируйте дальнейший ход событий.
7. Пользуясь иллюстрациями Л. Константиновского (с. 161), нарисуйте словесные портреты городничего и Хлестакова.

Действие третье

Комната первого действия.

Наконец Хлестаков прибыл в дом городничего.

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский спластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку – они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

(...) Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Г о р о д н и ч и й. Нарочно для такого приятного гостя.

Х л е с т а к о в. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*подбегая*). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Х л е с т а к о в. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероят-

ным, – все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком. (...)

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий представил Хлестакову жену и дочь. Дамы тут же принялись расспрашивать гостя о жизни в Петербурге.

(...) Х л е с т а к о в. Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, такая крыса, пером только – тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе { Г о р о д н и ч и й. Чин такой, что ещё можно постоять.
А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Мы постоим.
Л у к а Л у к и ч. Не извольте беспокоиться!
Х л е с т а к о в. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Х л е с т а к о в. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьём. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

А н н а А н д р е е в н а. Скажите как!

Х л е с т а к о в. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё...» Большой оригинал.

А н н а А н д р е е в н а. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Х л е с т а к о в. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма»¹. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё на-

¹ «Женитьба Фигаро» – комедия французского поэта и драматурга П. Бомарше, появившаяся в 1787 г.; «Роберт Дьявол» – опера французского композитора Дж. Мейербергера; «Норма» – опера итальянского композитора В. Беллини, появившаяся в 1831 г.

Кадр из фильма «Инкогнито из Петербурга» (режиссёр Л. Гайдай, 1977)

писал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»¹ ... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. (...) Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист² свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж – скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру – я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встанут с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, – куда уехал,

¹ *Барон Брамбеус* – псевдоним известного в 30–40-е гг. XIX в. писателя и журналиста О.И. Сенковского, редактора журнала «Библиотека для чтения»; «Фрегат «Надежда» – повесть Марлинского (псевдоним декабриста А.А. Бестужева); «Московский телеграф» – передовой журнал, издававшийся Н. Полевым, был закрыт в 1831 г. по приказу Николая I.

² *Вист* – род карточной игры.

неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрёно. Кажется и легко на вид, а рассмотришь – просто чёрт возьми! После видят, нечего делать, – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! «Каково положение?» – я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, – просто землетрясение, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха.
Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Г о р о д н и ч и й *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А вава-ва... ва...

Х л е с т а к о в *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Г о р о д н и ч и й. А ва-ва-ва... ва...

Х л е с т а к о в *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Г о р о д н и ч и й. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната и всё что нужно. (...)

Хлестаков удалился. Городничий приказал Держиморде и Свистунову никого из просителей не допускать к Хлестакову. Чиновники провели тайное совещание и решили, что ревизору следует «подсунуть» взятки. Это проделали судья Ляпкин-Тяпкин, Шпекин, Хлопов, Земляника. Хлестаков принимал подношения под видом одалживания денег.

Действие четвёртое

Та же комната в доме городничего.

(...) Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Б о б ч и н с к и й. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Д о б ч и н с к и й. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

Х л е с т а к о в. А, да я уж вас видел. (...) *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Б о б ч и н с к и й. Денег? как денег?

Х л е с т а к о в *(громко и скоро)*. Взаимы рублей тысячу.

Кадр из фильма «Инкогнито из Петербурга» (режиссёр Л. Гайдай, 1977)

Б о б ч и н с к и й. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Д о б ч и н с к и й. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Х л е с т а к о в. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Б о б ч и н с к и й (*шаря в карманах*). У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Д о б ч и н с к и й (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего. (...)

Х л е с т а к о в. Ну, всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это всё равно. (*Принимает деньги.*) (...)

Б о б ч и н с к и й. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Б о б ч и н с к и й. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Х л е с т а к о в. Очень хорошо.

Д о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Б о б ч и н с к и й. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Х л е с т а к о в. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпровождает их.*)

(...) **Я в л е н и е V I I I**

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачьё! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки – пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Иллюстрация
Л. Константиновского

О с и п выглянул из дверей, произнёсши:
«Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, – берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! за тысячу перевалило. Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого! (...)

Хлестаков живо сочинил письмо петербургскому приятелю. Мудрый Осип, опасаясь скорого разоблачения, убедил хозяина покинуть город. Хлестаков велел ему готовиться к отъезду, а сам продолжил приём посетителей.

Явление X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

(...) К у п ц ы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Х л е с т а к о в. От кого?

О д и н и з к у п ц о в. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает... (...) Придёт в лавку и, что ни попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Ну и несёшь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Х л е с т а к о в. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

К у п ц ы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. (...) Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается; нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несёшь.

Х л е с т а к о в. Да это просто разбойник!

К у п ц ы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведёт к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытаться – это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Х л е с т а к о в. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

К у п ц ы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Х л е с т а к о в. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста – ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (*Вынимают деньги.*) Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы – я ни слова, я возьму (...)

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берёте? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюда головы и кулёк! Подавай всё! всё пойдёт впрок. Что там? верёвочка? Давай и верёвочку, – и верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня!

Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить её.

Явление XI

Хлестаков, слесарша и унтерофицерша.

(...) Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью¹! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни тёткам его ни в чём никакого прибитку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты², и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал – побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тётка есть, то и тётке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подслала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж? он уж тебе не годится». Да я-то знаю – годится или не годится; это моё дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да всё равно, говорит, он украдёт, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть тётца, то чтоб и тётце...

¹ *Челом бью* – почтительно просить о чём-нибудь; *чело* (устар.) – лоб, в старину при подаче прошения низко кланялись, т. е. «били челом» о землю.

² *Забрить лоб в солдаты* – забрать в солдаты; призванным на военную службу в старину подбрасывали на лбу волосы.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпровождает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь оченьгодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там ещё? (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, чёрт возьми! Не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! (...)

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

(...) Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисует*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную¹ шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чём вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много. (...)

Хлестаков. (...) Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... (*Придвигая стул.*)

¹ Лилейный – нежный, белый как лилия.

Иллюстрации Ю. Коровина

М а р ь я А н т о н о в н а. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... (*Отдвигает стул.*)

Х л е с т а к о в (*придвигая стул*). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

М а р ь я А н т о н о в н а (*отдвигаясь*). Для чего ж близко? всё равно и далеко.

Х л е с т а к о в (*придвигаясь*). Отчего ж далеко? всё равно и близко.

М а р ь я А н т о н о в н а (*отдвигается*). Да к чему ж это?

Х л е с т а к о в (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

М а р ь я А н т о н о в н а (*смотрит в окно*). Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Х л е с т а к о в (*целует её в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

М а р ь я А н т о н о в н а (*встаёт в негодовании*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Х л е с т а к о в (*удерживая её*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

М а р ь я А н т о н о в н а. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Х л е с т а к о в (*продолжая удерживать её*). Из любви, право из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Я в л е н и е XIII

Т е ж е и А н н а А н д р е е в н а.

А н н а А н д р е е в н а (*увидев Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, чёрт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я ещё не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчёт моей дочери?

Хлестаков. Нет, я влюблён в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трёхлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет (...) У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берёшь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие – перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в неё?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперёд не буду.

Иллюстрация П. Боклевского

Явление XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!
Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей-богу врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша – мне не до неё!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе!

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести. (...)

А н н а А н д р е в н а. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Г о р о д н и ч и й. Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! (*Протирает глаза.*) Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! (*Вскрикивает, подпрыгивая от радости.*) Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Она, как дело-то пошло! (...)

Вошёл Осип и объявил, что всё готово к отъезду. Хлестаков заверил, что отлучится только на один день, якобы для того, чтобы проведать богатого дядю. После его отъезда городничий с женой принялись строить планы на переезд в Петербург.

Действие пятое

Та же комната.

Слух о сватовстве Хлестакова облетел весь городок. Дом городничего тут же наполнился взволнованными гостями, которые спешили высказать свои поздравления по случаю будущей свадьбы. Но вскоре почтмейстер принёс письмо Хлестакова.

(...) Явление VIII

Т е ж е и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

П о ч т м е й с т е р. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

В с е. Как не ревизор?

П о ч т м е й с т е р. Совсем не ревизор, – я узнал это из письма...

Г о р о д н и ч и й. Что вы? что вы? из какого письма?

П о ч т м е й с т е р. Да из собственного его письма. (...)

П о ч т м е й с т е р (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего... волочусь напрапалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, – думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали наперамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля¹? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий – глуп, как сивый мерин...»

Г о р о д н и ч и й. Не может быть! Там нет этого.

П о ч т м е й с т е р (*показывает письмо*). Читайте сами.

Г о р о д н и ч и й (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

¹ То есть неоплаченных.

П о ч т м е й с т е р . Как же бы я стал писать?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . Читайте!

Л у к а Л у к и ч . Читайте!

П о ч т м е й с т е р (*продолжая читать*). «Городничий – глуп, как сивый мерин...»

Г о р о д н и ч и й . О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

П о ч т м е й с т е р (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Г о р о д н и ч и й . Нет, читайте!

П о ч т м е й с т е р . Да к чему ж?..

Г о р о д н и ч и й . Нет, чёрт возьми, когда уж читать так читать! Читайте всё!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьёт горькую».

П о ч т м е й с т е р (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...» (*Заикается*.)

К о р о б к и н . А что ж вы остановились?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй. (...)

В с е . Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину*.) Читайте!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч . Сейчас. (*Отдаёт письмо*.) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем*.) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

П о ч т м е й с т е р . Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

К о р о б к и н (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке».

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

К о р о б к и н (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Л у к а Л у к и ч (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку. (...)

А м м о с Ф ё д о р о в и ч (*в сторону*). Слава Богу, хоть по крайней мере обо мне нет!

К о р о б к и н (*читает*). (...) «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» (*Останапливается*.) Должно быть, французское слово.

А м м о с Ф ё д о р о в и ч . А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

К о р о б к и н (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему,

¹ *Моветон* (франц. – дурной тон) – невоспитанность.

хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает адрес.*) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо».

О д н а из д а м. Какой репримант¹ неожиданный!

Г о р о д н и ч и й. Вот когда зарезал так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

П о ч т м е й с т е р. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Ж е н а К о р о б к и н а. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей займа.

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. У меня тоже триста рублей.

П о ч т м е й с т е р (*вздыхает*). Ох! и у меня триста рублей.

Б о б ч и н с к и й. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Г о р о д н и ч и й (*бьёт себя по лбу*). Как я – нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (*махнул рукою*) нечего и говорить про губернаторов...

А н н а А н д р е е в н а. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Г о р о д н и ч и й (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (*В исступлении.*) Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит самому себе кулаком.*) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливаает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того что пойдёшь в посмешище – найдётся щелкопёр², бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь?– Над собою смеётесь!.. Эх вы!.. (*Стучит со злости ногами об пол.*) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.*) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог

¹ Реприма́нт (франц. – урок, выговор) – з д е с ь: неприятность.

² Щелкопёр – прозвище писарей в суде, отсюда «писака», «брехун», «враль»; з д е с ь: презрительное название писателя.

Рисунок неизвестного художника. «Немая сцена». Малый театр, 1842 г.

хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего – и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артеми́й Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил – вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского.*)

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артеми́й Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Естественно, вы! сплетники городские, лгуны проклятые! (...)

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростёртыми руками и закинутую назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движением всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич,

потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на городничего: за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Чем похвалялся Хлестаков, описывая свою жизнь в Петербурге? Что в этом описании, по вашему мнению, было правдой, а что – ложью? Почему присутствующие поверили его рассказам? В какой части своей речи Хлестаков проговорился, невольно уличив себя во лжи? Как он сумел выпутаться из этого щекотливого положения? Какое впечатление произвело хвастовство Хлестакова на окружающих?
2. Как Хлестаков повёл себя с женой и дочерью городничего? Что придаёт его любовным заигрываниям комичный характер?
3. На что жаловались пробившиеся к Хлестакову горожане? Как он вёл себя во время их визитов? А как, узнав об этом, повёл себя городничий?
4. Охарактеризуйте образ Хлестакова. Сознательно ли этот герой обманывает окружающих? Почему, сам того не желая, он вводит в заблуждение опытных чиновников? Что имеет в виду автор, давая следующую рекомендацию актёру, исполняющему роль Хлестакова: «Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет»?
5. Первоначально Н.В. Гоголь хотел дать Хлестакову фамилию «Скакунов». Что общего у этих фамилий, чем они различаются?
6. **Работа в парах.** В обиходную речь вошло слово «хлестаковщина». Как вы думаете, что оно означает? Аргументируйте свою точку зрения.
7. Расскажите о разоблачении Хлестакова. Как он в своём письме охарактеризовал городничего и его подчинённых? Согласны ли вы с этими оценками?
8. Что больше всего поразило городничего в истории с мнимым ревизором? Как отреагировали гости городничего на известие о появлении в городе настоящего ревизора?
9. Какие отрицательные явления общественной жизни высмеиваются в «Ревизоре»? Какие из них распространены в современном обществе?
10. Какие эпизоды пьесы вам показались наиболее смешными? Чем именно они вас рассмешили?
11. **Работа в группах.** Отдельные реплики героев «Ревизора» на правах крылатых выражений вошли в нашу повседневную речь. Прочитайте эти выражения и раскройте их обобщённый смысл:
 - А. «К нам едет ревизор», «Брать взятки борзыми щенками».
 - Б. «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!», «Все как мухи выздоравливают».
 - В. «У меня лёгкость необыкновенная в мыслях», «Унтер-офицерша сама себя высекла».
 - Г. «Чему смеётесь? – Над собою смеётесь!..», «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять».

«Театр живёт не блеском огней, роскошью декораций и костюмов... а идеями драматурга»

Литературная разминка

Вспомните и сформулируйте определение понятия «юмор», приведите примеры из прочитанных произведений.

Смех – дело серьёзное. Почему мы смеёмся? Что делает ситуации, над которыми мы смеёмся, комичными? Оказывается, объяснить это не так-то просто. Не случайно над подобными вопросами размышляли известнейшие философы мира.

Следует помнить, что смех может выступать орудием протеста. Ведь, высмеивая определённые традиции, законы, нравы, суеверия, мы тем самым проявляем своё несогласие с ними. Смех отделяет смеющихся от тех, над кем смеются, и таким образом даёт ощущение освобождения от угнетающих явлений жизни.

Смех располагает своей палитрой изобразительных средств. Одно из самых распространённых среди них – гиперболизация. Этим приёмом охотно пользуются карикатуристы: берётся какая-нибудь характерная черта внешности человека и доводится до крайности. Скажем, большой нос на рисунке выглядит неправдоподобно громадным. Иногда гиперболизируются отдельные слова и обороты речи, свойства характера и т. д. Гиперболизация не подразумевает никакого скрытого смысла. Но существует и другой способ комического высказывания. «Какой добрый, щедрый человек!» – можем сказать мы, подразумевая прямо противоположное, то есть жадность, прижимистость. Такой приём называется иронией. Он построен на иносказании и требует определённой культуры восприятия.

Словом, смех в художественном произведении может быть разным: добродушным, лёгким, мрачным, злым, мстительным, беспощадным... В зависимости от оттенков смеха различают виды комического. К числу основных видов принадлежат юмор, *сатира* и *гротеск*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Сати́ра – гневное разоблачение изображаемых явлений, которое предполагает использование намеренно заострённых оценок, вызывающих «убийственный» смех.

Гротéск – один из способов сатирического обобщения, предельное преувеличение, при котором реальные жизненные явления и связи между ними деформируются, приобретают карикатурный фантастический характер.

Гоголь по-новому строит драматический конфликт в пьесе. Если до него драматурги противопоставляли в пьесах добро и зло, «хорошего» и «плохого» героя, то место «хорошего» героя в конфликте «Ревизора» остаётся незанятым. Автор ставит акцент на противопоставлении идеала поведения, который принят в обществе, и тем, как ведут себя герои комедии.

Предметом художественного изображения у Гоголя становятся чиновники, которые самим фактом своего существования разоблачают бюрократическую систему и настолько далеки от идеала, что воспринимать их

можно только через смех. Результат – впечатляющее саморазоблачение гротескных персонажей. Страх побуждает чиновников искать спасения, раскрывая тайны окружающих и свои собственные. Саморазоблачению персонажей способствуют авторские ремарки – короткие комментарии, которые указывают на жесты, интонацию, мимику героев, декорации и другие обстоятельства изображаемых на сцене событий. Многие ремарки Гоголя похожи на ремарки режиссёра, который ставит пьесу.

Одно из центральных мест в развитии действия занимает образ Хлестакова, «значительного лица» поневоле. Когда Хлестаков понял, что его принимают за какое-то важное лицо, он всё больше важничает и старается поразить чиновников рассказом о своей столичной жизни. И забирается до такой степени, что полностью разоблачает себя. Сцена вранья – кульминация в разоблачении Хлестакова: он с самой первой встречи с городничим ведёт себя глупо, а в сцене вранья это раскрывается с наибольшей силой. И, казалось бы, теперь чиновники должны были бы понять свою ошибку, но их страх так велик, что они ничего не замечают, а городничий, ещё больше верит, что Хлестаков – ревизор. Образ Хлестакова как представителя дворянско-чиновничьего общества николаевской эпохи типичен. Это авантюрист, который в течение пьесы строит головокружительную карьеру исключительно на лжи и хвастовстве и терпит провал, нечаянно разоблачая себя. Его честолюбивые мечты, стремление к показной роскоши и внешнему шику, желание пустить пыль в глаза при полнейшем ничтожестве и пустоте личности получили название «хлестаковщина», а фамилия Хлестакова стала нарицательной.

Ещё одна композиционная особенность комедии: она начинается с чтения письма Чмыхова, извещающего о скором приезде ревизора, и заканчивается чтением письма Хлестакова, проясняющего его личность и ошибку чиновников.

Комментарий литературоведа

Гоголь писал об идее «Ревизора»: «Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе! Все до единого согласны, что такого города нет во всей России... Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?.. Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждёт нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор?.. Наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется... Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце её». Прибытие настоящего ревизора, по замыслу автора, символизирует Божественный суд над людскими пороками и заблуждениями.

Друзьям Гоголя пришлось изрядно похлопотать, чтобы добиться разрешения на первую постановку «Ревизора». Для этого они заручились поддержкой самого императора. Наконец разрешение было получено. 19 апреля 1836 г. комедия была представлена на сцене Александринского театра в Петербурге, а через месяц – в Москве, в Малом театре, где роль городничего исполнял прославленный русский актёр М. Щепкин. Гоголь шутил, что Щепкин в его «Ревизоре» мог бы сыграть хоть десять ролей подряд.

Премьера собрала полный зал. Ярko горели огни в огромных люстрах, в ложах сияли ордена и бриллианты, на галёрке шумела молодёжь – студенты, молодые чиновники, художники. В императорской ложе расположились царь и наследник престола. Незаметно пробрался на своё место и взволнованный автор.

Спектакль прошёл успешно. Император лично поблагодарил актёров. Но Гоголя всё это не радовало: расстроенный недостатками актёрской игры, недоработками собственного текста и реакцией публики, смеявшейся, как ему казалось, вовсе не над тем, над чем следовало, он бежал из театра. Тягостные впечатления усугубились появившимися в печати отдельными критическими отзывами, которые Гоголь воспринял как откровенную травлю. Растерянный и обиженный, писатель не заметил того, что все передовые люди общества стремились попасть на спектакль по «Ревизору», а издание текста пьесы стало настоящим событием в культурной жизни России.

Об огромном воздействии «Ревизора» на публику писал М.Е. Салтыков-Щедрин. По его словам, зритель уходил из театра совсем не в том «спокойном состоянии, в котором он туда пришёл». Мысли его возбуждены, возникает целый ряд вопросов, вызывающих «умственную работу». Зритель начинает сознательно относиться к действительности, что «уже само по себе представляет высшую нравственность и чистоту».

В течение всего XIX в. пьеса не сходила с театральных подмостков.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Перескажите сюжет комедии «Ревизор». Определите её основной конфликт. Укажите завязку, кульминацию и развязку.
2. Опираясь на текст пьесы, приведите примеры гоголевского «смеха сквозь слёзы».
3. Какой художественный смысл имеет звучащее в финале пьесы известие о приезде настоящего ревизора?
4. Раскройте значение «немой» сцены, которой заканчивается комедия.
5. **Пофантазируйте!** Как будут развиваться события в городе после финальной «немой» сцены?
6. **Работа в парах.** В «Ревизоре» Гоголь использовал приём двойной развязки интриги: первая происходит во время чтения письма Хлестакова, вторая – в момент получения известия о приезде настоящего ревизора. Обсудите, для чего писатель использовал этот приём.
7. Какие виды комического и приёмы создания смеховой ситуации используются в «Ревизоре»? Готовя ответ на этот вопрос, используйте сведения, помещённые в рубрике «Литературоведческая закладка». Приведите примеры сатиры и гротеска в комедии.
8. **Работа в группах.** Выберите один из монологов или диалогов в комедии и на основе текста покажите, как в драматическом произведении используется монолог и диалог для характеристики персонажа, а также использует ли автор приём гиперболизации в этих отрывках:
 - А. Действие второе, явление I – монолог Осипа (с. 162–163);
 - Б. Действие второе, явление VIII – диалог городничего и Хлестакова (с. 163–166);
 - В. Действие третье, явление VI – монолог Хлестакова (с. 167–168);
 - Г. Действие четвёртое, явление XII – диалог Хлестакова и Марьи Антоновны (с. 172–173).
9. Приведите примеры того, как ремарки помогают раскрыть характеры персонажей.
10. Кого вы хотели бы сыграть в пьесе «Ревизор»? Обоснуйте свой выбор.

11. Творческая работа. Напишите от имени Сквозник-Дмухановского объяснительную записку на имя настоящего ревизора о состоянии дел в городе.

12. Творческая работа. Напишите сочинение «Уездный город и его правители в комедии “Ревизор”».

13. Поисковая работа. Подготовьте выступление «Из истории постановок “Ревизора”». Используйте материал на с. 223–224, дополнительную литературу и Интернет.

Иллюстрация С. Алимова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

Н.В. Гоголь «Нос»

«Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие». Так начинается повесть Гоголя «Нос». У майора Ковалёва пропал нос. Куда же он делся? Как оказалось, нос имеет чин статского советника (выше, чем у Ковалёва), у него есть мундир с позолотой, карета, в которой он разъезжает по Петербургу. Нос не человек, пустышка. Но это не важно: если есть чин, этого достаточно, чтобы занять место в обществе. Ковалёв согласен на многое, чтобы вернуть нос...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Как реагируют окружающие на беду, приключившуюся с Ковалёвым? Изменилось ли поведение Ковалёва после утраты носа и после его возвращения?
2. Докажите, что повесть Н.В. Гоголя «Нос» построена на гротеске. Зачем Гоголь ввёл в повествование фантастические элементы?
3. Какова идея повести «Нос»? Как вы понимаете фразеологизм *остаться с носом*?

Глава 4

«ПРАВДА – ВОЗДУХ, БЕЗ КОТОРОГО ДЫШАТЬ НЕЛЬЗЯ»

«У нас всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвёшься: чувство долга»

Литературная разминка

Какие произведения из курса украинской литературы, направленные против крепостного права, вы можете назвать?

Иван Сергеевич Тургенев стал достойным преемником лучших гуманистических традиций русской литературы, заложенных А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым и Н.В. Гоголем. Известный писатель М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал: «Литературная деятельность Тургенева имела для нашего общества руководящее значение... Тургенев был человек высокоразвитый, убеждённый и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое составляет его главную и неоценённую заслугу перед русским обществом. В этом смысле он явился прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает. Так что

ежели Пушкин имел полное основание сказать о себе, что он пробуждал “добрые чувства”, то же самое и с такою же справедливостью мог сказать о себе Тургенев. Это были не какие-нибудь условные “добрые чувства”, согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные, общечеловеческие “добрые чувства”, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты».

Этими «добрыми чувствами» И.С. Тургенев измерял и оценивал общественную жизнь России. Наделённый необычайной чуткостью к её недугам и прогрессивным течениям, он в своих романах, повестях и рассказах затрагивал острые социальные проблемы. В том числе – проблему общественного неравенства, узаконенного крепостным правом, с которым писатель смолоду поклялся «бороться до конца». Не принимая идеи революции, популярной в кругах передовой интеллигенции его эпохи, Тургенев в то же время признавал необходимость обновления общественного устройства страны, его преобразования на основе принципов разума, справедливости и гуманности. Стремление к такому обновлению отчётливо проявляется во многих его произведениях. И так же отчётливо проступают в них антикрепостнические настроения писателя. Они выражаются и в критике бесчеловечного произвола «сильных мира сего», и в проникновенно-человечном отношении к угнетённым людям из народа.

Основа для глубокого знания народной жизни и столь же глубокой любви к русскому крестьянству в сознании писателя была заложена с детских лет. Они прошли в имении Спасское-Лутовиново, принадлежавшем матери И.С. Тургенева Варваре Петровне. Имение было расположено в живописном уголке Орловской губернии. Трепетные пейзажи родного края навсегда запечатлелись в душе будущего художника слова. С ранних лет Тургенев, бывший свидетелем жестоких расправ и издевательств, которые учинялись над крепостными по прихоти деспотичной Варвары Петровны, проникся острым состраданием к участи подневольного народа. Это чувство со временем побудило Тургенева – человека мягкосердечного и деликатного – вступить в непримиримое единоборство с матерью, защищая от её гнева крестьян и дворовых.

Отвращение к насилию, порождаемому помещичьим своеволием, сочувствие подневольному крестьянству, восхищение лучшими чертами народа, вера в ценность человеческой личности – таковы были нравственные уроки детства, определившие главное направление духовного развития Тургенева – писателя и человека. Важным этапом этого развития стало обучение в университетах Москвы, Петербурга и Берлина. К тридцати годам И.С. Тургенев уже был признан в России талантливым автором поэм, повестей и драм, с успехом ставившихся на сцене. И всё же настоящая известность пришла к нему с появлением в печати рассказов, составивших впоследствии сборник «Записки охотника». Они покорили современников естествен-

Иван Сергеевич
Тургенев
(1818–1883)

Я. Полонский. Усадебный дом И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове

ной, безыскусной манерой изложения, создававшей впечатление, будто перед глазами читателя разворачиваются картины самой действительности, в которых лица людей разных сословий, природа и быт, случайные встречи и будничные происшествия сливаются в многокрасочный, многоголосый хоровод русской жизни.

Выход книги в 1852 г. стал крупным событием литературной жизни России. «Записки охотника» отметили собой прорыв русской литературы в народную тему. По словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, они «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» и – наряду с другими тургеневскими произведениями – способствовали повышению «нравственного и умственного уровня русской интеллигенции». Книга получила широкий общественный резонанс, завоевав сердца просвещённых читателей. Выступив в ней с протестом против крепостного права и проповедью гуманного отношения к крестьянам, И.С. Тургенев нанёс удар по всему государственному устройству России. Царское правительство ответило на появление «Записок охотника» жёсткими мерами: цензор, допустивший сборник в печать, был отстранён от должности, а сам писатель, уже давно вызывавший раздражение властей, был сослан в Спасское-Лутовиново. Впрочем, гонения лишь прибавили популярности Тургеневу и его книге. Она сыграла значительную роль в подготовке общественного мнения к будущим реформам и приближении часа освобождения крестьян от крепостной зависимости. К этому следует прибавить, что именно «Записки охотника», оказавшие влияние на многих писателей, в том числе и на украинских – Марко Вовчок, Ивана Франко, Панаса Мирного, ввели И.С. Тургенева в мировую литературу.

Однако в своём творчестве Тургенев не ограничивался исключительно общественными проблемами. Не менее значимой особенностью его творче-

ской природы было лирическое начало, проявлявшееся в поэтических пейзажных картинах, тонком психологическом анализе, размышлениях о вечных вопросах человеческого бытия. «Певец чистой, идеальной женской любви, г. Тургенев так глубоко заглядывает в иную, девственную душу, так полно охватывает её и с таким вдохновенным трепетом, с таким жаром любви рисует её лучшие мгновенья, что... и наше собственное сердце млеет и замирает от томного чувства и благодатные слёзы не раз подступают к глазам», – писал литературный критик Н.А. Добролюбов.

Ещё при жизни писателя (Тургенев жил в основном в Европе) его произведения получили широкое признание западных читателей, он удостоился почётного звания доктора права Оксфордского университета. Не случайно мировое признание русской литературы началось именно с Тургенева.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие впечатления детства и юности оказали наибольшее воздействие на формирование мировоззрения И.С. Тургенева?
2. Раскройте связь творчества писателя с жизнью его народа и страны. Охарактеризуйте общественную позицию И.С. Тургенева.
3. Назовите книгу, с которой началась широкая известность писателя. Чем это издание привлекло внимание публики в России и за рубежом? Что нового этот сборник привнёс в русскую литературу? Как отреагировало на него царское правительство?
4. Кратко охарактеризуйте основные темы, принципы и художественные особенности тургеньевской прозы.

«Кто стремится к великой цели, уже не должен думать о себе»

Литературная разминка

Вспомните, каковы особенности лирического произведения.

В конце жизни Тургенева появился сборник, состоявший из изящных по форме и пронзительных по содержанию миниатюрных зарисовок, насыщенных лирическими переживаниями и философскими раздумьями над жизнью. Эти зарисовки были написаны в жанре *стихотворения в прозе*, который и дал заглавие сборнику.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Стихотворение в прозе – лирическое произведение в прозаической форме. Стихотворение в прозе сохраняет ряд характерных для поэзии особенностей: высокую эмоциональность, лиризм, установку на выражение чувств и мыслей автора, однако при этом лишено ритма и рифмы.

Тургенев считал свои стихотворения в прозе этюдами с натуры, которыми пользуется живописец, работая над большой картиной. Действительно, сочинения, вошедшие в сборник «Стихотворения в прозе», напоминают беглые эскизы мгновений жизни, озарённых вспышками чувств и мыслей автора. Каждое из них с тематической, сюжетной и общехудожественной точек зрения представляет собой отдельное и завершённое произведение.

Но вместе они образуют единую картину, отражающую пройденный писателем жизненный путь и пронизанную размышлениями о быстротечности бытия, о возвышенных и низких проявлениях человеческой души, о счастье и страдании, о любви и искусстве, о природе и родине. В этом сборнике, ставшем «лебединой песней» Тургенева, раскрылись те черты писателя, на которые, обращаясь к нему, указывала известная французская романистка Жорж Санд: «Вы – реалист, который способен всё увидеть, поэт, который может всё украсить, и обладаете великим сердцем, чтобы всех пожалеть и всё понять».

Перед чтением

Читая стихотворения в прозе, определите их темы.

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой – и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущённого пса – и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

ПАМЯТИ Ю.П. ВРЕВСКОЙ

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспомыслии – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочерёдно поднимались со своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запёкшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет её знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились...

два-три человека тайно и глубоко любили её. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слёз.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнём неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом её тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже её труп – хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится её милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на её могилу!

Комментарий архивариуса

Баронесса Юлия Петровна Вревская (урождённая Варпаховская, 1841–1878) семнадцатилетней девушкой вышла замуж за генерала И.А. Вревского, вскоре убитого на Кавказе. Тургенев был знаком с этой женщиной с 1873 г. и состоял с ней в переписке вплоть до её смерти. Вревская приезжала к нему в имение Спасское-Лутовиново и гостила там пять дней. В день её отъезда Тургенев написал: «...В моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться». В 1877 г. Ю.П. Вревская добровольно отправилась сестрой милосердия в действующую армию на Балканы. 24 января 1878 г. она умерла от тифа в госпитале, находившемся в городе Бялы (Болгария). Её смерть глубоко потрясла И.С. Тургенева. В письме к другу он писал: «Она получила тот мученический венец, к которому стремилась её душа, жадная жертвы... Это было прекрасное, неописанно доброе существо... Её жизнь – одна из самых печальных, какие я знаю».

Баронесса Ю.П. Вревская

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое из стихотворений в прозе произвело на вас наиболее сильное впечатление? Подготовьтесь к его выразительному чтению в классе. Определите черты, сближающие это произведение с поэтическим текстом.
2. Чем поразило рассказчика поведение черногрудого воробья в стихотворении «Воробей»? Испытывал ли воробей страх за свою жизнь? Какая сила заставила его преодолеть этот страх? Как эта сила подействовала на собаку и самого рассказчика? Ответьте на вопросы цитатами.
3. Согласны ли вы с финальными строками этого произведения? Обоснуйте свою точку зрения примерами из прочитанных художественных произведений зарубежной литературы.

4. Охарактеризуйте чувства, которые вызывает у рассказчика героиня стихотворения в прозе «Памяти Ю.П. Вревской». В чём проявляется её высшее благородство и бескорыстие? Понимают ли окружающие цену её самопожертвования?

5. Какие темы Тургенев поднимал в своих стихотворениях в прозе? Каковы особенности этого жанра?

«Только... любовью держится и движется жизнь»

Литературная разминка

Какие произведения русской литературы о любви вы читали? Чем они вам запомнились?

Таланту Тургенева был свойствен глубокий лиризм, особенно наглядно проступавший в эмоционально насыщенных пейзажах, анализе внутренней жизни героев, щемящих размышлениях о вечных вопросах бытия, иными словами, – в передаче поэтичных проявлений жизни. Эта особенность принесла Тургеневу славу художника, чьё слово проникает в самую сердцевину человеческой души. Вершинного выражения «лирическое» начало тургеневского дарования достигло в области художественного изображения любовных отношений.

Любовь в произведениях Тургенева предстаёт могущественной, тайной и таинственной силой, которая переворачивает жизненные устои, человека и, полностью овладевая его душой, нередко приводит к трагедии. Как правило, писатель изображает, как терпят крушение надежды на счастье или их несовместимость с идеей служения общему благу. Вместе с тем любовь в тургеневских произведениях является испытанием для человека: любовью измеряется и его соответствие провозглашаемым идеалам, и масштаб его личности. Своеобразную любовную трилогию составляют повести Тургенева «Ася» (1858), «Первая любовь» (1860) и «Вешние воды» (1872), принадлежащие к числу самых проникновенных его лирических произведений.

Повесть «Ася» была опубликована в 1858 г. в журнале «Современник» и сразу же обратила на себя внимание писателей и критиков. Н.А. Некрасов в письме к Тургеневу писал: «...Она [повесть] прелесть как хороша. От неё веет душевной молодостью, вся она – чистое золото поэзии. Без натяжки пришла эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте».

Повесть написана в форме рассказа Н. Н. о том, как много лет назад он путешествовал по Европе и в небольшом немецком городке встретился и подружился с русскими: Гагиным и его сестрой Асей. Рассказчик сообщает не только о событиях, беседах, описывает обстановку, но, главное, воспроизводит историю своей любви, вновь переживает былое. Один из исследователей творчества Тургенева, П. Анненков, писал, что повести и рассказы Тургенева объединяет одна черта – в каждой из них есть «психологическая загадка». Такую же тайну душевных переживаний таит в себе и повесть «Ася». Читатель открывает для себя психологическую историю любви, которая оказалась для героя источником и сладких мечтаний, и мучительно горьких терзаний. В повести присутствуют не только любовные переживания, но и философские раздумья о жизни: сожаление о прошедшей молодости, воспоминания об обманувшем счастье, печаль о будущем.

И.С. Тургенев – настоящий мастер пейзажа. В повести пейзажу отводится особая роль. Источник любого человеческого чувства – природа, поэтому и любовь – это сущность и внутренний закон природы. Бесконечная, загадочная красота природы незаметно направляет судьбу героев.

Перед чтением

Читая произведение, обратите внимание на описание процесса зарождения любви.

АСЯ

(В сокращении)

I

Мне было тогда лет двадцать пять, – начал Н. Н., – дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «кончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись – я жил без оглядки, делал, что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. (...)

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица – именно лица. (...) Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утёсов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица – речи людей, их движения, смех – вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отратно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их – я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. (...)

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн... (...) Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на треугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала (...)

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли или братства. (...)

На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины – лучший смех на свете – всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд – куда бы то ни было, лишь бы вперёд, – это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» – спрашивал я себя...

– Ася, довольно тебе? – вдруг произнёс за мною мужской голос по-русски.

– Подождём ещё, – отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть её лица.

– Вы русские? – сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

– Да, русские.

– Я никак не ожидал... в таком захолустье, – начал было я.

– И мы не ожидали, – перебил он меня, – что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... – он запнулся на мгновенье, – моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л. да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... (...) Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она нисколько не походила на своего брата.

– Хотите вы зайти к нам? – сказал мне Гагин, – кажется, довольно мы рассмотрелись на немцев. (...)

– Вот и наше жилище! – воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, – а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madame!..¹ Мы сейчас примемся за еду; но прежде, – прибавил он, – оглянитесь... каков вид?

¹ *Добрый вечер, мадам!* (нем.)

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекачивался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

– Отличную вы выбрали квартиру, – промолвил я.

– Это Ася её нашла, – отвечал Гагин, – ну-ка, Ася, – продолжал он, – распорядись. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе...

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) – Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

– Ася, полно ёжиться! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновенье она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и прстранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. (...)

– Пора! – воскликнул я, – а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

– Пора, – повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

– Ты разве не спишь? – спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо. (...)

Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Первозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

– Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, – закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

Кадр из фильма «Ася»
(режиссёр И. Хейфиц, 1978)

- Прощайте! – раздался опять её голос.
- До завтра, – проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. (...) Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... (...)

IV

На следующий день Н. Н. снова встретился с Гагиным. Узнав от хозяйки, что Ася ушла к развалинам старинного замка, молодые люди поспешили туда же.

(...) Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

- А ведь это Ася! – воскликнул Гагин, – экая сумасшедшая!

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

– Полноте, – сказал мне шёпотом Гагин, – не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, ещё на башню взберётся. (...)

Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприязненным чувством посматривал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, – думал я, – к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у неё стакан воды.

– Ты думаешь, я хочу пить? – промолвила она, обратившись к брату, – нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она, с стаканом в руке, пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестевших на солнце. Её движенья были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно любовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее. (...)

Наконец, Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подёргивала её брови, ноздри и губы; полудержко, полувесело щурились тёмные глаза.

«Вы находите моё поведение неприличным, – казалось, говорило её лицо, – всё равно: я знаю, вы мной любуетесь».

- Искусно, Ася, искусно, – промолвил Гагин вполголоса.

Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно подседа к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Не-

сколько мгновений спустя оно уже всё побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. (...)

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль – роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». (...)

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с странной тяжестью на сердце... (...) «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» – воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. (...) Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» – произнёс я громко.

Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...» (...)

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Иллюстрация В. Зельдеса

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. (...) По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни в России, об её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

– Bravo! – сказал я, подойдя к ней, – как вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

– Вы думаете, я только смеяться умею, – промолвила она и хотела удалиться... (...)

Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертою. Недолго думавши добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносивший следующие слова:

– Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить – и навсегда.

– Полно, Ася, успокойся, – говорил Гагин, – ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

– Тебя, тебя одного, – повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

– Полно, полно, – твердил он, слегка проводя рукой по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?.. Ни за что!» – сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, – думал я, – умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VIII

Несколько следующих дней Н. Н. провёл на природе, избегая Гагиных. Но затем он получил записку от Гагина, который просил его прийти. Гагин встретил Н. Н.

по-приятельски и рассказал историю своей сестры. Родители Гагина жили в своей деревне. После смерти матери мальчик учился в Петербурге, а затем поступил в гвардейский полк. Гагин часто навещал отца в деревне и однажды встретил в доме маленькую девочку Асю. Юноша не обратил на неё никакого внимания, услышав от отца объяснение, что она сирота и взята им «на прокормление». Умирая, отец завещал сыну заботиться об Асе, не раскрыв её тайну. После смерти отца слуга рассказал Гагину, что Ася – дочь отца Гагина и горничной.

(...) Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал её, то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она так же скоро поняла своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить целый мир забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполнину.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, – жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионов. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такую же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя, – говаривала она мне, – и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из Закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость – самые дурные пороки», – громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец, ей минуло семнадцать лет; оставаться ей далее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано – сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочем, – мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

– Всё так, – заговорил опять Гагин, – но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась... (...)

...Я почувствовал какую-то сладость – именно сладость на сердце: точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа. (...)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие детали поведения героини свидетельствуют о её душевной непосредственности и обострённом восприятии внешнего мира?
2. Найдите в тексте строки, в которых Н. Н. говорит о необычной подвижности Аси. Какие свойства характера девушки скрываются за этой особенностью её поведения?
3. Каким настроением пронизаны описания природы, присутствующие в прочитанных вами отрывках? Как оно связано с душевным состоянием рассказчика?
4. **Работа в группах.** Какие художественные средства использует И.С. Тургенев, чтобы:

А – придать описаниям природы возвышенную поэтичность;

Б – передать душевное состояние своих героев?

Комментарий литературоведа

Американский писатель Г. Джеймс, общавшийся с Тургеневым и считавший себя его учеником, вспоминал: «Всего интересней были рассказы Тургенева о его собственной работе, о том, как он пишет. То, что мне довелось слышать от него об этом, не уступало по значению ни замечательным результатам его творчества, ни трудной цели, которую оно преследовало, – показать жизнь такой, какая она есть... Вначале перед ним возникал персонаж или группа персонажей – личностей, которых ему хотелось увидеть в действии, поскольку он полагал, что действия этих лиц будут своеобразны и интересны. Они возникали в его воображении рельефные, исполненные жизни, и ему не терпелось как можно глубже постичь и показать присущие им свойства. Прежде всего, необходимо было уяснить себе, что же в конце концов ему о них известно; с этой целью он составлял своего рода биографию каждого персонажа... Собрав весь материал, он мог приступить к собственно рассказу, иными словами, он задавал себе вопрос: что они у меня будут делать? У Тургенева герои всегда делают именно то, что наиболее полно выявляет их натуру... Сю-

жет, в обычном понимании слова, – вымышленная цепь событий, должествующая... “поражать и захватывать” – почти отсутствует. Всё сводится к отношениям небольшой группы лиц – отношениям, которые складываются не как итог заранее обдуманного плана, а как неизбежное следствие характеров этих персонажей...»

Пример тому – повесть «Ася». Её героиня, как и многих других произведений Тургенева, – выросшая на природе девушка, которая тонко чувствует красоту и очарование окружающего мира. Она не знает притворства и корысти, чиста, скромна и образованна. Её духовная жизнь насыщенная и яркая, но по её поведению это незаметно. Красавицей её не назовёшь, зато она обладает большой духовной силой и способна на решительные поступки. Такая героиня ставит перед собой цель и идёт к ней, не сворачивая с пути, и порой достигает намного большего, чем мужчина. Она может пожертвовать собой ради какой-либо идеи. В любви она задаёт такой уровень отношений, до которого далеко не всегда «дотягивается» её избранник. Ей присуща огромная нравственная сила. Подобных героинь мы встречаем в таких произведениях Тургенева, как «Рудин», «Дворянское гнездо», «Первая любовь», «Накануне» и других. В литературоведении такую героиню принято называть «тургеневская девушка».

Х

Весь этот день прошёл как нельзя лучше. Мы веселились, как дети. Ася была очень мила и проста. Гагин радовался, глядя на неё. Я ушёл поздно. Въехавши на середину Рейна, я попросил перевозчика пустить лодку вниз по течению. Старик поднял вёсла – и царственная река понесла нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу – но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в этой тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду – и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. Слёзы закипали у меня на глазах, но то не были слёзы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! во мне зажглась жажда счастья. Я ещё не смел назвать его по имени, – но счастья, счастья до пресыщения – вот чего хотел я, вот о чём томился... А лодка всё несло, и старик перевозчик сидел и дремал, наклонясь над вёслами.

XIII

«Неужели она меня любит?» – спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось; у ней голова болела. Она

сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» – и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Н. Н. принесли записку от Аси, в которой она просила его о встрече. Скоро к Н. Н. пришёл Гагин и рассказал о влюблённости Аси. Девушка призналась брату, что любит Н. Н. и желает уехать. Молодые люди договорились, что Н. Н. на свидании с Асей честно объяснится с девушкой.

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её. Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

– Анна Николаевна, – сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня – и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала как мёртвая на моей ладони.

– Я желала... – начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, – я хотела... Нет, не могу, – проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

– Анна Николаевна, – повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накопившие слёзы... Я глядел на неё: было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

– Ася, – сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, – кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе – покорно повиновалась её рука, все её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатила с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

– Ваша... – прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

– Что мы делаем!.. – воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. – Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Кадр из фильма «Ася» (режиссёр И. Хейфиц, 1978)

Ася опустила на стул.

– Да, – продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. – Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

– Должны? – проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

– Да, да, – повторил я с каким-то ожесточением, – и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. – Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. – Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

– Оставайтесь, – воскликнул я, – оставайтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком – да, с честным человеком. Но, ради бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне. (...)

– Да, я должна уехать, – так же тихо проговорила она, – я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

– И вы думаете, – возразил я, – мне будет легко с вами расстаться?

– Но зачем же вы сказали брату? – с недоумением повторила Ася.

– Я вам говорю – я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

– И вот теперь всё кончено! – начал я снова. – Всё. Теперь нам должно расстаться. – Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. – Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд – и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я теряюсь тотчас.

– Анна Николаевна, Ася, – твердил я, – пожалуйста, умоляю вас, ради бога, перестаньте... – Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила – с быстротой молнии бросилась к двери и исчезла... (...)

Н. Н. искал Асю по всему городу, он сто раз повторял, что любит её, но нигде не мог её найти. Подойдя к дому Гагиных, он увидел свет в Асиной комнате и успокоился. Он принял твёрдое решение – завтра идти и просить Асиной руки.

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

– Уехали! – брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

– Уехали?.. – повторил я. – Как уехали? Куда?

– Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Пойдите, ведь вы, кажется, господин Н.?

– Я господин Н.

– К вам есть письмо у хозяйки. – Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. – Вот-с, извольте. (...)

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, – писал он, – пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторенным, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? – вскричал я, как будто он мог меня слышать, – что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. (...)

Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе... Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошёл было мимо; но она мне крикнула вслед, что у ней есть что-то для меня. Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнату...

– По-настоящему, – начала старуха, показывая мне маленькую записку, – я бы должна была дать вам это только в случае, если б вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом:

«Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю – нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово – я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но уж тогда было поздно. (...)

XXII

И я не увидел их более – я не увидел Аси. (...)

Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам – что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека – переживает самого человека.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Почему Н. Н. начал объяснение с Асей с официального обращения, до этой минуты непринятого в их общении?
2. Какие детали поведения героини в первые минуты свидания передают крайнее напряжение её душевных сил? Чем вызвано такое состояние девушки?
3. В какой момент разговора герой отступился от своей любви? Чем были продиктованы его обвинения в адрес Аси? Почему он не исправил эту ошибку?
4. Что заставило героиню обратиться в бегство?
5. Кто во время свидания вёл себя более достойно – Ася или Н. Н.? Аргументируйте свою точку зрения.
6. Из-за чего Н. Н. потерял Асю?
7. **Работа в парах.** Прочитайте описания Рейна на с. 194 (конец главы II) и с. 199 (глава X). Можно ли считать Рейн «действующим лицом» повести?
8. Чтобы встретиться с Асей, Н. Н. должен каждый раз пересечь Рейн. Как вы считаете, Рейн соединяет героя и героиню или оказывается преградой между ними?
9. Что вы можете назвать в повести «вечным», а что – «злободневным»?
10. Как с помощью деталей автор создаёт образ Аси и Н. Н.?
11. **Творческая работа.** Прочитайте материал в рубрике «Комментарий литературоведа» (с. 199), подготовьтесь к устному ответу «Я считаю (не считаю) Асю “тургеневской девушкой”, потому что...». Сформулируйте свои аргументы «за» («против»), подберите цитаты и запишите их в тетради. При ответе пользуйтесь своими записями.

Глава 5

«ИДТИ ВПЕРЕД – ТРУДНО, ИДТИ НАЗАД – НЕВОЗМОЖНО»

«Всеми уважаемый диагност наших общественных зол и недугов»

Литературная разминка

Что такое сатира? Какие сатирические произведения вам известны?

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин
(1826–1889)

В русской литературе второй половины XIX века создавалась сатирическая летопись общественной жизни, вскрывавшая изъяны и уродства государственного устройства Российской империи. Её автором был М.Е. Салтыков-Щедрин – писатель, в котором одновременно «уживались» художник-обличитель и высокопоставленный чиновник, не понаслышке знавший общественные пороки. Для сознания обывателя это совмещение кажется парадоксальным, даже загадочным. Почему чиновник, поднявшийся по служебной лестнице до должности вице-губернатора, вместо того, чтобы продолжить карьерный рост, предпочёл конфликтовать с властью и высмеивать её в своих произведениях с такой силой, как никто другой?

И наоборот: почему писатель, атаковавший самой злой сатирой общественные порядки и устои в своих произведениях, многие годы жизни отдал государственной службе, с честью исполняя свои чиновничьи обязанности?

И беспощадная критика, переполнявшая произведения Салтыкова-Щедрина, и служебное рвение, которым он отличался на всех занимаемых постах, диктовались одним и тем же чувством протеста против российской самодержавной действительности и одной и той же целью – послужить всеми своими творческими, интеллектуальными, нравственными силами делу духовного и социального совершенствования общества. Эта цель определила единство «художника» и «чиновника» в личности писателя. И всё же главным в жизни писателя было художественное творчество. Об этом свидетельствует его собственное признание: «Я обязан литературе лучшими минутами моей жизни».

Михаил Евграфович Салтыков (вторая часть фамилии писателя – Щедрин – псевдоним) родился в богатой помещичьей семье. Детские годы его, протекавшие в родовой усадьбе отца, были омрачены тяжёлыми впечатлениями от повседневных картин крепостничества. Так в сознании писателя сформировалось резкое неприятие крепостнического строя, которое впоследствии стало одним из главных направлений сатирически-обличительной критики в его произведениях.

Образование Салтыков получал в лучших учебных заведениях: Московском дворянском институте и знаменитом Царском-Сельском лицее. Решаю-

щее влияние на его творческое становление оказал Гоголь. Впоследствии Салтыков-Щедрин стал наиболее ярким продолжателем гоголевской традиции в русской литературе XIX в. По окончании Лицея Михаил Евграфович получил назначение в канцелярию Военного министерства, где сразу ощутил на себе давление российской бюрократической системы.

Стремление к нравственному и социальному прогрессу привело Салтыкова в кружок демократически настроенной молодёжи, которым руководил М.В. Петрашевский. Члены этой организации были противниками крепостного права и сторонниками идеи будущего общества, построенного на принципах равноправия, справедливости и всеобщего процветания. Их представления были в целом близки Салтыкову, но его писательский взгляд был прикован к огромному разрыву между идеалом, который проповедовала передовая интеллигенция, и русской действительностью, опутанной вековыми цепями самодержавно-крепостнического строя. Современную жизнь, не имеющую ничего общего с демократическими идеалами, Салтыков изобразил в ранних своих повестях. За «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие», молодой автор был сослан в Вятку.

Своё семилетнее пребывание там Салтыков называл «вятским пленом». После блеска столицы с её культурной средой жизнь в затхлом провинциальном городе показалась ему прозябанием в трясине бездуховности и скуки. Однако писатель не сдался. Будучи человеком энергичным и деятельным, он быстро продвинулся по служебной лестнице и занял место чиновника особых поручений в губернской администрации. Поручения эти требовали постоянных разъездов, что позволило Михаилу Евграфовичу глубже познакомиться с бытом и образом мышлением чиновничества, купечества и крестьянства. Так «вятский плен» обернулся для него хорошей школой жизни.

После смерти Николая I писателю было разрешено «проживать всюду, где пожелает». Воспользовавшись возвращённой свободой, он перебрался в Петербург, где возобновил активную литературную деятельность. Вскоре увидел свет его сатирический сборник «Губернские очерки», изданный от имени вымышленного «отставного надворного советника» Н. Щедрина. Сборник привлёк к себе внимание публики. Т.Г. Шевченко писал в дневнике: «Как хороши “Губернские очерки”... Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Как радостно возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих». Из-за своей бескомпромиссности Салтыков-Щедрин постоянно вступал в конфликты с начальством, вынуждавшие его менять места службы до тех пор, пока царь, извещённый о нём как о чиновнике, «проникнутом идеями, не согласными с видами государственной пользы и законного порядка», не отправил его в отставку. Это произошло в 1868 г.

Комментарий архивариуса

На любой службе Салтыков-Щедрин твёрдо отстаивал принцип справедливости, борясь с нечистыми на руку чиновниками и защищая интересы людей из низших сословий. Он неоднократно опротестовывал при-

Иллюстрации Кукрыниксов. История одного города

говоры о наказании крепостных и возбуждал судебные преследования помещиков, жестоко обращавшихся с крестьянами. «Я не дам в обиду мужика! – говорил писатель. – Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет!»

Освобождённый от бремени служебных обязанностей, Салтыков-Щедрин полностью посвятил себя литературной деятельности. В течение следующих шестнадцати лет он развивал её в двух направлениях – собственного творчества и редактирования журнала «Отечественные записки», игравшего заметную роль в культурной и общественной жизни России. Художественное творчество писателя в этот период достигло своего расцвета. Наряду с новыми сатирическими циклами Салтыков-Щедрин выступил с двумя крупными произведениями – повестью «История одного города» и романом «Господа Головлёвы», вставшими вровень с самыми значительными достижениями русской прозы XIX в. В первом из названных сочинений автор, скрывшись под маской издателя, воссоздал сатирическую панораму истории и современности России, аллегорически изображённой в виде города с «говорящим» названием «Глушов». На смех были выставлены российские правители, представленные в одновременно комичных и жутких образах «градоначальников» (чего стоят только их фамилии и прозвища – Брудастый, Органчик, Прыщ, Угрюм-Бурчеев, Перехват-Залихватский и др.), и народ, пассивно претерпевающий безумства и злодейства своих начальников. Автор облёк своё видение русской действительности в фантастические образы, построенные на основе гротеска.

В отличие от повести «История одного города», на страницах которой предстал фантастически-гротескный мир, второе великое произведение Салтыкова-Щедрина, «Господа Головлёвы», было написано в реалистическом ключе. В нём на примере истории семьи Головлёвых писатель исследовал процесс нравственного вырождения русских помещиков.

В 1884 г. царское правительство, встревоженное очередным нарастанием революционных настроений, закрыло журнал «Отечественные записки». Михаил Евграфович пережил это событие как тяжёлую утрату, лишившую

его «языка» и разлучившую с «единственно любимым существом» – читателем.

Тем не менее Салтыков-Щедрин не оставил литературы. За оставшиеся пять лет жизни он написал книги «Мелочи жизни» и «Пошехонская старина», закончил работу над сборником «Сказки для детей изрядного возраста».

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Что было необычного (или нетипичного для русского писателя XIX в.) в судьбе М.Е. Салтыкова-Щедрина?
2. На какой почве произошло сближение писателя с кружком Петрашевского?
3. Чем был обусловлен «вятский плен» Салтыкова-Щедрина и каким опытом этот «плен» его обогатил?
4. Дайте определение понятия «гротеск».
5. Рассмотрите иллюстрации Кукрыниксов и кратко охарактеризуйте «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина.

«Литература есть то единственное заповедное убежище, где мысль человеческая имеет всю возможность остаться честною и незапятнанною...»

Литературная разминка

Вспомните, откуда происходит выражение *эзопов язык*. Что оно означает?

Сборник «Сказки для детей изрядного возраста», над которым писатель работал около пятнадцати лет, состоит из тридцати двух произведений. Писатель охотно прибегал в них к фольклорной образности. Внешне напоминающая народные сказки, эти вымышленные истории наполнены совершенно иным – злободневно-сатирическим – содержанием, поднимающим серьёзные вопросы общественной и духовной жизни. Причин, по которым Салтыков-Щедрин обратился к жанру сказок, было несколько.

Во-первых, писателем двигало желание приблизить своё творчество к народу, который понимал язык сказок намного лучше, нежели язык сложных литературных произведений. Во-вторых, сказки позволяли Салтыкову-Щедрину облекать в иносказательную форму те мысли, которые нельзя было высказать в открытой форме. Он писал сказки эзоповым языком, обходя цензуру.

Комментарий литературоведа

Отмечая роль эзопова языка в современной ему культурной жизни, Салтыков-Щедрин утверждал: «Литература до такой степени приучила публику читать между строками, что не было ни тёмного намёка, который оставался бы для неё тайною, не было полуслова, которого бы она не прочла всеми буквами и даже с некоторыми прибавлениями... Одна цензура ничего не понимала...» Впрочем, эзопов язык был для Салтыкова-Щедрина и художественным средством сатирического изображения действительности. Но цензуру обвести вокруг пальца писателю удавалось не всегда.

Перед чтением

Читая сказку, обратите внимание на художественные средства, придающие повествованию сатирическую окраску.

ПРЕМУДРЫЙ ПИСКАРЬ¹

Жил-был пискарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки² в реке прожили и ни в уху, ни к щуке в хайло́ не попали. И сыну то же заказали. «Смотри, сынок, – говорил старый пискарь, умирая, – коли хочешь жизнью жуировать³, так гляди в оба!»

А у молодого пискаря ума палата была. Начал он этим умом раскидывать и видит: куда ни обернётся – везде ему мат. Кругом, в воде, всё большие рыбы плавают, а он всех меньше; всякая рыба его заглотать может, а он никого заглотать не может. Да и не понимает: зачем глотать? Рак может его клешней пополам перерезать, водяная блоха – в хребет впитаться и до смерти замучить. Даже свой брат пискарь – и тот, как увидит, что он комара изловил, целым стадом так и бросятся отнимать. Отнимут и начнут друг с дружкой драться, только комара задаром растреплют.

А человек? – что это за ехидное создание такое! каких каверз он ни выдумал, чтоб его, пискаря, напрасною смертью погублять! И неводá, и сети, и вёрши, и норотá⁴, и, наконец... уду! Кажется, что́ может быть глупее уды? – Нитка, на нитке крючок, на крючке – червяк или муха надеты... Да и надеты-то как?.. в самом, можно сказать, неестественном положении! А между тем именно на уду всего больше пискарь и ловится!

Отец-старик не раз его насчёт уды предостерегал. «Пуще всего берегись уды! – говорил он, – потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пискарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят; ты в неё вцепишься – ан в мухе-то смерть!»

Рассказывал также старик, как однажды он чуть-чуть в уху не угодил. Ловили их в ту пору целою артелью, во всю ширину реки невод растянули, да так версты с две по дну волоком и волокли. Страсть сколько рыбы тогда попало! И щуки, и окуни, и головли, и плотва, и гольцы, – даже лещей-лежебоков из тины со дна поднимали! А пискарям так и счёт потеряли. И каких страхов он, старый пискарь, натерпелся, покуда его по реке волокли, – это ни в сказке сказать, ни пером описать. Чувствует, что его везут, а куда – не знает. Видит, что у него с одного боку – щука, с другого – окунь; думает: вот-вот, сейчас, или та, или другой его съедят, а они – не трогают... «В ту пору не до еды, брат, было!» У всех одно на уме: смерть пришла! а как и почему она пришла – никто не понимает. Наконец стали крылья у невода сводить, выволокли его на берег и начали рыбу из мотни в траву валить. Тут-то он и узнал, что́ такое уха. Трепещется на песке что-то красное; серые облака от него вверх бегут; а жарко таково́, что он сразу разомлел. И без того без воды тошно, а тут ещё поддают... Слышит – «ко-

¹ Писка́рь (современное написание *пескарь*) – мелкая речная рыба.

² Аридовы ве́ки – долгие века. По имени библейского патриарха Иоредá, который, по преданию, прожил 962 года.

³ Жизнью жуи́ровать – наслаждаться.

⁴ Вёрши, норотá – приспособления для ловли рыбы.

Иллюстрации С. Алимова

стёр», говорят. А на «костре» на этом чёрное что-то положено, и в нём вода, точно в озере, во время бури, ходуном ходит. Это – «котёл», говорят. А под конец стали говорить: вали в «котёл» рыбу – будет «уха»! И начали туда нашего брата валить. Шваркнет рыбак рыбку – та сначала окунётся, потом, как полоумная, выскочит, потом опять окунётся – и присмирееет. «Ухи», значит, отведала. Валили-валили сначала без разбора, а потом один старичок глянул на него и говорит: «Какой от него, от малыша, прок для уха! пуцай в реке порастёт!» Взял его под жабры, да и пустил в вольную воду. А он, не будь глуп, во все лопатки – домой! Прибежал, а пискариха его из норы ни жива ни мертва выглядывает...

И что же! сколько ни толковал старик в ту пору, что такое уха и в чём она заключается, однако и поднесь в реке редко кто здравые понятия об ухе имеет!

Но он, пискарь-сын, отлично запомнил поучения пискаря-отца, да и на ус себе намотал. Был он пискарь просвещённый, умеренно-либеральный, и очень твёрдо понимал, что жизнь прожить – не то, что мутовку облизать¹. «Надо так прожить, чтоб никто не заметил, – сказал он себе, – а не то как раз пропадёшь!» – и стал устраиваться. Первым делом нору для себя такую придумал, чтоб ему забраться в неё было можно, а никому другому – не влезть! Долбил он носом эту нору целый год, и сколько страху в это время принял, ночуя то в иле, то под водяным лопухом, то в осоке. Наконец, однако, выдолбил на славу. Чисто, аккуратно – именно только одному поместиться впору. Вторым делом, насчёт житья своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят, – он будет моцион делать, а днём – станет в норе сидеть и дрожать. Но так как пить-есть всё-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полден, когда вся рыба уж сыта, и, Бог даст, может быть, козявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе заляжет, и будет опять дрожать. Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться.

Так он и поступал. Ночью моцион делал, в лунном свете купался, а днём забирался в нору и дрожал. Только в полдни выбежит кой-чего похватать –

¹ Жизнь прожить – не то, что мутóвку облизать – переиначенная пословица жизнь прожить – не поле перейти; мутóвка – предмет домашней утвари: палочка с сучками на конце для размешивания, взбалтывания жидкости.

да что́ в полдень промыслишь! В это время и комар под лист от жары прячется, и букашка под кору хоронится. Поглощает воды – и шабаш!

Лежит он день-деньской в норе, ночей не досыпает, куска не доедает, и всё-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?»

Задремлет, грешным делом, а во сне ему снится, что у него выигрышный билет и он на него двести тысяч выиграл. Не помня себя от восторга, перевернётся на другой бок – глядь, ан у него целых полрыла из норы высунулось... Что, если б в это время щурёнок поблизости был! ведь он бы его из норы-то вытащил!

Однажды проснулся он и видит: прямо против его норы стоит рак. Стоит неподвижно, словно околдованный, вытаращив на него костяные глаза. Только усы по течению воды пошевеливаются. Вот когда он страху набрался! И целых полдня, покуда совсем не стемнело, этот рак его поджидал, а он тем временем всё дрожал, всё дрожал.

В другой раз, только что успел он перед зорькой в нору воротиться, только что сладко зевнул, в предвкушении сна, – глядит, откуда ни возьмись, у самой норы щука стоит и зубами хлопает. И тоже целый день его стерегла, словно видом его одним сыта была. А он и щуку надул: не вышел из норы, да и шабаш.

И не раз, и не два это с ним случалось, а почесть что каждый день. И каждый день он, дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: «Слава тебе, Господи! жив!»

Но этого мало: он не женился и детей не имел, хотя у отца его была большая семья. Он рассуждал так: «Отцу шутя можно было прожить! В то время и щуки были добрее, и окуни на нас, мелюзгу, не зарились. А хотя однажды он и попал было в уху, так и тут нашёлся старичок, который его вызволил! А нынче, как рыба-то в реках повывелась, и пискари в честь попали. Так уж тут не до семьи, а как бы только самому прожить!»

И прожил премудрый пискарёв таким родом с лишком сто лет. Всё дрожал, всё дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьёт, табаку не курит, за красными девушками не гоняется – только дрожит да одну думу думает: «Слава Богу! кажется, жив!»

Даже щуки, под конец, и те стали его хвалить: «Вот, кабы все так жили – то-то бы в реке тихо было!» Да только они это нарочно говорили; думали, что он на похвалу-то отрекомендуется – вот, мол, я! тут его и хлоп! Но он и на эту штуку не поддался, а ещё раз своею мудростью козни врагов победил.

Сколько прошло годов после ста лет – неизвестно, только стал премудрый пискарёв помирать. Лежит в норе и думает: «Слава Богу, я своею смертью помираю, так же, как умерли мать и отец». И вспомнились ему тут щучьи слова: «Вот кабы все так жили, как этот премудрый пискарёв живёт...» А ну-тка, в самом деле, что́ бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: «Ведь этак, пожалуй, весь пискарёв род давно перевёлся бы!»

Потому что для продолжения пискарёва рода прежде всего нужна семья, а у него её нет. Но этого мало: для того, чтоб пискарёва семья укреплялась и процветала, чтоб члены её были здоровы и бодры, нужно, чтоб

Иллюстрации С. Алимова

они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пискари достаточное питание получали, чтоб не чуждались общественности, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствовать пискарью породу и не дозволит ей измельчать и выродиться в сметка¹.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Всё это представилось до того отчётливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: «Вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву!» Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил – дрожал, и умирал – дрожал.

Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нём? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: «Никому, никто».

Он жил и дрожал – только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он всё дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде, ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнет. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, измождённый, никому не нужный, лежит и ждёт: когда же наконец голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?

Слышно ему, как мимо его норы шмыгают другие рыбы – может быть, как и он, пискари – и ни одна не поинтересуется им. Ни одной на мысль не придёт: «Дай-ка, спрошу я у премудрого пискаря, каким он манером умудрился с лишком сто лет прожить, и ни щука его не заглотала, ни рак клешней не перешиб, ни рыболов на уду не поймал?» Плывут себе мимо, а может быть, и не знают, что вот в этой норе премудрый пискарь свой жизненный процесс завершает!

¹ Сметок – мелкая речная и озёрная рыба.

И что́ всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распыстную свою жизнь бережёт?» А многие даже просто дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идолов вода терпит.

Раскидывал он таким образом своим умом и дремал. То есть не то что дремал, а забываться уж стал. Раздались в его ушах предсмертные шёпоты, разлилась по всему телу истома. И привиделся ему тут прежний соблазнительный сон. Выиграл будто бы он двести тысяч, вырос на целых поларшина и сам щук глотает.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, целиком из норы и высунулось.

И вдруг он исчез. Что́ тут случилось – щука ли его заглотала, рак ли клешней перешиб, или сам он свою смертью умер и всплыл на поверхность, – свидетелей этому делу не было. Скорее всего – сам умер, потому что какая сласть щуке глотать хворого, умирающего пискаря, да к тому же ещё и *премудрого*?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Чем поведение пискаря отличалось от обычной осторожности? Что он принёс в жертву своему мнимому благополучию? Была ли эта жертва оправданной?
2. Какое явление человеческой жизни высмеивается в образе премудрого пискаря?
3. Как автор переосмыслил значение слова *премудрый*? Сравните с его употреблением в русских народных сказках. Расшифруйте смысл эпитета *премудрый*.
4. Какой художественный приём использовал Салтыков-Щедрин, зашифровав определённый тип человеческого характера в образе пискаря?
5. **Работа в паре.** Рассмотрите иллюстрации к сказке «Премудрый пискарь» художника Сергея Алимova (с. 209, 211). Обращается ли художник к такому приёму, как гротеск? Запишите свои аргументы «за» или «против» и примите участие в дискуссии.
6. Перечертите в тетрадь таблицу и заполните её, сделайте вывод о новаторстве М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Традиции фольклорной сказки	Сатира – приёмы и средства изображения	Элементы фантастики

7. **Творческая работа.** Какое из негативных человеческих качеств кажется вам достойным осмеяния (лень, жадность, эгоизм, стремление быть первым любой ценой и др.)? Предложите свой сюжет сказки «для детей изрядного возраста», в которой осмеянию подвергалось бы одно из этих качеств.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

«Дикий помещик»

Жил-был на свете богатый, но глупый помещик. Старался он жить «по правилам», как в газетах пишут: так крестьян поборами замучил, что вывелся мужик в его хозяйстве. Живёт помещик да радуется, что мужицкого духу в его поместье не стало. Только вот есть нечего, постирать некому,

и в гости никто не едет – всего-то угощения леденец да засохший пряник. И заняться нечем.

Совсем помещик одичал, волосами зарос, стал по деревьям ловко лазать. Потом и с медведем Михайлом Ивановичем подружился, разговорился, стали вместе на охоту ходить. Начальство забеспокоилось: налоги платить некому. Собрали начальники совет...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Почему помещику стал так непереносим «мужицкий дух», несмотря на то, что крестьяне всегда жили в его имении? Откуда помещик черпал идеи, как ему по-новому обирать мужика?
2. Расскажите, как стал жить помещик после исчезновения мужиков.
3. Почему заволновалось «начальство»? Чем вызвано его вмешательство в дальнейшую судьбу мужиков и «дикого помещика» Урус-Кучум-Кильдибаева?
4. Какой смысл вкладывает писатель-сатирик в определение *дикий*?
5. Назовите сатирические приёмы изображения, которые Салтыков-Щедрин использовал в этой сказке.
6. Как соединяются реальность и фантастика в поведении и облике «дикого помещика»?

Иллюстрация Кукрыниксов

Глава 6

«СЛОВО ЕСТЬ ПОСТУПОК»

«Пора перестать ждать неожиданных подарков от жизни, а самому делать жизнь»

Литературная разминка

Что вам известно о писателе Л.Н. Толстом?

Даже на фоне крупнейших писателей «золотого века» русской литературы Л.Н. Толстой производил впечатление гиганта, чей могучий дух, подобно животворному солнечному свету, озарял культурную и общественную жизнь России второй половины XIX – начала XX в. В личности Толстого сочетались гениальный писатель, оригинальный мыслитель, страстный проповедник моральных истин и великий знаток человеческой души. Творчество этого художника не только отметило собой веку в истории России, но и оставило глубокий след в духовном развитии всего человечества. Ещё при жизни за писателем утвердилась мировая слава «совести эпохи» и «властителя дум». К нему, как к учителю, обращались за советом пред-

Лев Николаевич Толстой
(1828–1910)

ставители разных сословий и стран. Его произведения читались как гениальные откровения. Его самобытное «вероучение» вызвало к жизни широкое общественное движение – так называемое толстовство, целью которого было нравственное самосовершенствование людей на основе принципов духовного братства, труда, свободы от собственности и близости к природе.

Л.Н. Толстой принадлежал к одному из самых знатных в России семейств. Один из его предков был сподвижником царя Петра I; другой же происходил из древнего рода князей Волконских. Большая часть жизни писателя прошла в имении Ясная Поляна Тульской губернии, там он провёл и своё детство. Кроме Льва в семье было ещё четверо детей. Они рано осиротели и попали на вос-

питание к своим тёткам, изо всех сил старавшимся заменить им умерших родителей. С особой благодарностью и нежностью писатель относился к «тётенке» (как её называли дети) Татьяне Александровне Ергольской, оказавшей на него наибольшее влияние.

Важным открытием детских лет для писателя стала идея устройства всечеловеческого счастья. Она родилась во время игры в «муравейных братьев», придуманной старшим братом Льва, Николаем: «Он-то, – рассказывал писатель в старости, – когда нам с братьями было – мне пять, Митеньке шесть, Серёже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями... Мы даже устроили игру в муравейные кочки, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживали их ящиками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру. Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать так, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старого Заказа... И как я тогда верил, что есть та зелёная палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть та истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

Вера в братское единение людей стала основой гуманистического мировоззрения Л.Н. Толстого. В память о чудесной сказке, услышанной им в детстве, писатель распорядился похоронить себя на краю яснополянского оврага Старый Заказ, в том самом месте, где, по словам его брата, и была зарыта волшебная палочка...

Стремление к постоянному самообновлению было обусловлено потребностью писателя в нравственном самосовершенствовании. Мысль о том, что цель человеческой жизни состоит в беспрестанном духовном разви-

тии, он утверждал и в своём творчестве. Это развитие Толстой напрямую связывал с идеей служения всеобщему благу. Он верил, что личное счастье отдельного человека немыслимо без труда, направленного на искоренение социального зла и исправление пороков человечества. Такой труд, по мнению писателя, должен осуществляться исключительно в нравственной сфере. Не революция, неизбежно сопряжённая с насилием, кровопролитием и жертвами, не сами по себе перемены социальных и экономических условий жизни, а нравственное самосовершенствование каждого человека является единственным способом приближения человечества к всеобщему счастью – таков был главный смысл «вероучения» Толстого. Своей идеей нравственного самосовершенствования и духовного преобразования мира моральными усилиями каждого человека Толстой придал идеалам гуманизма новый размах и новое значение.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

- 1 На чём основывался авторитет «совести эпохи» и «властителя дум», утвердившийся за Л.Н. Толстым при жизни?
2. На каких принципах, согласно представлениям Л.Н. Толстого, должна была строиться духовная работа человека? Какие из них вы бы хотели позаимствовать?

«Чтобы поверить в добро, надо начать делать его»

Литературная разминка

Вспомните, каковы отличия рассказа от повести.

Рассказ «После бала» написан Л.Н. Толстым на основе реальной истории, которая произошла со старшим братом писателя. Молодой человек был влюблён в дочь военного начальника А.П. Кореяша и часто бывал у них в доме. Чувства влюблённого быстро охладели после того, как увидел избиение беглого солдата под руководством отца милой Вареньки.

В основе композиции рассказа лежат антитеза и приём контраста.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Контраст – резко очерченная противоположность в чём-либо: чертах характера, свойствах предметов или явлений.

Перед чтением

При чтении обратите внимание на композицию рассказа. Какую функцию выполняет антитеза и как применяется приём контраста?

ПОСЛЕ БАЛА

(В сокращении)

– Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу. (...) Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

– От чего же? – спросили мы.

– Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

– Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

– Да, – сказал он. – Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра.

– Да что же было?

– А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б., да, Варенька Б., – Иван Васильевич назвал фамилию. – Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка у рта, и прелестных блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

– Каково Иван Васильевич расписывает.

– Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый.

(...) Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

– Ну, нечего скромничать, – перебила его одна из собеседниц. – Мы ведь знаем... вы были красавец.

– Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебо-сола... Принимала такая же добродушная, как и он, жена его с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты – знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов – я до сих пор не могу простить это ему – пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её

В. Первунский. Вальс

сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»¹.

И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела. (...)

Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы. (...)

– Смотрите, папа просят танцевать, – сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

– Варенька, подите сюда, – услышали мы громкий голос хозяйки в бриллиантовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

¹ *Ещё* (франц.).

– Уговорите, ma chere¹, отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславич, – обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми а la Nicolas I² подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупей, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, – «надо всё по закону», – улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя украчивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, – хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблучков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы возить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит до-модельные», – думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умилили меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

– Ну, всё равно, пройдите теперь вы с ней, – сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки капель содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

¹ Дорогая (франц.).

² как у Николая I (франц.).

Иллюстрация И. Пчёлко

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. (...) Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масляничная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом – девический институт (...)

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» – подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», – подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и

не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтчик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

– Что это они делают? – спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

– Татарина гоняют за побег, – сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад – и тогда унтер-офицеры, ведущие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд – и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я слышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

– О Господи, – проговорил подле меня кузнец. Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

– Я тебе помажу, – услышал я его гневный голос. – Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

– Подать свежих шпицрутенов! – крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная,

¹ *Шпицрутен* – длинный гибкий древесный прут для телесных наказаний.

куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было – дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», – думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

– Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, – сказал один из нас. – Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

– Ну, это уж совсем глупости, – с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

– Ну, а любовь что? – спросили мы.

– Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Что побудило Ивана Васильевича поведать свою историю? Какую мысль он хотел доказать этим рассказом?
2. В основу композиции данного произведения положена антитеза – противопоставление сцен бала и экзекуции. Выпишите противопоставляемые элементы в тетрадь.
3. Какая мысль стоит за противопоставлением картин светской и солдатской жизни? Как с этим противопоставлением связано название рассказа?
4. **Работа в парах.** Раскройте художественное значение деталей, встречающихся в сценах как бала, так и наказания провинившегося солдата.
5. В какой подробности экзекуции проявляется особая жестокость полковника? Почему он сделал вид, будто не узнал Ивана Васильевича?
6. Почему увиденная поутру экзекуция разрушила любовь рассказчика к дочери полковника? Найдите в тексте подтверждение тому, что расправа над солдатом перевернула всю жизнь главного героя, побудив его к моральному самоисправлению.
7. Какие пороки общественной и нравственной жизни осуждаются в этом произведении? Как в нём освещается проблема моральной вины и ответственности?

8. В чём, по вашему мнению, заключается ценность рассказа Толстого для современного читателя?

9. Рассмотрите репродукцию картины современного художника Владимира Первунского (с. 217). Отметьте детали, с помощью которых художник передаёт восторженное настроение танцующих.

10. Рассмотрите иллюстрацию художника Игоря Пчёлко на с. 219. Какие детали использовал художник, чтобы передать ужас и жестокость экзекуции?

11. **Работа в группах.** Разбившись на три группы, выполните одно из заданий:

А. Представьте, что вы с друзьями готовите аудиозапись рассказа Л.Н. Толстого «После бала». Выберите два наиболее выразительных, с вашей точки зрения, отрывка. Распределите между собой обязанности режиссёра, актёров и специалиста по музыкальному оформлению. Подготовьте радиопостановку избранных эпизодов.

Б. Придумайте современный вариант развития сюжета данного произведения.

В. Представьте, что у главного героя была возможность сохранить памятные вещицы, связанные с описанным случаем. Составьте список этих мелочей. От имени рассказчика опишите чувства и мысли, которые вызывает в нём каждая вещь.

12. **Творческое задание.** Напишите сочинение «Изображение нравственного пробуждения человека в рассказе Л.Н. Толстого “После бала”».

Лирические шедевры

 Многие стихотворения М.Ю. Лермонтова положены на музыку известными композиторами. Музыка к восьмистрочному лермонтовскому переводу стихотворения Гёте «Горные вершины...» первыми написали Н.А. Титов и А.Е. Варламов. Оба создали свои музыкальные произведения в год публикации стихотворения – в 1840 г.

В 1845 г. свою музыкальную версию представил композитор-любитель, харьковский губернский предводитель дворянства князь Ф.Г. Голицын. Однако на этом музыкальные версии не закончились.

Вот уже более полутора веков музыканты снова и снова обращаются к этому поэтическому шедевру. Их романсы, как правило, получают название по первым словам – «Горные вершины».

Романсы «Выхожу один я на дорогу» (музыка Е.С. Шашиной); «Белеет парус одинокий», «Горные вершины» (музыка А.Е. Варламова); «И скучно и грустно...», «Тучки небесные», «Мне грустно» (музыка А.С. Даргомыжского); «Молитва» (музыка П.П. Булахова) и другие звучали и продолжают звучать на концертах знаменитых исполнителей.

1. **Работа в группах.** Пользуясь Интернетом, послушайте романс на стихи М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» в исполнении:

А. Сергея Лемешева
Б. Бориса Штоколова
В. Юрия Гуляева

Г. Анны Герман
Д. Хора Валаамского монастыря

Подготовьтесь рассказать о своих впечатлениях.

2. Творческая работа. Пользуясь Интернетом, послушайте романсы на стихи М.Ю. Лермонтова «Молитва» (музыка П.П. Булахова) в исполнении Надежды Обуховой или «И скучно и грустно...» (музыка А.С. Даргомыжского) в исполнении Ивана Козловского или какой-нибудь другой (по выбору). Напишите небольшой отзыв.

Бессмертная комедия на сценах мира

В XX в. одну из самых ярких и нетрадиционных постановок «Ревизора» на российской сцене предложил известный режиссёр-новатор Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Для спектакля он отобрал актёров, чья внешность максимально соответствовала персонажам пьесы и не требовала грима. Таким образом, он вывел на сцену не просто гоголевские образы, а «людей из жизни». Единственным местом, где Мейерхольд отступил от реалистичности театрального изображения, была «немая» сцена: вместо людей в ней перед публикой предстали бездушные куклы, символизировавшие ужас внутреннего «бесчеловечья» гоголевских персонажей.

В XXI в. новаторским спектаклем по бессмертной гоголевской комедии публику удивил коллектив актёров из Италии под руководством известного режиссёра Матиаса Лангхоффа. В исполнении этой труппы «Ревизор» превратился в спектакль о бюрократической машине, коррупции и страхе перед разоблачением. В качестве основных декораций режиссёр использовал странную конструкцию, состоящую из немыслимого количества стен, дверей, коридоров, лестниц, закутков и комнаток, некоторые из которых могут вращаться вокруг своей оси. Собрание уездных чиновников XIX в., одетых по моде 60–70-х годов XX в., напоминает сходку

«Ревизор». Сцена из спектакля. Малый театр (2006)

«Ревизор». Сцена из спектакля. Национальный академический театр русской драмы им. Леси Украинки (2002)

итальянской мафии. Купцы в добротных костюмах и тёмных очках разговаривают по мобильным телефонам и выписывают Хлестакову чеки, заливаются спецсигналы эскорта начальственных машин, в зал выходят десятские с метлами, жена городничего исполняет танец с лентами, живая собачка бежит по сцене, а в финале пьесы появляются две огромные мохнатые крысы... Все эти новшества призваны подчеркнуть современное звучание пьесы, её очевидную связь с сегодняшней жизнью.

Бессмертная комедия Гоголя по-прежнему собирает полные залы...

1. Сходите в театр или, пользуясь Интернетом, посмотрите спектакль «Ревизор». Запишите в тетради название театра, где поставлена комедия, фамилии режиссёра и исполнителей главных ролей. Подготовьте устное сообщение о постановке.
2. **Пофантазируйте!** Каким вы представляете себе современный украинский спектакль по «Ревизору»? Поставьте себя на место режиссёра: вы бы «осовременили» комедию или точно следовали Гоголю? Кого из украинских актёров вы бы выбрали на роли Хлестакова и городничего? Почему?

Сатира и мультипликация

«Сказки для детей изрядного возраста» М.Е. Салтыкова-Щедрина привлекают кинематографистов, занимающихся мультипликацией.

Сказка «Как один мужик двух генералов прокормил» режиссёров И. Иванова-Вано и В. Данилевича (СССР, 1965 г.) едко высмеивает господ генералов, твёрдо уверенных в собственной значимости. Волею судьбы эти твердолобые бюрократы оказались на необитаемом острове и чуть не погибли от голода.

Но господа генералы нашли на острове «мужика-деревенщину», который их поил-кормил (в ладонях суп варил!) и домой доставил. Авторы мультфильма в сатирических красках утверждают мысль о том, что мужик без господ генералов обойтись может, а вот господа генералы без мужика – никак.

Кадр из мультфильма «Как один мужик двух генералов прокормил»
(режиссёры *И. Иванов-Вано, В. Данилевич*, 1965)

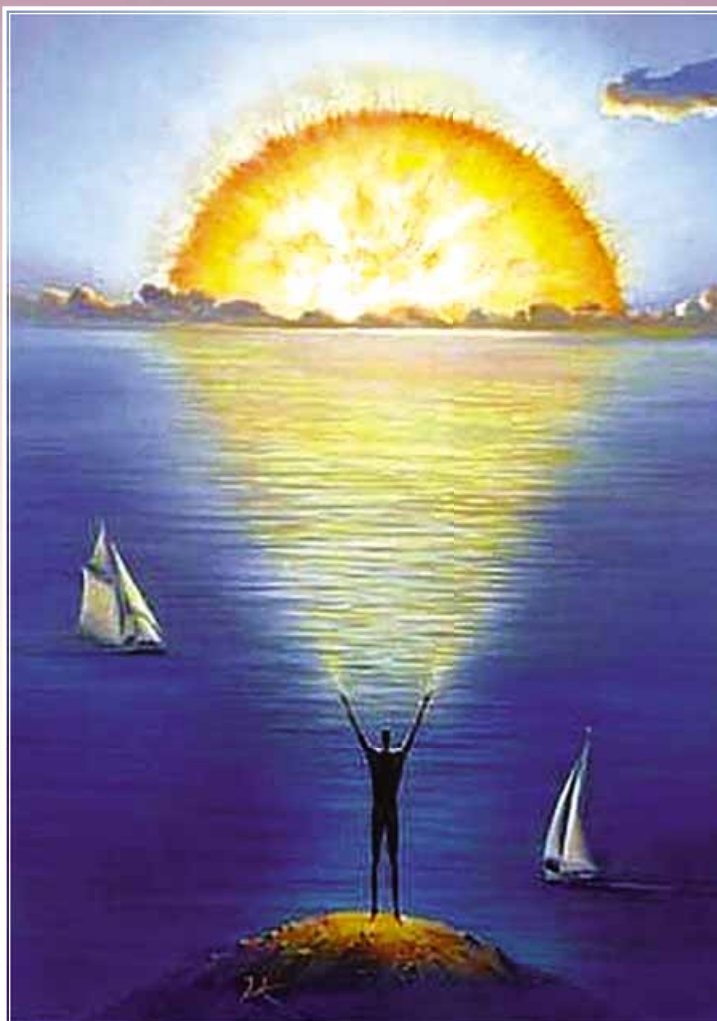
Не менее ярким получился мультфильм «Премудрый пескарь» режиссёра В. Караваева (СССР, 1979 г.), в котором воссоздан самобытный подводный мир, построенный по тем же законам, что и самодержавная Россия: там тоже водятся титулярные советники, генералы и жандармы. Вышестоящие поедают нижестоящих, а премудрый пескарь, сам себя добровольно заточивший в норе, всё дрожит и дрожит. Художник С. Алимов создал замечательный зрительный ряд: по дну речки разгуливает рыба мелкота – титулярные советники, семейные пары выходят с мальками на прогулку, рак – полицейский доносчик – всегда в нужном месте оказывается, крупный чиновник такие зубы показывает... (см. с. 209, 211). В 1979 г. мультфильм «Премудрый пескарь» – был отмечен на первом Международном фестивале анимационного кино в Варне (Болгария).

Кадры из мультфильма «Премудрый пескарь» (режиссёр *В. Караваев*, 1979)

1. Назовите известнейших писателей «золотого века» русской литературы. Какие проблемы они поднимали в произведениях, представленных в этом разделе?
2. На каком основании в «Капитанской дочке» делается вывод: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»? Кому принадлежит эта мысль: Гринёву или самому автору? Как вы понимаете смысл этого высказывания?
3. В чём заключается незаурядность пушкинского Пугачёва?
4. Какие особенности поведения Гринёва определяются его принадлежностью к дворянству? В каких эпизодах представления героя вступают в противоречие со свойственной ему человечностью? Что, как вам кажется, для героя важнее: долг дворянина или не всегда совпадающий с этим долгом принцип гуманности? А для автора?
5. **Пофантазируйте!** Представьте, что вы хотите написать романс на стихи М.Ю. Лермонтова. На каком стихотворении вы бы остановили свой выбор? Почему?
6. Как вы думаете, почему Н.В. Гоголь не ввёл в пьесу «Ревизор» ни одного героя, который был бы носителем нравственного начала? По утверждению писателя, в комедии всё же есть положительный герой. Назовите его и поясните свою мысль.
7. **Работа в парах.** Сформулируйте определение понятия «хлестаковщина».
8. Чем обусловлено непреходящее значение комедии Гоголя «Ревизор»? Приведите свои аргументы.
9. Что дало основание М.Е. Салтыкову-Щедрину назвать И.С. Тургенева продолжателем традиций А.С. Пушкина в русской литературе? В чём проявлялся гуманизм Тургенева?
10. Известный литератор П.В. Анненков определил стихотворения в прозе И.С. Тургенева как «ткань из солнца, радуги, алмазов, женских слёз и благородной мужской мысли». А с чем бы сравнили эти произведения вы?
11. Что побудило М.Е. Салтыкова-Щедрина обратиться к жанру сказки? Чем его сказки отличались от фольклорных? Почему их называют «малой сатирической энциклопедией для народа»?
12. **Поисковая работа.** Поясните значение крылатых выражений Салтыкова-Щедрина: *гороховое пальто; пирог с казённой начинкой; карась-идеалист; либо в рыло, либо ручку пожалуйте; не помнящие родства; торжествующая свинья; головотяпы, пенкосниматели.*
13. На какие гуманистические идеалы опирается в рассказе «После бала» Л.Н. Толстой, критика нравы светского общества?
14. **Работа в группах.** Разбившись на три группы, выполните одно из предложенных заданий:
 - А. Пересмотрите репродукции русских художников-пейзажистов XIX в. И. Шишкина, Ф. Васильева, В. Поленова, А. Саврасова и др. Представьте, что вы готовите к печати сборник поэзии М.Ю. Лермонтова. Репродукциями каких картин вы считаете возможным проиллюстрировать известные вам лирические произведения поэта?
 - Б. Подготовьте постановку «немой» сцены из гоголевского «Ревизора».
 - В. Распределите между частью учащихся вашей группы роли центральных персонажей рассказа «После бала». Подготовьте свои вопросы для этих героев и вместе со всем классом проведите их пресс-конференцию.
15. **Творческая работа.** Напишите стихотворение в прозе на самостоятельно избранную тему; сформулируйте пожелания сценаристу мультфильма по сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Медведь на воеводстве» (по выбору).
16. **Темы проектов.** «Герои произведений А.С. Пушкина на экране»; «Мастерство И.С. Тургенева в изображении жизни человеческой души».

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ
ПРОБЛЕМЫ,
ВОЛНУЮЩИЕ
ЧЕЛОВЕКА МЫСЛЯЩЕГО,
В ЛИТЕРАТУРЕ XX СТОЛЕТИЯ

Глава 1

«ЧЕЛОВЕК – ВОТ ПРАВДА! ВСЁ – В ЧЕЛОВЕКЕ, ВСЁ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА!»

*«...Сама его жизнь – это книга,
это увлекательный роман»*

Литературная разминка

Вспомните прочитанные произведения, в которых утверждается красота человека, его стремление к свободе.

**Максим Горький
(Алексей Максимович
Пешков)
(1868–1936)**

«...Нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель» – эти слова известного русского писателя Максима Горького как нельзя лучше характеризуют его исполненный высоких стремлений жизненный и творческий путь.

Настоящее имя Максима Горького – Алексей Максимович Пешков. Такой псевдоним писателем был выбран не случайно: эпитетом «горький» он охарактеризовал свой трудный жизненный путь.

Алексей Пешков родился в Нижнем Новгороде в дружной семье краснодеревщика. Но семейство рано лишилось кормильца, и мать Алёши с маленьким сыном переехала в дом своего отца Василия Каширина – нижегородского мещанина, владельца собственного красильного дела. Будущий писатель окунулся в неприглядный мещанский быт: деспотичный дед, пьяные дядья, вечно хо-

лодная, измученная мать, постоянные ссоры, брань и побои. Одним из немногих тёплых воспоминаний детства стала бабушка Акулина Ивановна, которая воплотила лучшие черты русской женщины: трудолюбие, доброту, терпение и мудрость. Особенно Алёше запомнились сказки и житейские истории, которые она рассказывала, спетые в минуты веселья народные песни.

В школе над Пешковым смеялись, так как мальчик приходил на занятия «в материнных башмаках, в пальтишке, перешитом из бабушкиной кофты, в жёлтой рубаше и штанах “навыпуск”...». Но учился Алёша хорошо, у него была феноменальная память.

Оставшись сиротой в одиннадцать лет, Алёша начинает работать. Он сменил многих «хозяев»: был посыльным при обувном магазине, работником в иконописной мастерской, мыл посуду на пароходах, работал чертёжником, продавцом в иконной лавке, десятником на строительстве ярмарки, статистом в ярмарочном театре... Позже Горький напишет: «Я не ждал помощи извне и не надеялся на счастливый случай... Я очень рано понял, что человека создаёт его сопротивление окружающей среде».

Только чтение книг спасало от отчаяния и разочарования. Мальчик читал их везде и всегда, как только появлялась хоть малейшая возможность. Служа «в людях», он нередко бывал бит за это своё пристрастие. «Книга

М. Горький и Ф. Шаляпин (1901)

М. Горький и Л. Толстой (1900)

для меня – чудо», – писал Горький. Восторг перед книгой пронёс через всю жизнь.

С 1888 г. начались странствия Горького по России с целью лучше узнать страну и ближе познакомиться с жизнью народа. Карта его путешествий обширна и разнообразна: юноша прошёл пешком донские степи, Украину до самого Дуная, Крым и Северный Кавказ – до Грузии. Батрачил, добывал соль, рыбачил, работал молотобойцем... Во время скитаний будущий писатель приобрёл богатый жизненный опыт.

Остановившись в Тифлисе (теперь Тбилиси), он поступил на работу в железнодорожные мастерские. В те годы на Кавказе было много политических ссыльных, знакомство с которыми привело к активному участию Пешкова в революционных кружках. Связь с революционно настроенной молодёжью стала причиной ареста, над молодым человеком был установлен строгий полицейский надзор.

В 1892 г. выходит в печать первый рассказ «Макар Чудра», подписанный именем «Максим Горький». В нём была изложена романтическая легенда о красавице Радде и конокраде Лойко, об их гордости и любви. За ним последовали принёсшие писателю известность произведения «Челкаш» и «Старуха Изергиль». Рассказы Горького появляются в столичных журналах. В них Горький описал жизнь обитателей городского «дна» – «босяков» с искалеченной судьбой, сохранивших чувство собственного достоинства. Мир босяков стал художественным открытием писателя.

Романтические герои ранних рассказов Горького горды и благородны, они жаждут подвигов и способны на сильные страсти. Писатель поэтизирует «безумство храбрых» и презирает стяжательство, мещанство «хозяев жизни». Макар Чудра говорит: «Смешны они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько...» Старуха Изергиль вторит ему: «И вижу я, не живут люди, а всё примеряются...»

За активное участие в революционных событиях 1905 г. Горький был заключён в Петропавловскую крепость. Однако протест русской и мировой

общественности заставил правительство освободить писателя. В начале 1906 г. он уезжает в Америку, а затем перебирается в Италию, где поселяется на острове Капри. В 1913 г., после объявления всеобщей амнистии по случаю трёхсотлетия дома Романовых, Горький возвращается в Россию.

Много лет участвуя в социал-демократическом движении, писатель резко отрицательно воспринял октябрьский переворот 1917 г. и последовавшие за ним события. Критическими размышлениями Горький делился в публицистических статьях, составивших цикл «Несвоевременные мысли». Тем не менее, Горький много сил отдавал налаживанию культурной жизни страны и помощи писателям, которым грозила физическая расправа или голодная смерть. К числу его заслуг принадлежит, в частности, организация издательства «Всемирная литература», публиковавшего русские переводы шедевров зарубежных авторов разных эпох. В 1921 г., не видя для себя возможности далее жить и работать в России, писатель уезжает в эмиграцию. Официальная причина отъезда – обострение туберкулёза. Горький осел в Италии, в Сорренто – небольшом городке под Неаполем. Он продолжал активно работать, вёл большую переписку с читателями и начинающими авторами.

По возвращении на родину в 1932 г. Горький занялся общественной деятельностью: был учредителем новых журналов и книжных серий, основателем Союза писателей, Литературного института.

Умер Максим Горький 18 июня 1936 г. накануне массовых репрессий при загадочных обстоятельствах.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какую роль детство и юность сыграли в формировании мировоззрения Горького?
2. Как повлияли на творчество писателя странствия по Руси?
3. Расскажите о начале литературного творчества Максима Горького.
4. Какова была общественная позиция писателя в 1905–1917 гг.?
5. Расскажите об общественно-политической деятельности Горького в эмиграции и по возвращении в СССР.

«Смысл жизни в красоте и силе стремления к цели...»

Литературная разминка

Подумайте, с какой целью автор вводит в произведение образ рассказчика.

Язык ранних рассказов Горького афористичен, писатель часто использует образы-символы. В рассказах прослеживаются мотивы жажды жизни, поиска ярких сильных романтических впечатлений, а также обличения скуки и тесноты обыденного существования. Герой рассказов Горького – неординарная личность, наделённая чувством собственного достоинства, волей к жизни, презрением к любым формам порабощения. Именно такие герои действуют в рассказе «Старуха Изергиль».

Перед чтением

Укажите в рассказе образы-символы.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

(В сокращении)

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю.

Они шли, пели и смеялись; мужчины – бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки – весёлые, гибкие, с тёмно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шёлковые и чёрные, были распущены, ветер, тёплый и лёгкий, играя ими, звякал монетами, вплетёнными в них. Ветер тек широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развеивал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили всё дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их всё прекраснее. (...)

– Что ты не пошёл с ними? – кивнув головой, спросила старуха Изергиль.

Время согнуло её пополам, чёрные когда-то глаза были тусклы и слезились. Её сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями.

– Не хочу, – ответил я ей.

– У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь молодой и сильный...

Луна взошла. Её диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своём веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, и стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

– Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр, – она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

– Никого нет там! – сказал я.

– Ты слеп больше меня, старухи. Смотри – вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

– Это тень! Почему ты зовешь её Ларра?

– Потому что это – он. Он уже стал теперь как тень, – пора! Он живёт тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать Бог с человеком за гордость!..

– Расскажи мне, как это было! – попросил я старуху...

И она рассказала мне эту сказку.

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот какая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унёс орёл, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но – не нашли её. И забыли о ней, как забывают обо всём на земле»...

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда её спросили, где была она, она рассказала, что орёл унёс её в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперённой стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их – он не хочет делать этого. О!.. тогда уж совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

– Ему нет места среди нас! Пусть идёт куда хочет.

Он засмеялся и пошёл, куда захотелось ему, – к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошёл к ней и, подойдя, обнял её. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил её и, когда она упала, встал ногой на её грудь, так, что из её уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, – впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на неё, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, – не опустил своей головы, как бы вызывая на неё кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же – слишком просто и не удовлетворит их».

Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листве винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и всё обильнее лил на степь голубоватую мглу...

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошадьми – и это казалось мало им; думали пустить в

него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали много – и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слёз, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

– Спросим его, почему он сделал это?

Спросили его об этом. Он сказал:

– Развяжите меня! Я не буду говорить связанный!

А когда развязали его, он спросил:

– Что вам нужно? – спросил так, точно они были рабы...

– Ты слышал... – сказал мудрец.

– Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

– Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Всё равно ты умрёшь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаёмся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

– Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил её потому, мне кажется, – что меня оттолкнула она... А мне было нужно её.

– Но она не твоя! – сказали ему.

– Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землёй... и многим ещё...

Ему сказали на это, что за всё, что человек берёт, он платит собой: своим умом и силой, иногда – жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и, наконец, увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидели это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, – тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

– Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание: вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему – в нём самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, – хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, – юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его – не был человеком... А этот – был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек – всё, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго – не один десяток годов. Но вот однажды он подошёл близко к людям и, когда они бросились от него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

– Не троньте его! Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и всё искал чего-то на своей груди, хватаясь за неё руками...

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел – высоко в небе чёрными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит всюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков – ничего. И всё ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражён человек за гордость!» (...)

Далее старуха Изергиль рассказала историю своей богатой приключениями и бурными романами жизни.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Как в повествование вводится история Ларры? Приведите соответствующие цитаты.
2. Как повлияло на характер и поведение Ларры его необычное происхождение? Как оно проявилось в его внешности?
3. Какие душевные пороки подтолкнули героя к совершению преступления? Чем оно поразило старейшин?
4. В чём заключался смысл наказания, на которое осудило Ларру племя? Почему старейшины посчитали его более жестоким, чем самая страшная казнь? Считаете ли вы справедливым приговор, осудивший Ларру на вечное изгнание?
5. Что символизирует тень, в которую в течение тысячелетий своего бессмертия превратился Ларра?
6. **Работа в парах.** Почему традиционные составляющие романтического идеала – внутренняя свобода, сила и гордость – толкуются в сказке о Ларре как проклятье?

II

(...) С моря поднималась туча – чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперёд её и гасили звёзды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

– Видишь ты искры? – спросила меня Изергиль.

– Вон те, голубые? – указывая ей на степь, сказал я.

– Голубые? Да, это они... Значит, летают всё-таки! Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

– Откуда эти искры? – спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

– Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... (...)

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой – была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна – назад, – там были сильные и злые враги, другая – вперёд, там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто – ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, – и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

«Данко – один из тех людей, молодой красавец. Красивые – всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

– Не своротить камня с пути думаю. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец – всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

– Веди ты нас! – сказали они. (...)

Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним – верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно.

И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, – вот как! Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, уставшие и злые, стали судить Данко.

– Ты, – сказали они, – ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

– Вы сказали: “Веди!” – и я повёл! – крикнул Данко, становясь против них грудью. – Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

– Ты умрёшь! Ты умрёшь! – ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в

Иллюстрации Б. Дехтерёва

его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

– Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

– Идём! – крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была – там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, – кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

– Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой! (...)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Чем отличался Данко от своих соплеменников? Что вдохновило его на самопожертвование? Подкрепите свой ответ цитатами.
2. Почему в сказках о Ларре и Данко имена есть только у главных героев?
3. **Работа в парах.** Сопоставьте образы Данко и Ларры. Определите главные различия между ними. В чём состоит суть их конфликта с обществом? Раскройте смысл противопоставления.
4. Был ли, по вашему мнению, оправдан подвиг Данко?
5. **Работа в группах.** Поработайте с текстом:
 - А. Проследите игру цветописи в рассказе, подумайте, с какой целью её использует писатель.
 - Б. Найдите в прочитанных отрывках примеры гиперболы и раскройте их художественное значение.
 - В. Найдите портретные зарисовки персонажей, расскажите, как они помогают раскрыть духовную суть героев.
 - Г. Определите функцию пейзажей в рассказе.
6. **Творческая работа.** Подготовьте устное рассуждение «Я согласен (не согласен) с утверждением старухи Изергиль: “Каждый сам себе судьба”». Запишите в тетради свои аргументы. При ответе пользуйтесь своими записями.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

«Макар Чудра»

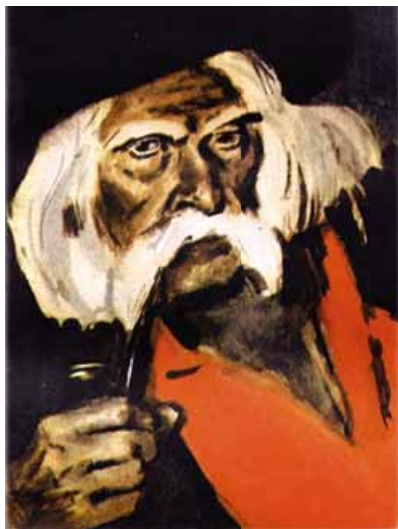

Иллюстрация П. Пинкисевича

Макар Чудра и герои рассказанной им легенды воплощают единственно ценное, с их точки зрения, что есть в человеческом характере – стремление к свободе. Макар Чудра совершенно уверен, что гордость и любовь, два прекрасных чувства, доведённых до высшего своего выражения, не могут примириться. Как разрешится конфликт между чувством любви, не знающей границ, и чувством абсолютной гордости, который переживают удалой конокрад Лойко Зобар и строптивая, непокорная Радда? Горький восхищается красотой героев и их бескомпромиссностью, силой их чувств. Но вот Лойко всё-таки становится на колени (для цыгана это страшное унижение) перед Раддой на глазах всего табора...

Вопросы и задания для самостоятельного чтения

1. Почему рассказ, повествующий об истории Лойко и Радды, носит имя рассказчика – «Макар Чудра»?
2. Каковы жизненные ценности героев? Каково их понимание свободы?
3. Кто из героев: Лойко или Радда – оказался в выборе между любовью и свободой сильнее? Почему любовь и стремление к свободе оказываются для героев несовместимы?
4. Как в рассказе выражена авторская позиция?

Глава 2

«ТЫ НАВСЕГДА В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛ»

*«Я ищущего того, кто похож на окно,
распахнутое на море»*

Литературная разминка

Что вам известно о сказке «Маленький принц» и о её авторе?

Знаменитый писатель-лётчик, романтик, защищавший гуманистические идеалы в кабине самолёта и за письменным столом, – таким Антуан де Сент-Экзюпери вошёл в историю литературы XX в. «Для меня летать и писать – одно и то же, – утверждал он. – Главное – действовать, главное – найти себя. Авиатор и писатель сливаются: оба в равной степени познают мир». Двойную страсть – к художественному творчеству и к технике – Экзюпери пронёс через всю жизнь.

Он принадлежал к старинному дворянскому роду, представители которого упоминались в летописях с 1235 г. Кроме Антуана, в семье было ещё четверо детей. Отец умер рано, и мать стремилась восполнить эту утрату своей любовью, нежностью и заботой. Для Антуана мать навсегда осталась самым дорогим и близким человеком. В одном из писем двадцатидвухлетний Экзюпери признавался ей: «Ваши письма помогают мне жить, они приносят мне свежесть. Мамочка, откуда Вы берёте эти чудесные слова? Целый день нахожусь под их впечатлением. Вы нужны мне так же, как в детстве... Вы – лучшее, что есть у меня в жизни... единственная отрада, когда у меня тяжело на душе. Только Вы – моя защита, только Вы всё знаете и можете меня утешить».

Детские годы писателя прошли в родовом замке Ла Моль, в котором царил почти сказочная атмосфера. Настоящей сокровищницей тайн далёкого прошлого казался детям чердак замка. Чарующие сказки, семейный уют, весёлые детские праздники и игры – вот из чего был соткан солнечный мир детства Антуана. Глубокую связь с ним писатель ощущал до конца своих дней. Детство было для него больше чем светлым воспомина-

Антуан де Сент-
Экзюпери
(1900–1944)

Памятник А. де Сент-Экзюпери и Маленькому принцу в Лионе (Франция, скульптор К. Гийобе)

нием – оно было его духовной «отчиной». «Я родом из детства, – говорил писатель, – я пришёл из детства, словно из страны».

В то же время он был «родом» из XX столетия. С детства увлекавшийся техникой и изобретательством, Экзюпери выбрал профессию лётчика.

Свободное от полётов время Экзюпери посвящал литературному творчеству. В своих книгах он преимущественно описывал то, что пережил сам, или пересказывал истории, услышанные от товарищей. Герои его книг «Южный почтовый», «Ночной полёт», «Планета людей», «Военный лётчик» – отважные, благородные, влюблённые в свою профессию люди. Они счастливы в полёте и страдают на земле, где им слишком часто приходится сталкиваться с косностью и скукой обыденной жизни. Их объединяют готовность мужественно выдержать любые испытания, верность товарищеским узам и чувство

ответственности за других людей. Это чувство Сент-Экзюпери ценил превыше всего. «Моя духовная культура, – говорил он, – наследуя Богу, сделала каждого ответственным за всех людей и всех людей – за каждого... Человек, воспитанный в этих правилах, обладал бы силой могучего дерева. Какое пространство мог бы он охватить своими корнями!» Идеал человека, чей гуманизм заключается в ответственности за судьбы близких и далёких людей, за судьбы человечества и всей планеты, писатель утверждал и в своих художественных произведениях.

В годы Второй мировой войны Экзюпери, здоровье которого было подорвано травмами, полученными в авиакатастрофах, добился того, чтобы его приняли на службу в военно-разведывательную авиацию. Во время одного из разведывательных вылетов он пропал без вести. В 1998 г. в море близ Марселя рыбак обнаружил браслет писателя, а в 2003 г. со дна были подняты обломки самолёта. Экспертиза показала, что это самолёт Экзюпери...

Незадолго до гибели А. де Сент-Экзюпери написал сказку «Маленький принц», которой была суждена слава шедевра мировой литературы. Она стала своеобразным духовным завещанием писателя, причём завещанием, адресованным не только детям, но и взрослым. «Печальная и насмешливая сказка эта, – отмечала переводчица Н. Галь, – мудрая и человеческая, и автор её не только поэт, но и философ. Просто и проникновенно... говорит он о самом важном. О долге и верности. О дружбе и любви, о горячей, деятельной любви к жизни и к людям. О нетерпимости к злу. И о том, каким же быть человеку на этой ещё не очень-то устроенной, подчас недоброй, но любимой и единственной нашей планете Земля». В этой сказке писатель высказал свои самые заветные мысли о поиске путей к тому, чтобы наполнить человеческую жизнь высшим смыслом и настоящим счастьем.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о детских годах А. де Сент-Экзюпери. Что имел в виду писатель, когда говорил: «Я родом из детства, я пришёл из детства, словно из страны?»

2. **Работа в парах.** Обсудите смысл высказывания А. де Сент-Экзюпери: «Самолёт – не цель, только средство. Жизнь рискуешь не ради самолёта. Ведь не ради плуга пашет крестьянин. Но самолёт помогает вырваться из города, от счетоводов и пильщиков, и вновь обрести ту истину, которой живёт крестьянин».

«...Ничего нет драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком»

Литературная разминка

Приведите примеры, свидетельствующие о мужестве, проявленном писателем-лётчиком за годы службы в авиации.

Опасность профессии лётчика Экзюпери в полной мере испытал на себе. Дважды он попадал в аварии, из которых чудом выбирался живым. Об одной из них, пережитой им вместе с товарищем Жаном Прево во время перелёта через Ливийскую пустыню, писатель рассказывал: «Мы оказались в трудном положении. Наши припасы были уничтожены. Мы остались без воды и, кроме того, могли лишь приблизительно, с погрешностью до трёхсот километров определить своё местонахождение в пустыне...»

Этот эпизод нашёл отражение в сказке «Маленький принц».

Перед чтением

Читая сказку А. де Сент-Экзюпери, постарайтесь понять иносказательный смысл её образов. Обратите внимание на рисунки автора.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(В сокращении)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый – мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту, когда он был маленьким.

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея – удав – глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

– Разве шляпа страшная? – возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника.

Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумнее и понятливее других, я показывал ему свой рисунок № 1 – я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, – и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

– Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

– А?..

– Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать...

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

– Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

– Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, – и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

– Всё равно. Нарисуй барашка. (...)

Как ни старался рассказчик, рисунок не устраивал маленького незнакомца.

Тут я потерял терпение – ведь мне надо было поскорей разобрать мотор – и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

– Вот тебе ящик. А в нём сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

– Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

– А что?

– Ведь у меня дома всего очень мало...

– Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

– Не такой уж он маленький... – сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. – Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чём-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне всё от-

крылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

– Что это за штука?

– Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

– Как! Ты упал с неба?

– Да, – скромно ответил я.

– Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям отно-

сились серьёзно. Потом он прибавил:

– Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» – подумал я и спросил напрямик:

– Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолёт:

– Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чём-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось моё любопытство от этого полупризнания о «других планетах».

И я попытался разузнать побольше:

– Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

– Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

– Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

– Привязывать? Для чего это?

– Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

– Да куда же он пойдёт?

– Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьёзно:

– Это не страшно, ведь у меня там очень мало места. И прибавил не без грусти:

– Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь... (...)

Оказалось, что родной планетой Маленького принца был астероид В-612, который с Земли трудно увидеть даже в телескоп. Это была крошечная планета, величиной с дом, но Маленький принц считал её самой прекрасной...

(...) На планете Маленького принца, как и на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землёй, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть растёт на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать её с корнем, как только её узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут её на клочки.

– Есть такое твёрдое правило, – сказал мне позднее Маленький принц. – Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые...

Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика... (..)

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришёл к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

– Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

– Он ест всё, что попадётся.

– Даже такие цветы, у которых шипы?

– Да, и те, у которых шипы.

– Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение моё становилось серьёзным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

– Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпения, и я ответил наобум:

– Шипы ни зачем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

– Вот как!

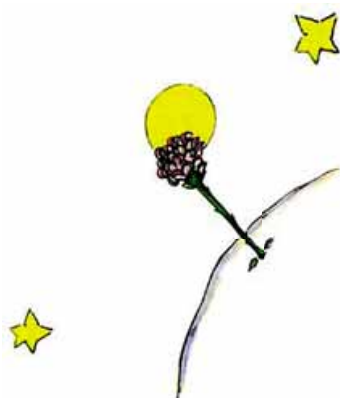
Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

– Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают – если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

– А ты думаешь, что цветы...

– Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьёзным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении:

– Серьёзным делом?!

Он всё смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

– Ты говоришь, как взрослые! – сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

– Всё ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

– Я знаю одну планету, там живёт такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьёзный! Я человек серьёзный!» – совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

– Что?

– Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

– Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки всё-таки едят цветы. Так неужели же это не серьёзное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это неважно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьёзнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растёт только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмёт да и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это всё, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

– Если любишь цветок – единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звёзд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живёт мой цветок...» Но если барашек съест его, это всё равно, как если бы все звёзды разом погасли! И это, по-твоему, неважно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете – на моей планете, по имени Земля, – плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я плохо понимал, что говорю. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слёз.

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы – у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесённого неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нём появился бутон. Маленький принц никогда ещё не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, ещё скрытая в стенах своей зелёной комнатки, всё готовилась, всё прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрёпанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всём блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Тайнственные приготовления длились день за днём. И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позёвывая:

– Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я ещё совсем растрёпанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

– Как вы прекрасны!

– Да, правда? – был тихий ответ. – И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

– Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У неё было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

– Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

– На моей планете тигры не водятся, – возразил Маленький принц. – И потом, тигры не едят траву.

– Я не трава, – обиженно заметил цветок.

– Простите меня...

– Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... – подумал Маленький принц. – Какой трудный характер у этого цветка».

– Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё зёрнышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

– Где же ширма?

– Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его всё-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

– Напрасно я её слушал, – доверчиво сказал он мне однажды. – Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто посмотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И ещё он признался:

– Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я ещё не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелётными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был ещё один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. (...)

Не без грусти Маленький принц вырвал также последние ростки баобабов... А когда он в последний раз полил и собрался накрыть колпаком чудесный цветок, ему даже захотелось плакать.

– Прощайте, – сказал он.

Красавица не ответила.

– Прощайте, – повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

– Я была глупая, – сказала она наконец. – Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрёка. Маленький принц был очень удивлён. Он застыл, смущённый и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

– Да, да, я люблю тебя, – услышал он. – Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

– Но ветер...

– Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдёт мне на пользу. Ведь я – цветок.

– Но звери, насекомые...

– Должна же я стерпеть двух-трёх гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

– Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти – так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое впечатление произвели на вас детские рисунки рассказчика? Почему взрослые их не восприняли? Смогли бы вы понять эти рисунки без комментария рассказчика? Как оценка взрослых повлияла на дальнейшую судьбу героя?

2. Объясните, при каких обстоятельствах рассказчик очутился в Сахаре. Чем его поразила встреча с Маленьким принцем? Передаёт ли нарисованный им портрет характер мальчика?

3. Как жилось Маленькому принцу на его планете? Какой иносказательный смысл заключён в образе баобабов, с которыми он постоянно боролся? Какими качествами должен был обладать мальчик, чтобы вести такую борьбу?

4. Расскажите о том, как Маленький принц ухаживал за своим цветком. Выразительно прочитайте отрывок, в котором описывается раскрытие бутона. Какие черты характера героя отразились в этом описании? Любил ли Маленький принц свою розу? Понимал ли её? Чему научили его отношения с цветком? Подкрепите свой ответ цитатами.

5. **Подискутируйте!** Каково иносказательное значение образа розы?

Консультация литературоведа

Сент-Экзюпери написал необычную сказку о необычном Маленьком принце. Ведь в центре внимания здесь – не приключения мальчика, а его наблюдения и размышления над жизнью. Иначе говоря, перед нами – аллегорический сюжет, состоящий из событий, которые представляют собой аллегорические воплощения различных нравственно-философских вопросов. А ответы на них звучат из уст Маленького принца. Возможно, кому-то эти ответы покажутся несколько «детскими», но на самом деле они превосходят своей мудростью многие общепринятые в мире взрослых суждения. Умозаключения Маленького принца придают сказке поучительный смысл.

Аллегорическими в произведении являются все персонажи. Маленький принц олицетворяет по-детски чистый, не искажённый взрослыми представлениями взгляд на мир. Даже Сахару следует воспринимать не как реально существующую местность, а как иносказательный образ, означающий внезапную остановку в потоке повседневности, когда человек оказывается один на один со своей душой и задумывается над важными жизненными вопросами. Иными словами, перед нами не просто сказка, а философская сказка-притча.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Сказка-притча – произведение, которое поднимает нравственно-философские вопросы, содержит фантастические элементы, имеет поучительно-аллегорический сюжет, построенный на скрытом сравнении.

Аллегорический принцип построения произведения предполагает, что иносказательное значение изображаемых в нём событий, ситуаций и разговоров следует извлекать из *подтекста*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Подтэкст – неявный, скрытый смысл художественных образов, отдельных эпизодов или даже всего сюжета произведения.

На первой планете, которую посетил Маленький принц, жил король, у которого не было подданных. На следующей планете жил честолюбец, необычайно собой гордившийся и требовавший, чтобы все им восхищались. Маленький принц поторопился с ним проститься и вскоре очутился на третьей планете. Её обитатель был пьяницей. Он стыдился того, что пил, но продолжал пить, чтобы забыть стыд. Коротко поговорив с ним, Маленький принц полетел дальше.

XIII

Четвёртая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

– Добрый день, – сказал ему Маленький принц. – Ваша папироса погасла.

– Три да два – пять. Пять да семь – двенадцать. Двенадцать да три – пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь – двадцать два. Двадцать два да шесть – двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять – тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

– Пятьсот миллионов чего?

– А? Ты ещё здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю чего... У меня столько работы! Я человек серьёзный, мне не до болтовни! Два да пять – семь...

– Пятьсот миллионов чего? – повторил Маленький принц: спросив о чём-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

– Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за всё время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет

тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьёзный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

– Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

– Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

– Это что же, мухи?

– Да нет же, такие маленькие, блестящие.

- Пчёлы?
- Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьёзный. Мне мечтать некогда.
- А, звёзды?
- Вот-вот. Звёзды.
- Пятьсот миллионов звёзд? Что же ты с ними делаешь?
- Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьёзный, я люблю точность.
- Так что же ты делаешь со всеми этими звёздами?
- Что делаю?
- Да.
- Ничего не делаю. Я ими владею.
- Владеешь звёздами?
- Да.
- Но я уже видел короля, который...
- Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.
- А для чего тебе владеть звёздами?
- Чтоб быть богатым.
- А для чего быть богатым?
- Чтобы покупать ещё новые звёзды, если их кто-нибудь откроет...
- А как можно владеть звёздами?
- Звёзды чьи? – ворчливо спросил делец.
- Не знаю. Ни чьи.
- Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.
- И этого довольно?
- Ну конечно. Если ты найдёшь алмаз, у которого нет хозяина, – значит, он твой. Если ты найдёшь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придёт в голову какая-нибудь идея, ты берёшь на неё патент: она твоя. Я владею звёздами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.
- Вот это верно, – сказал Маленький принц. – И что же ты с ними делаешь?
- Распоряжаюсь ими, – ответил делец. – Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьёзный.
- Однако Маленькому принцу этого было мало.
- Если у меня есть шёлковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, – сказал он. – Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звёзды!
- Нет, но я могу положить их в банк.
- Как это?
- А так: пишу на бумажке, сколько у меня звёзд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.
- И всё?
- Этого довольно.
- «Забавно! – подумал Маленький принц. – И даже поэтично. Но не так уж это серьёзно».
- Что серьёзно, а что не серьёзно, – это Маленький принц понимал по своему, совсем не так, как взрослые.

– У меня есть цветок, – сказал он, – и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звёздам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашёлся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда паразитальный народ», – простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятая. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал: «Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе всё-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь – как будто рождается ещё одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь – как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

– Добрый день, – сказал он. – Почему ты сейчас погасил фонарь?

– Такой уговор, – ответил фонарщик. – Добрый день.

– А что это за уговор?

– Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

– А зачем же ты опять его зажжёг?

– Такой уговор, – повторил фонарщик.

– Не понимаю, – признался Маленький принц.

– И понимать нечего, – сказал фонарщик, – уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утёр пот со лба и сказал:

– Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

– А потом уговор переменялся?

– Уговор не менялся, – сказал фонарщик. – В том-то и беда! Моя планета год от году вращается всё быстрее, а уговор остаётся прежний.

– И как же теперь? – спросил Маленький принц.

– Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

– Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

– Ничего тут нет забавного, – возразил фонарщик. – Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

– Целый месяц?!

– Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему всё больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

– Послушай, – сказал он фонарщику, – я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

– Мне всё время хочется отдыхать, – сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и всё-таки ленивым.

– Твоя планетка такая маленькая, – продолжал Маленький принц, – ты можешь обойти её в три шага. И тебе просто нужно идти с такой скоростью, чтобы всё время оставаться на солнце. Когда тебе захочется отдохнуть, ты просто всё иди, иди... и день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

– Ну, от этого мне мало толку, – сказал фонарщик. – Больше всего на свете я люблю спать.

– Тогда плохо твоё дело, – посочувствовал Маленький принц.

– Плохо моё дело, – подтвердил фонарщик. – Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек, – сказал себе Маленький принц, продолжая путь, – вот человек, которого все стали бы презирать – и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех только он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот с кем я мог бы подружиться, – подумал он ещё. – Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...» (...)

На шестой планете жил географ. Всю свою жизнь он посвятил описанию океанов, гор, рек, городов, но при этом не совершил ни одного путешествия.

Седьмой планетой оказалась Земля.

XVII

(...) Попав на землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

– Добрый вечер, – сказал на всякий случай Маленький принц.

– Добрый вечер, – ответила змея.

– На какую это планету я попал?

– На Землю, – сказала змея. – В Африку.

– Вот как. А разве на Земле нет людей?

– Это пустыня. В пустынях никто не живёт. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

– Хотел бы я знать, зачем звёзды светятся, – задумчиво сказал он. – Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вот моя планета – как раз прямо над нами... Но как до неё далеко!

– Красивая планета, – сказала змея. – А что ты будешь делать здесь, на Земле?

– Я поссорился со своим цветком, – признался Маленький принц.

– А, вот оно что...

И оба умолкли.

– А где же люди? – вновь заговорил наконец Маленький принц. – В пустыне всё-таки одиноко...

– Среди людей тоже одиноко, – заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на неё.

– Странное ты существо, – сказал он. – Не толще пальца...

– Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, – возразила змея.

Маленький принц улыбнулся:

– Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

– Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, – сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

– Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, – сказала она. – Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

– Мне жаль тебя, – продолжала змея. – Ты так слаб на этой Земле, жёсткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

– Я прекрасно понял, – сказал Маленький принц. – Но почему ты всё время говоришь загадками?

– Я решаю все загадки, – сказала змея.

И оба умолкли. (...)

XX

Долго шёл Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрёл на дорогу. А все дороги ведут к людям.

– Добрый день, – сказал он. Перед ним был сад, полный роз.

– Добрый день, – отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

– Кто вы? – спросил он, поражённый.

– Мы – розы, – отвечали розы.

– Вот как... – промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! – подумал Маленький принц. – Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду умерла бы, лишь бы унижить и меня тоже...» А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана

ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лёг в траву и заплакал.

Вот тут-то и появился Лис.

– Здравствуй, – сказал он.

XXI

– Здравствуй, – вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

– Я здесь, – слышался голос. – Под яблоней...

– Кто ты? – спросил Маленький принц. – Какой ты красивый!

– Я – Лис, – сказал Лис.

– Поиграй со мной, – попросил Маленький принц. – Мне так грустно...

– Не могу я с тобой играть, – сказал Лис. – Я не приручен.

– Ах, извини, – сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

– А как это – приручить?

– Ты не здешний, – заметил Лис. – Что ты здесь ищешь?

– Людей ищу, – сказал Маленький принц. – А как это – приручить?

– У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И ещё они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

– Нет, – сказал Маленький принц. – Я ищу друзей. А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький принц. – Была одна роза... наверно, она меня приручила...

– Очень возможно, – согласился Лис. (...) – Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живётся мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовёт меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом – смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чём мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

– Пожалуйста... приручи меня!

– Я бы рад, – отвечал Маленький принц, – но у меня так мало времени. Мне ещё надо найти друзей и узнать разные вещи.

– Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

– А что для этого надо делать? – спросил Маленький принц.

– Надо запастись терпением, – ответил Лис. – Сперва сядь вон там, поодаль, на траву – вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днём садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришёл на то же место.

– Лучше приходи всегда в один и тот же час, – попросил Лис. – Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить своё сердце... (..)

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

– Я буду плакать о тебе, – вздохнул Лис.

– Ты сам виноват, – сказал Маленький принц. – Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

– Да, конечно, – сказал Лис.

– Но ты будешь плакать!

– Да, конечно.

– Значит, тебе от этого плохо.

– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

– Поди взгляни ещё раз на розы. Ты поймёшь, что твоя роза – единственная в мире. А когда вернёшься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошёл взглянуть на розы. (..)

– Вы красивые, но пустые... Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая

же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это её, а не вас я поливал каждый день. Её, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Её загоразивал ширмой, оберегая от ветра. Для неё убивал гусениц, только двух или трёх оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она – моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

– Прощай... – сказал он.

– Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

– Потому что я отдавал ей всю душу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить. (...)

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию...

– Да, – сказал я Маленькому принцу, – всё, что ты рассказываешь, очень интересно, но я ещё не починил свой самолёт, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

– Лис, с которым я подружился...

– Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

– Почему?

– Да потому, что придётся умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

– Хорошо, когда есть друг, даже если надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня – и промолвил:

– Мне тоже хочется пить... пойдём поищем колодец...

Я устало развёл руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне. Но всё-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звёзды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне всё вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

– Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

– Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать. Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

– Звёзды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

– Да, конечно, – сказал я только, глядя на волнистый песок, освещённый луною.

– И пустыня красивая... – прибавил Маленький принц... – Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражён, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме – рассказывали, будто в нём запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своём он скрывал тайну...

– Да, – сказал я. – Будь то дом, звёзды или пустыня – самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

– Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, – отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошёл дальше. Я был взволнован. Так я шёл – и на рассвете дошёл до колодца.

XXV

(...) Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец – просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но поблизости не было никакой деревни, и я подумал, что это сон.

– Как странно, – сказал я Маленькому принцу, – тут всё приготовлено: и ворот, и ведро, и верёвка...

Он засмеялся, тронул верёвку, стал раскручивать ворот. И ворот закрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

– Слышишь? – сказал Маленький принц. – Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

– Я сам зачерпну воды, – сказал я, – тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надёжно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня ещё отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре ещё дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

– Мне хочется глотнуть этой воды, – промолвил Маленький принц. – Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднёс ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звёздами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была, как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на ёлке, пеньем органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

– На твоей планете, – сказал Маленький принц, – люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

– Не находят, – согласился я.

– А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

– Да, конечно, – согласился я.

И Маленький принц сказал:

– Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мёд. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

– Знаешь, – сказал он, – завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

– Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Всё-таки я спросил:

– Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел ещё сильнее. А я прибавил нерешительно:

– Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

– Мне страшно... – со вздохом начал я.

Но он сказал:

– Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе... Когда даёшь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и ещё издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос:

– Разве ты не помнишь? – говорил он. – Это было совсем не здесь. Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

– Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

– Ну, конечно. Ты найдёшь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я всё ещё ничего не видел. После недолгого молчания Маленький принц спросил:

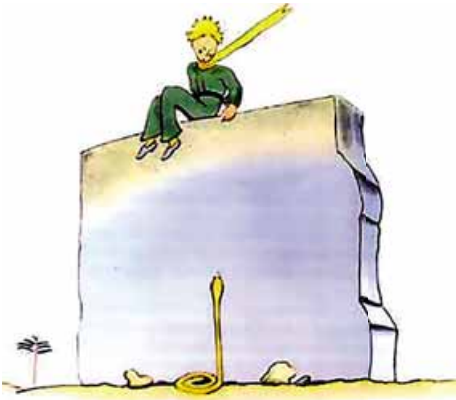
– А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце моё сжалось, но я всё ещё не понимал.

– Теперь уходи, – сказал Маленький принц. – Я хочу прыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась жёлтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

– Что это тебе вздумалось, малыш! – воскликнул я. – Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Я смочил ему виски и заставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чём спрашивать. Он серьёзно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьётся его сердце, словно у подстреленной птицы. Он ска-

зал:

– Я рад, что ты нашёл, в чём там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

– Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолёт!

Он не ответил, он только сказал:

– И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

– Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Всё было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно маленького ребёнка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать... (...)

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеётся? Этот смех для меня – точно родник в пустыне.

– Малыш, я хочу ещё послушать, как ты смеёшься...

Но он сказал:

– Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

– Послушай, малыш, ведь всё это – и змея, и свиданье со звездой – просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

– Самое главное – то, чего не увидишь глазами... – сказал он.

– Да, конечно...

– Это как с цветком. Если любишь цветок, что растёт где-то на далёкой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звёзды расцветают.

– Да, конечно...

– Это как с водой. Когда ты дал мне напиток, та вода была, как музыка, а всё из-за ворота и верёвки... Помнишь? Она была очень хорошая.

– Да, конечно...

– Ночью ты посмотришь на звёзды. Моя звезда очень маленькая, я не могу её тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто – одна из звёзд. И ты полюбишь смотреть на звёзды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

– Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеёшься!

– Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

– Как так?

– У каждого человека свои звёзды. Одним – тем, кто странствует, – они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для учёных они – как задача, которую надо решить. Для моего дельца они – золото. Но для всех этих людей звёзды – немые. А у тебя будут совсем особенные звёзды...

– Как так?

– Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, – и ты услышишь, что все звёзды смеются. У тебя будут звёзды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

– И когда ты утешься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнёшь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеёшься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звёзды!» И они подумают, что ты сошёл с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

– Как будто вместо звёзд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьёзен:

– Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

– Я тебя не оставлю.

– Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

– Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

– Видишь ли... это ещё из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

– Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

– Правда, на двоих у неё не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушёл. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шёл быстрым, решительным шагом.

– А, это ты... – сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

– Напрасно ты идёшь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

– Видишь ли... это очень далеко. Моё тело слишком тяжёлое. Мне его не унести.

Я молчал.

– Но это всё равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но всё-таки сделал ещё одно усилие:

– Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звёзды. И все звёзды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...

Я молчал.

– Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня – пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

– Вот мы и пришли. Дай мне сделать ещё шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

– Знаешь... моя роза... я за неё в ответе, а она такая слабая! И такая простодушная. У неё только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

– Ну вот и всё...

Помедлил ещё минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно жёлтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал – медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я ещё ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было...

И всё же понемногу я утешился. То есть... не совсем. Но я знаю: он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашёл на песке его тела. Не такое уж оно было тяжёлое. А по ночам я люблю слушать звёзды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...». Тогда я счастлив. И все звёзды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... тогда всё может случиться!...» И тогда все бубенцы плачут...

Всё это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не всё равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в неизвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел незнакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или её уже нет? Вдруг барашек её съел?» И вы увидите: всё станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймёт, как это важно! (...)

Перевод с французского Н. Галь

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Расскажите об обитателях крошечных планет, с которыми Маленький принц познакомился во время своего путешествия. В чём проявляется бессмысленность их жизненных целей и занятий? Как оценивает их существование Маленький принц?
2. О ком из жителей других планет Маленький принц сказал: «...из них всех только он один, по-моему, не смешон... Вот с кем я мог бы подружиться...»? На каких выводах основывалась эта оценка?
3. Какой увидел Землю юный путешественник? Как он себя здесь чувствовал в первое время после прибытия?
4. Как вы думаете, почему Маленький принц расплакался, обнаружив, что в мире существует много цветов, похожих на его розу?
5. Расскажите о том, как мальчик подружился с Лисом. Какие жизненные уроки преподнёс ему мудрый Лис? А чем эти уроки обогатили вас?
6. Какую помощь Маленький принц оказал рассказчику? Приведите в качестве примера соответствующие эпизоды и цитаты. Считаете ли вы эту помощь волшебством?
7. Как Маленький принц покинул Землю? Какие чувства у вас вызвала эта сцена? Почему лётчик не помешал его планам? Раскройте символический подтекст образа змеи.
8. Как в сказке изображается мир взрослых? Почему автор судит его устами Маленького принца?
9. Расскажите о ложных и истинных целях человеческой жизни, которые Маленький принц постигает во время своих странствий. А что он открывает для рассказчика? Приведите цитаты.

10. Работа в парах. Кто и при каких обстоятельствах произносит эти слова?

1. Хотел бы я знать, зачем звёзды светятся... Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. 2. Узнать можно только те вещи, которые приручишь.... 3. ...Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь. 4. ...Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. 5. Вода бывает нужна и сердцу.... 6. Знаешь, отчего хороша пустыня?... Где-то в ней скрываются родники... 7. Надо... судить не по словам, а по делам. 8. Когда даёшь себя приручить, потом случается и плакать.

11. Творческая работа. Подготовьте мини-презентацию наиболее важных для вас мыслей, содержащихся в сказке-притче А. де Сент-Экзюпери.

12. Перечертите в тетрадь таблицу и сопоставьте сказку Сент-Экзюпери с любой литературной сказкой. Каковы основные различия между этими произведениями?

А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»	
Сходство:	
Различия:	

14. Работа в группах. Выполните одно из предложенных заданий.

А. Нарисуйте в тетради маршрут путешествия Маленького принца. Какими двумя-тремя «пунктами» вы могли бы его дополнить? Подготовьте о них устный рассказ.

Б. Представьте, что перед тем, как отбыть с Земли, Маленький принц оставил рассказчику небольшое письмо, в котором поделился своими мыслями о жизни. Придумайте текст такого письма.

В. Представьте, что, расставшись с Маленьким принцем, рассказчик случайно встретился с Лисом. Какой бы могла быть эта встреча? Опишите её.

Глава 3

«НАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА – ПРЕВРАЩАТЬ ЛЮБОЕ МЕСТО В ЦВЕТУЩИЙ САД»

«Самое ценное, что у нас есть, – это будущее...»

Литературная разминка

Вспомните фантастические произведения, которые вы читали в предыдущих классах. Назовите основные признаки фантастики.

Аркадий Натанович
Стругацкий
(1925–1991)

Борис Натанович
Стругацкий
(1933–2012)

Быть писателем-фантастом – это значит творить новый мир, который живёт по своим собственным законам. Аркадию и Борису Стругацким – легенде такого непростого литературного жанра как научная фантастика – удалось создать свои миры.

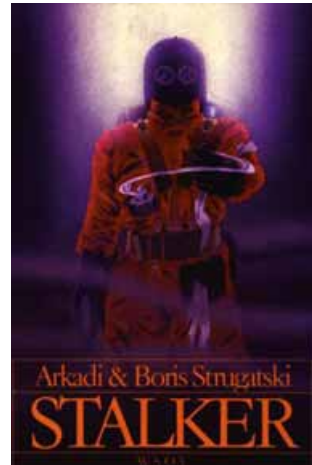
Аркадий Стругацкий родился в городе Батуми. Вскоре семья Стругацких переехала в Ленинград. Там родился Борис. Родители будущих писателей были образованными и интеллигентными людьми: отец был искусствоведом, а мама – учительницей русского языка и литературы. Братья Стругацкие всегда были очень дружны. Во время Второй мировой войны братья пережили голодную блокадную зиму в осаждённом Ленинграде. Аркадий уже был подростком, поэтому работал на строительстве укреплений и в гранатной мастерской.

Братья Стругацкие выбрали необычные профессии: старший стал переводчиком с японского, младший закончил университет по специальности «астроном» и работал в Пулковской обсерватории. В конце 50-х гг. литература стала главным делом жизни братьев. Большая часть созданных ими произведений написана в соавторстве.

За несколько лет братья Стругацкие становятся популярными писателями, но во второй половине 60-х гг. в партийно-правительственных верхах признали их социальную фантастику «опасной» и перестали печатать.

Но уже на рубеже 70–80-х гг. фантастика Стругацких стала активно печататься и экранизироваться. Придуманые Стругацкими внеземные цивилизации чаще всего отстают от земных.

С Земли на такую планету отправляется «прогрессор», который следит за историческим развитием инопланетной цивилизации. Авторы интересуются, имеет ли право просвещённый землянин «подтолкнуть» цивилизацию, стоящую на более низкой ступени развития, и ускорить её движение к осознанию гуманистических ценностей. Ответить на этот вопрос оказывается чрезвычайно сложно... Литературный критик С. Чупринин писал:

Обложки изданных в разных странах произведений А. и Б. Стругацких

«Эти чуткие к требованиям дня писатели бьют в одну и ту же точку. Недаром доказывают, что недопустимы, нравственно преступны эксперименты над человеком и обществом, даже если экспериментаторы движимы самыми вроде бы добрыми побуждениями... Недаром, не боясь повториться, убеждают, что добро, породившееся с насилием, неминуемо перерождается в зло – и тем более опасное, что оно-то по-прежнему считает себя добром...». Тема «прогрессорства» раскрывается в таких произведениях Стругацких, как «Трудно быть богом», «Обитаемый остров» и «Парень из преисподней». Писатели сделали вывод из многолетнего исследования возможного будущего: «Никакой технический прогресс не принесёт счастья человечеству, если основой его не станет Человек Воспитанный, который сможет избавиться от “внутренней обезьяны”».

Комментарий литературоведа

Биограф Стругацких рассказывает, как происходила совместная работа: «Сначала вещь задумывается – в самом общем виде, – и начинается процесс созревания, который может длиться годы. Разумеется, братья думают врозь, каждый у себя дома. В некий момент они съезжаются и делают полный конспект будущего произведения: общая идея, сюжет, персонажи, разбивка на главы, иногда даже ключевые фразы... Затем, как правило, разъезжаются и шлифуют конспект поодиночке... Пишут на машинке, под копирку. Один из братьев за машинкой, другой рядом... Пишут практически начисто и очень быстро, по многу часов... машинка тарыхтит с утра до ночи безостановочно, как пулемёт. Отписавшись, забирают каждый по экземпляру и потом правят дома...».

Самая весёлая фантастическая повесть писателей – «Понедельник начинается в субботу». Её подзаголовок «Повесть-сказка для научных работников младшего возраста» сразу создаёт особое настроение. Главный герой повести Привалов, сотрудник Научно-исследовательского института чародейства и волшебства (НИИЧАВО), рассказывает читателям о научно-ма-

гическом институте, о своих магах-коллегах, о научно-волшебных загадках, которые приходится разгадывать.

Повесть А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» – полная противоположность этой весёлой доброй сказке. Сюжет повести разворачивается вокруг контакта Земли с непонятным космическим объектом чужой цивилизации. Этот контакт обернулся настоящим кошмаром для жителей шести больших Зон на поверхности планеты. В Зонах разбросаны предметы, назначение которых земным учёным никак не удаётся объяснить. Эти предметы обладают разной силой: что-то несёт людям смертельную опасность, а кое-что может служить толчком к научному прогрессу. И хотя Зоны охраняются, сталкеры¹, отчаянно смелые люди, наладили полукриминальный «бизнес» и приносят оттуда опасные и баснословно дорогие предметы. Сталкер Рэдрик Шухарт отправляется в Зону за Золотым шаром – предметом, который исполняет сокровенные желания людей. Подходя всё ближе к заветному шару, сталкер вспоминает всю свою жизнь и видит в ней очень мало счастливых моментов и бесконечно много зла, ненависти и корысти. Шухарт уже не знает, что и как ему попросить. И он молится о счастье для всего человечества. Один из любимых литературных приёмов Стругацких – открытый финал: действие достигает наивысшего напряжения, но читателю не суждено узнать, как сложится судьба героев. Так и история сталкера обрывается чуть ли не на полуслове.

С 1999 года ежегодно вручается Международная литературная премия им. А. и Б. Стругацких. Их книги печатались на 42 языках в 33 странах мира.

«Фантастика – это способ думать», – говорили братья Стругацкие. Это крылатое выражение можно считать их лозунгом. Опираясь на новейшие открытия науки и техники своего времени и силу творческого воображения, братья Стругацкие покоряют читателей смелой фантазией, мастерством, романтикой открытий и прозорливыми предсказаниями.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие факты из жизни братьев Стругацких вам запомнились?
2. Охарактеризуйте литературную деятельность братьев Стругацких. Какие произведения принесли им всемирную славу? Какова их основная тематика?
3. **Творческая работа.** Какие произведения братьев Стругацких читали вы? Подготовьте устный отзыв о прочитанном произведении и сделайте сообщение в классе.

*«Там, где торжествует серость,
к власти всегда приходят чёрные»*

Литературная разминка

Подумайте, какой мог бы увидеть земную историю прогрессор с другой планеты, стоящей на более высоком уровне развития.

Главный герой романа Стругацких «Трудно быть богом» – профессиональный прогрессор Антон (Румата Эсторский), который выполняет свою

¹ *Стáлкер* – от *to stalk* (англ.) – идти крадучись, подкрадываться.

научную миссию на третьей планете звезды ЕН-2097 Цурэнаку в Арканарском королевстве. В королевстве, которым на самом деле правит не король, а жестокий тиран дон Рэба, человеческая жизнь ничего не стоит. Антон не может равнодушно относиться к боли и смерти других людей. Он терпит, сдерживается, не имея полномочий вмешиваться в действие исторических законов на далёкой планете.

В финале романа прогрессор Антон-Румата на минуту в самом деле играет роль бога в разговорах с жителями планеты, которых он перед тем вызволил из средневековых застенков, – лекарем Будахом и мятежником Аратой Горбатым. Собеседники дают землянину свои советы, что бог должен сделать в чрезвычайно трудной ситуации, в которой оказалось королевство Арканар. Философ и врачеватель Будах обращается к Румате: «Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!» На что Антон отвечает: «Но стоит ли лишать человечество его истории? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?» Поэтому Румата отказывается дать своё оружие («молнии») мятежнику Арате, который в результате просит его уйти: «Вам не следовало спускаться с неба... Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам». Именно тогда Румата подумал: «Трудно быть богом»...

Перед чтением

Какую роль в сюжете романа играют элементы фантастики и приключенческой литературы?

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

(Отрывки)

Землянин Антон, сотрудник земного Института Экспериментальной Истории, под видом знатного дворянина Руматы Эсторского выполняет миссию в Арканарском королевстве на одной из обитаемых планет, уровень развития цивилизации которой соответствует земному Средневековью. Его деятельность на планете ограничена рамками Проблемы Бескровного Воздействия, согласно которой история Арканара должна развиваться самостоятельно, без вмешательства землян, а всё, что допустимо для исследователей, – защищать арканарцев от исторических ошибок, пережитых в своё время земной цивилизацией.

Антон взволнован положением дел в Арканаре: идут гонения на «грамотеев», спасение учёных и поэтов становится всё более опасным. Дон Кондор советует Румате быть терпеливым и выжидать, ничего не предпринимая, помнить, что они просто наблюдатели. Но в Арканарском королевстве происходят страшные вещи...

Глава 3

(...) А главное – это ощущение наползающей тени. Непонятно, чья, непонятно, откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратимо...

Эта неотвратимость чувствовалась по всёму. И в том, что штурмовики, которые ещё совсем недавно трусливо жалась к казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что го-

рожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьёзными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены «возмущённым народом» все лавочки, торгующие раритетами, – единственные места в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мёртвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшение города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе чёрным гнилым зубом, спаленная «случайным пожаром». И в том, что потребление спиртного за два последних года выросло в четыре раза – в Арканаре-то, издревле славившемся безудержным пьянством! (...) И, наконец, в том, что старый стервятник Вага Колесо переселился в город, чуя большую поживу... Где-то в недрах дворца, в роскошных апартаментах, где подагрический король, двадцать лет не видевший солнца, из страха перед всем на свете подписывает один за другим жуткие приказы, обрекающие на мучительную смерть самых честных и бескорыстных людей, где-то там вызревал чудовищный гнойник, и прорыва этого гнойника надо было ждать не сегодня-завтра... (...)

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,

Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце... (...)

У спрута есть сердце. И мы знаем, где оно. И это всего страшнее, мой тихий, беспомощный друг. Мы знаем, где оно, но мы не можем разрубить его, не проливая крови тысяч запуганных, одурманенных, слепых, не знающих сомнения людей. А их так много, безнадежно много, тёмных, разъединённых, озлобленных вечным неблагодарным трудом, униженных, не способных ещё подняться над мыслишкой о лишнем медяке... И их ещё нельзя научить, объединить, направить, спасти от самих себя. Рано, слишком рано, на столетия раньше, чем можно, поднялась в Арканаре серая топь, она не встретит отпора, и остаётся одно: спасти тех немногих, кого можно успеть спасти. Будаха, Тарру, Нанина, ну ещё десяток, ну ещё два десятка...

Но одна только мысль о том, что тысячи других, пусть менее талантливых, но тоже честных, по-настоящему благородных людей фатально обречены, вызывала в груди ледяной холод и ощущение собственной подлости. Временами это ощущение становилось таким острым, что сознание помрачалось, и Румата словно наяву видел спины серой сволочи, озаряемые лиловыми вспышками выстрелов, и перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы и медленно обрушивающуюся внутрь себя Весёлую Башню... Да, это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело. Настоящее макроскопическое воздействие. Но потом... Да, они в Институте правы. Потом неизбежное. Кровавый хаос в стране. Ночная армия Ваги, выходящая на поверхность, десять тысяч головорезов, отлучённых всеми церквями, насильников, убийц, растлителей; орды меднокожих варваров, спускающиеся с гор и истребляющие всё живое, от младенцев до стариков; громадные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, в горы, в пустыни;

и твои сторонники – весёлые люди, смелые люди! – вспарывающие друг другу животы в жесточайшей борьбе за власть и за право владеть пулемётом после твоей неизбежно насильственной смерти... И эта нелепая смерть – из чаши вина, поданной лучшим другом, или от арбалетной стрелы, свистнувшей в спину из-за портъеры. И окаменевшее лицо того, кто будет послан с Земли тебе на смену и найдёт страну, обезлюдевшую, залитую кровью, догорающую пожарами, в которой всё, всё, всё придется начинать сначала... (...)

Вернувшись домой, Румата находит дожидаящуюся его Киру – девушку, которую он любит. Отец Киры – помощник писца в суде, брат – сержант у штурмовиков. Кира боится возвращаться домой: отец приносит из Весёлой Башни для переписки бумаги, забрызганные кровью, а брат приходит домой пьяный, грозит вырезать всех книжечеев до двенадцатого колена. Румата, желая оградить возлюбленную от жестокости окружающего мира, объявляет слугам, что Кира будет жить в его доме в качестве домоправительницы.

(...) Румата отступил от окна и прошёлся по гостиной. Это безнадежно, подумал он. Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений. Можно дать им всё. Можно поселить их в самых современных спектрогласовых домах и научить их ионным процедурам, и всё равно по вечерам они будут собираться на кухне, резаться в карты и ржать над соседом, которого лупит жена. И не будет для них лучшего времяпрепровождения. В этом смысле дон Кондор прав: Рэба – чужь, мелочь в сравнении с громадой традиций, правил стадности, освящённых веками, незабываемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождающих от необходимости думать и интересоваться. А дон Рэба не попадёт, наверное, даже в школьную программу. «Мелкий авантюрист в эпоху укрепления абсолютизма».

Дон Рэба, дон Рэба! Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается. Которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блестящий, впрочем, никакими особыми мыслями...

Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький, даже какой-то синеватый. Потом тогдашний первый министр был вдруг арестован и казнён, погибли под пытками несколько одуревших от ужаса, ничего не понимающих сановников, и словно на их трупах вырос исполинским бледным грибом этот цепкий, беспощадный гений посредственности. Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не великий и страшный человек, отдающий всю жизнь идее борьбы за объединение страны. (...) Это не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте... убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать. Шёпотом поговаривают даже, что он и не дон Рэба вовсе, что дон Рэба – совсем другой человек, а этот бог знает кто, оборотень, двойник, подменыш... (...)

Он упразднил министерства, ведающие образованием и благосостоянием, учредил министерство охраны короны, снял с правительственных

постов родовую аристократию и немногих учёных, окончательно развалил экономику, написал трактат «О скотской сущности земледельца» и, наконец, год назад организовал «охранную гвардию» – «Серые роты». За Гитлером стояли монополии. За доном Рэбой не стоял никто, и было очевидно, что штурмовики в конце концов сожрут его, как муху. Но он продолжал крутить и вертеть, нагромождать нелепость на нелепость, выкручивался, словно старался обмануть самого себя, словно не знал ничего, кроме параноической задачи – истребить культуру. (...)

Теперь вот ему понадобился Будах. Снова нелепость. Снова какой-то дикий финт. Будах – книгочей. Книгочая – на кол. С шумом, с помпой, чтобы все знали. Но шума и помпы нет. Значит, нужен живой Будах. Зачем? (...)

Глава 5

(...) Румата явился во дворец, слегка запоздав. Утренний приём уже начался. В залах толпился народ, слышался раздражённый голос короля и раздавались мелодичные команды министра церемоний, распоряжающегося одеванием его величества. Придворные в основном обсуждали ночное происшествие. Некий преступник с лицом ируканца проник во дворец, вооружённый стилетом, убил часового и ворвался в опочивальню его величества, где якобы и был обезоружен лично доном Рэбой, схвачен и по дороге в Весёлую Башню разорван в клочья обезумевшей от преданности толпой патриотов. Это было уже шестое покушение за последний месяц, и поэтому сам факт покушения интереса почти не вызвал. Обсуждались только детали. (...)

Румата мало-помалу продвигался в первые ряды разряженной, надушенной, обильно потеющей толпы. (...)

Королю натягивали чулки. (...)

Тут король, отпихнув камердинеров ногами, так резко повернулся к дону Рэбе, что живот его, похожий на туго набитый мешок, перекатился на одно колено.

– Мне надоели ваши покушения! – истерически завизжал он. – Покушения! Покушения! Покушения!.. Ночью я хочу спать, а не сражаться с убийцами! Почему нельзя сделать, чтобы они покушались днём? Вы дрянной министр, Рэба! Ещё одна такая ночь, и я прикажу вас удавить! (Дон Рэба поклонился, прижимая руку к сердцу.) После покушений у меня болит голова! ... А, Румата!.. Вы ещё живы? А Рэба обещал мне удавить вас! – он захихикал. – Он дрянной министр, этот Рэба. Он только и делает, что обещает. Обещал искоренить крамолу, а крамола растёт. Каких-то серых мужланов понапихал во дворец... Я болен, а он всех лейб-знахарей поперевешал.

– Я совсем больной, – продолжал король, – у меня же всё болит. Я хочу на покой. Я бы уже давно ушёл на покой, так вы же все пропадёте без меня, бараны... (...)

– Государь! – во весь голос сказал Румата, и ему показалось, что во дворце всё замерло. – Вам стоит приказать, и лучший лекарь Империи будет во дворце через полчаса!

Король оторопело уставился на него. Риск был страшный. Дону Рэбе стоило только мигнуть... Румата физически ощутил, сколько пристальных

глаз смотрят сейчас на него поверх оперения стрел, – он-то знал, зачем идут под потолком спальни ряды круглых чёрных отдушин. Дон Рэба тоже смотрел на него с выражением вежливого и благожелательного любопытства.

– Что это значит? – брюзгливо осведомился король. – Ну, приказываю, ну, где ваш лекарь?

Румата весь напрягся. Ему казалось, что наконечники стрел уже колют его лопатки.

– Государь, – быстро сказал он, – прикажите дону Рэбе представить вам знаменитого доктора Будаха!

Видимо, дон Рэба всё-таки растерялся. Главное было сказано, а Румата был жив. Король перекатил мутные глаза на министра охраны короны.

– Государь, – продолжал Румата, теперь уже не торопясь и надлежащим слогом. – Зная о ваших поистине невыносимых страданиях и памятуя о долге моего рода перед государями, я выписал из Ирукана знаменитого высокоучёного лекаря доктора Будаха. К сожалению, однако, путь доктора Будаха был прерван. Серые солдаты уважаемого дона Рэбы захватили его на прошлой неделе, и дальнейшая его судьба известна одному только дону Рэбе. Я полагаю, что лекарь где-то поблизости, скорее всего в Весёлой Башне, и я надеюсь, что странная неприязнь дона Рэбы к лекарям ещё не отразилась роковым образом на судьбе доктора Будаха.

Румата замолчал, сдерживая дыхание. Кажется, всё обошлось превосходно. Держись, дон Рэба! Он взглянул на министра – и похолодел. Министр охраны короны несколько не растерялся. Он кивал Румате с ласковой отеческой укоризной. Этого Румата никак не ожидал. Да он в восторге, ошеломлённо подумал Румата. Зато король вёл себя, как ожидалось.

– Мошеник! – заорал он. – Удавлю! Где доктор? Где доктор, я вас спрашиваю?! Молчать! Я вас спрашиваю, где доктор?

Дон Рэба выступил вперёд, приятно улыбаясь.

– Ваше величество, – сказал он, – вы поистине счастливый государь, ибо у вас так много верных подданных, что они порой мешают друг другу в стремлении услужить вам. (Король тупо смотрел на него.) Не скрою, как и всё, происходящее в вашей стране, был мне известен и благородный замысел пылкого дона Руматы. Не скрою, что я выслал навстречу доктору Будаху наших серых солдат – исключительно для того, чтобы уберечь почтенного пожилого человека от случайностей дальней дороги. Не буду я скрывать и того, что не торопился представить Будаха Ируканского вашему величеству...

– Как же это вы осмелились? – укоризненно спросил король.

– Ваше величество, дон Румата молод и столь же неискущён в политике, сколь многоопытен в благородной схватке. (...) И поэтому я счёл необходимым произвести предварительно небольшое расследование. Я бы не стал торопиться, но если вы, ваше величество (низкий поклон королю), и дон Румата (кивок в сторону Руматы) так настаиваете, то сегодня же после обеда доктор Будах, ваше величество, предстанет перед вами, чтобы начать курс лечения.

– А вы не дурак, дон Рэба, – сказал король, подумав. – Расследование это хорошо. Это никогда не мешает. Проклятый ируканец... – Он взвыл и

снова схватился за колено. – Проклятая нога! Так, значит, после обеда? Будем ждать.

И король, опираясь на плечо министра церемоний, медленно прошёл в тронный зал мимо ошеломлённого Руматы. (...)

В ожидании, когда министр церемоний под звуки труб трижды провозгласил «к столу!», Румата стоял в группе придворных и в десятый раз слушал рассказ дона Тамэо о королевском обеде, на котором он, дон Тамэо, имел честь присутствовать полгода назад.

– ...Я нахожу своё кресло, мы стоим, входит король, садится, садимся и мы. Обед идёт своим чередом. И вдруг, представьте себе, дорогие доны, я чувствую, что подо мной мокро... Мокро! Ни повернуться, ни поёрзать, ни пощупать рукой я не решаюсь. Однако, улучив момент, я запускаю руку под себя – и что же? Действительно мокро! Нюхаю пальцы – нет, ничем особенным не пахнет. Что за притча! Между тем обед кончается, все встают, а мне, представьте себе, благородные доны, встать как-то страшно... Я вижу, что ко мне идёт король – король! – но продолжаю сидеть на месте, словно барон-деревенщина, не знающий этикета. Его величество подходит ко мне, милостиво улыбается и кладёт руку мне на плечо. «Мой дорогой дон Тамэо, – говорит он, – мы уже встали и идём смотреть балет, а вы всё ещё сидите. Что с вами, уж не объелись ли вы?» – «Ваше величество, – говорю я, – отрубите мне голову, но подо мной мокро». Его величество изволил рассмеяться и приказал мне встать. Я встал – и что же? Кругом хохот! Благородные доны, я весь обед просидел на ромовом торте! Его величество изволил очень смеяться. «Рэба, Рэба, – сказал, наконец, он, – это всё ваши шутки! Извольте почистить благородного дона, вы испачкали ему седалище!» Дон Рэба, заливаясь смехом, вынимает кинжал и принимается счищать торт с моих штанов. Вы представляете моё состояние, благородные доны? Не скрою, я трясся от страха при мысли о том, что дон Рэба, униженный при всех, отомстит мне. К счастью, всё обошлось. Уверяю вас, благородные доны, это самое счастливое впечатление моей жизни! Как смеялся король! Как был доволен его величество!

Придворные хохотали. Впрочем, такие шутки были в обычае за королевским столом. Приглашённых сажали в паштеты, в кресла с подпиленными ножками, на гусиные яйца. Саживали и на отравленные иглы. Король любил, чтобы его забавляли. (...)

Король затолкал за ворот сероватую салфетку, окинул взглядом блюда и схватил куриную ножку. Едва он впился в неё зубами, как сотня ножей с лязгом опустилась на тарелки и сотня рук протянулась над блюдами. Зал наполнился чавканьем и сосущими звуками, забулькало вино. У неподвижных гвардейцев с двуручными мечами алчно зашевелились усы. Когда-то Румату тошнило на этих обедах. Сейчас он привык. (...)

– Послушайте, Рэба, – сказал вдруг король. – А где же лекарь? Вы обещали мне лекаря после обеда.

– Он здесь, ваше величество, – сказал дон Рэба. – Велите позвать?

– Велю? Ещё бы! Если бы у вас так болело колено, вы бы визжали, как свинья!.. Давайте его сюда немедленно!

Румата откинулся на спинку кресла и приготовился смотреть. Дон Рэба поднял над головой и щёлкнул пальцами. Дверь отворилась, и в залу, не-

Иллюстрации К. Гарина

прерывно кланяясь, вошёл сгорбленный пожилой человек в долгополой мантии, украшенной изображениями серебряных пауков, звёзд и змей. Под мышкой он держал плоскую продолговатую сумку. Румата был озадачен: он представлял себе Будаха совсем не таким. Не могло быть у мудреца и гуманиста, автора всеобъемлющего «Трактата о ядах» таких бегающих выпцветших глазок, трясущихся от страха губ, жалкой, заискивающей улыбки. (...)

– Ну-ка, ну-ка, пойди сюда, лекарь, – сказал король... – Ну давай, голубчик, лечи, чего стоишь...

– Ва-аше величество... со-соизволит показать ножку... Ножку... – услышал Румата. Он поднял глаза.

Лекарь стоял на коленях перед королём и осторожно мял его ногу.

– Э... Э! – сказал король. – Ты что это? Ты не хватай! Взятся лечить, так лечи!

– Мне всё по-понятно, ваше величество, – пробормотал лекарь и принялся торопливо копаться в своей сумке.

Гости перестали жевать. Аристократики на дальнем конце стола даже привстали и вытянули шеи, сгорая от любопытства.

Будах достал из сумки несколько каменных флаконов, откупорил их и, поочерёдно нюхая, расставил в ряд на столе. Затем он взял кубок короля и налил до половины вином. Произведя над кубком пассы обеими руками и прошептав заклинания, он быстро опорожнил в вино все флаконы. По залу распространился явственный запах нашатырного спирта. Король поджал губы, заглянул в кубок и, скривив нос, посмотрел на дона Рэбу. Министр сочувственно улыбнулся. Придворные затаили дыхание. (...)

– Это что, растирать? – спросил король, опасливо кивая на кубок.

– Отнюдь нет, ваше величество, – сказал Будах. Он уже немного оправился. – Это внутрь.

– Вну-утрь? – король надулся и откинулся в кресле. – Я не желаю внутрь. Растирай.

– Как угодно, ваше величество, – покорно сказал Будах. – Но осмелюсь предупредить, что от растирания пользы не будет никакой. (...)

– Ну ладно, с нами бог! — сказал король и поднёс было кубок ко рту, но вдруг так резко отстранил его, что плеснул на скатерть. – А ну, выпей сначала сам! Знаю я вас, ируканцев, вы святого Мику варварам продали! Пей, говорят!

Будах с оскорблённым видом взял кубок и отпил несколько глотков.

– Ну как? – спросил король.

– Горько, ваше величество, – сдавленным голосом произнёс Будах. – Но пить надо.

– На-адо, на-адо... – забрюзжал король. – Сам знаю, что надо. Дай сюда. Ну вот, полкубка вылакал, дорвался...

Он залпом опрокинул кубок. Вдоль стола понеслись сочувственные вздохи – и вдруг все затихло. Король застыл с разинутым ртом. Из глаз его градом посыпались слёзы. Он медленно побагровел, затем посинел. (...)

– Стервец! – сказал он неожиданным басом. – Ты за что меня убил? Мало вас вешали! Чтоб ты лопнул!

Он замолчал и потрогал колено.

– Болит! – прогнусавил он прежним голосом. – Всё равно болит!

– Ваше величество, – сказал Будах. – Для полного излечения надо пить микстуру ежедневно в течение по крайней мере недели...

В горле у короля что-то пискнуло.

– Вон! – взвизгнул он. – Все вон отсюда!

Придворные, опрокидывая кресла, гурьбой бросились к дверям.

– Во-о-он!.. – истошно вопил король, сметая со стола посуду.

Выскочив из зала, Румата нырнул за какую-то портьеру и стал хохотать. За соседней портьерой тоже хохотали – надрывно, задыхаясь, с повизгиванием. (...)

Дон Румата уходит на ночное дежурство в опочивальню принца. Ночью прибегает министр двора с криком: «Будах отравил короля! В городе бунт! Спасайте принца!» Пятнадцать штурмовиков врываются в комнату. Румата падает от удара копьем, но от смерти его спасает металлопластиковая кольчуга. Нападающим удаётся накинуть на него сеть. Румату волокут мимо двери принца, землянин видит ворох окровавленных простыней на кровати и теряет сознание. Через некоторое время Румата приходит в себя, и его отводят в покои дона Рэбы на допрос.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Где и когда происходят описанные в романе события? Какой мир создали вокруг себя люди в Арканаре?
2. Какие явления арканарского общества характеризуют слова «Теперь не уходят из жизни, теперь из жизни уводят»?
3. Кто такой Антон-Румата? Какую миссию он выполняет в Арканаре? В чём сложность его задания?
4. Какие обычаи царят при дворе короля? В каких описаниях выражено отношение героя к придворной жизни?
5. Кто такой дон Рэба? Почему его личность вызывает страх у жителей страны? Как Рэба организывает государственный переворот?

(...) – Вы не дон Румата, – объявил дон Рэба. – Вы самозванец. – Он строго смотрел на Румату. – Румата Эсторский умер пять лет назад и лежит в фамильном склепе своего рода. И святые давно упокоили его мятежную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признаетесь, или вам помочь?

– Сам признаюсь, – сказал Румата. – Меня зовут Румата Эсторский, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

Попробую-ка я тебя немножко рассердить, подумал он. Бок болит, а то бы я тебя поводил за салом.

– Я вижу, что нам придётся продолжать разговор в другом месте, – злое слово сказал дон Рэба.

С лицом его происходили удивительные перемены. Исчезла приятная улыбка, губы сжались в прямую линию. Странно и жутковато задвигалась кожа на лбу. Да, подумал Румата, такого можно испугаться. (...)

– Вы плохо использовали Будаха, – сказал Румата. – Это отличный специалист. Был... – добавил он значительно.

В выцветших глазах что-то мигнуло. Ага, подумал Румата, а ведь Будах-то ещё жив... Он уселся поудобнее и обхватил руками колено.

– Итак, вы отказываетесь признаться, – произнёс дон Рэба.

– В чём?

– В том, что вы самозванец.

– Почтенный Рэба, – сказал Румата наставительно, – такие вещи доказывают. Ведь вы меня оскорбляете!

На лице дона Рэбы появилась приторность.

– Мой дорогой дон Румата, – сказал он. – Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, обыкновенно я никогда ничего не доказываю. Доказывают там, в Весёлой Башне. (...) Посудите сами: зачем мне доказывать то, что я и сам знаю? И потом ведь признание вам ничем не грозит...

– Мне не грозит, – сказал Румата. – Оно грозит вам.

Некоторое время дон Рэба размышлял.

– Хорошо, – сказал он. – Видимо, начать придётся всё-таки мне. Давайте посмотрим, в чём замечен дон Румата Эсторский за пять лет своей загробной жизни в Арканарском королевстве. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

– Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний, – сказал Румата, – но я с интересом вас выслушаю.

Дон Рэба, покопавшись в письменном столе, вытащил квадратик плотной бумаги и, подняв брови, просмотрел его.

– Да будет вам известно, – начал он, приветливо улыбаясь, – да будет вам известно, что мною, министром охраны арканарской короны, были предприняты некоторые действия против так называемых книгочеев, учёных и прочих бесполезных и вредных для государства людей. Эти акции встретили некое странное противодействие. В то время как весь народ в едином порыве, храня верность королю, а также арканарским традициям, всячески помогал мне: выдавал укрывшихся, расправлялся самосудно, указывал на подозрительных, ускользнувших от моего внимания, – в это

самое время кто-то неведомый, но весьма энергичный выхватывал у нас из-под носа и переправлял за пределы королевства самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников. (...) Кем-то была затрачена уйма золота, чтобы помешать свершиться гневу народному в отношении богомерзких шпионов и отравителей, бывших лейб-знахарей его величества. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих опять-таки вспомнить о враге рода человеческого, освободил из-под стражи чудовище разврата и растлителя народных душ, атамана крестьянского бунта Арату Горбатого... – Дон Рэба остановился и, двигая кожей на лбу, значительно посмотрел на Румату.

Румата, подняв глаза к потолку, мечтательно улыбался. Арату Горбатого он похитил, прилетев за ним на вертолёте. На стражников это произвело громадное впечатление. На Арату, впрочем, тоже. А всё-таки я молодец, подумал он. Хорошо поработал.

– Да будет вам известно, — продолжал дон Рэба, — что указанный атаман Арата в настоящее время гуляет во главе взбунтовавшихся холопов по восточным областям метрополии, обильно проливая благородную кровь и не испытывая недостатка ни в деньгах, ни в оружии.

– Верю, — сказал Румата. — Он сразу показался мне очень решительным человеком.

– Итак, вы признаетесь? — сейчас же сказал дон Рэба.

– В чём? — удивился Румата.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

– Я продолжаю, — сказал дон Рэба. — За спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим скромным и неполным подсчётам, потратили не менее трёх пудов золота...

– Одно этого золота достаточно было бы для того, чтобы сжечь вас на костре! — завопил он. — Это дьявольское золото! Человеческие руки не в силах изготовить металл такой чистоты!

Он сверлил Румату взглядом. Да, великодушно подумал Румата, это он молодец. Этого мы, пожалуй, недоумали. И, пожалуй, он первый заметил. Это надо учесть... Рэба вдруг снова погас. В голосе его зазвучали участливые нотки:

– И вообще вы ведёте себя очень неосторожно, дон Румата. Я всё это время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, вы такой задира! Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет! И ни одного убитого... В конце концов из этого могли сделать выводы. (...) Так вот, брат Аба выделил для вашего ареста не самых умелых бойцов, а самых толстых и сильных. И он оказался прав. Несколько вывихнутых рук, несколько отдаленных шей, выбитые зубы не в счёт... и вот вы здесь! А ведь вы не могли не знать, что дерётесь за свою жизнь. Вы мастер. Вы, несомненно, лучший меч Империи. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приёмам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить, зачем дьяволу понадобилось такое условие. (...)

В это время лже-Будах, попробовавший королевского лекарства, на глазах у Руматы умирает с криком: «Обманули! Это же был яд! За что?». Румата понимает,

почему утром Рэба так обрадовался его словам: это был повод подсунуть королю лже-Будаха, ведь из рук своего первого министра король никогда ничего бы не принял.

Румата подошёл к окну. Оно выходило на площадь перед дворцом. Уже занималась заря. В серое небо поднимались дымы пожаров. На площади валялись трупы. А в центре её чернел ровный неподвижный квадрат. Румата вгляделся. Это были всадники, стоящие в неправдоподобно точном строю, в длинных чёрных плащах, в чёрных клобуках, скрывающих глаза, с чёрными треугольными щитами на левой руке и с длинными пиками в правой.

– Пр-рошу! – сказал дон Рэба лязгающим голосом. Он весь трясся. – Смирненные дети господа нашего, конница Святого Ордена. Высадились сегодня ночью в Арканарском порту для подавления варварского бунта ночных оборванцев Ваги Колеса вкупе с возмнившими о себе лавочниками! Бунт подавлен. Святой Орден владеет городом и страной, отныне Арканарской областью Ордена...

Румата невольно почесал в затылке. Вот это да, подумал он. (...)

– Мы ещё не знакомы, – тем же лязгающим голосом продолжал он. – Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в Арканарской области, епископ и боевой магистр раб божий Рэба! (...)

Румата поморщился.

– Немного тише, пожалуйста, – сказал он. – И запомните, Рэба: я лично знаю, что никакой вы не епископ. Я вижу вас насквозь. Вы просто грязный предатель и неумелый дешёвый интриган... – Дон Рэба облизнул губы, глаза его остекленели. Румата продолжал: – Я беспощаден. За каждую подлость по отношению ко мне или к моим друзьям вы ответите головой. Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придётся научиться вовремя убираться с моей дороги. Вы поняли меня? (...)

Дон Рэба уже пришёл в себя. Он утёрся платочком и приятно улыбнулся.

– Я ценю ваше упорство, – сказал он. – В конце концов вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их... Я человек широких взглядов, я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

– Там видно будет, – сказал Румата и пошёл к двери. Ну и слизняк! – подумал он. Тоже мне сотрудищек. Плечом к плечу...

Воспользовавшись данными Рэбой привилегиями, Румата освобождает из тюрьмы лекаря Будаха.

Глава 8

(...) Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во всё чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительны и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благосклонно и даже снисходительно. Прежде всего он извинился перед Руматой за свою вспышку на площади. «Но вы должны меня понять, – говорил он. – Это страшный человек. Это оборотень, который явился на свет только упущением божьим. Я врач, но мне не стыдно признаться, что при случае я охотно умертвил бы его. Я слышал, что король отравлен. И теперь я понимаю, чем он отравлен. (Румата насторожился.) Этот Рэба явился ко мне в камеру и потребовал, чтобы я составил для него яд, действующий в те-

чение нескольких часов. Разумеется, я отказался. Он пригрозил мне пытками – я засмеялся ему в лицо. Тогда этот негодяй крикнул палачей, и они привели ему с улицы дюжину мальчиков и девочек не старше десяти лет. Он поставил их передо мной, раскрыл мой мешок со снадобьями и объявил, что будет пробовать на этих детях все снадобья подряд, пока не найдёт нужное. Вот как был отравлен король, дон Румата...» Губы Будаха начали подёргиваться, но он взял себя в руки. (...)

– Сущность человека, – неторопливо жуя, говорил Будах, – в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть и приспособливаться превращает людей в бессловесных скотов... И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щеку кулачком. Глаза у неё были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

– Вероятно, вы правы, почтенный Будах, – сказал Румата. – Но возьмите меня. Вот я – простой благородный дон (у Будаха высокий лоб пошёл морщинами, глаза удивлённо и весело округлились), я безмерно люблю учёных людей, это дворянство духа. И мне невдомёк, почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадёжно пассивны? Почему вы безропотно даёте себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему вы отрываете смысл своей жизни – добывание знаний – от практических потребностей жизни борьбы против зла?

Будах отодвинул от себя опустевшее блюдо из-под пирожков.

– Вы задаёте странные вопросы, дон Румата, – сказал он... – Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, учёных, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество – благо, а всё зло от знания. Для землешца зло – налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи – добро. Для рабов зло – это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника – алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? – Он грустно оглядел слушателей. – Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счёт ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И всё потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

– Мир всё время меняется, доктор Будах, – сказал Румата. – Мы знаем время, когда королей не было...

– Мир не может меняться вечно, – возразил Будах, – ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше

общество. Как радует глаз эта чёткая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король. Как всё продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! (...)

– Неужели вы серьёзно считаете этот мир совершенным? – удивился Румата. – После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

– Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих.

– Но что же вы всё-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Кира жадно смотрела на него.

– Что ж, – сказал он, – извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и всё, что разделяет людей».

– И это всё? – спросил Румата.

– Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой.

– Бог ответил бы вам: «Не пойдёт это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

– Я бы попросил бога оградить слабых, «Вразуми жестоких правителей», – сказал бы я.

– Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестал улыбаться.

– Накажи жестоких, – твёрдо сказал он, – чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

– Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придётся карать всех, а я не хочу этого.

– Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили всё и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

– И это не пойдёт людям на пользу, – вздохнул Румата, – ибо когда получают они всё даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

– Не давай им всего сразу! – горячо сказал Будах. – Давай понемногу, постепенно!

– Постепенно люди и сами возьмут всё, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

– Да, я вижу, это не так просто, – сказал он. – Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали всё. Впрочем, – он подал-

ся вперёд, – есть ещё одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

– Я мог бы сделать и это... Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах, сморщив лоб, молчал обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо заскрипели подводы. Будах тихо проговорил:

– Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или ещё лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

– Сердце моё полно жалости, – медленно сказал Румата. – Я не могу этого сделать. (...)

Глава 9

Уложив Будаха отдохнуть перед дальней дорогой, Румата направляется к себе в кабинет, где его поджидает разбойник Арата, когда-то спасённый землянином с помощью вертолётца. Арата уверен, что Румата – бог.

(...) Это был профессиональный бунтовщик, мститель божьей милостью, в средние века фигура довольно редкая. Таких щук рождает иногда историческая эволюция и запускает в социальные омуты, чтобы не дремали жирные караси, пожирающие придонный планктон... Арата был здесь единственным человеком, к которому Румата не испытывал ни ненависти, ни жалости, и в своих горячечных снах землянина, прожившего пять лет в крови и вони, он часто видел себя именно таким вот Аратой, прошедшим все ады вселенной и получившим за это высокое право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей... (...)

– И что вы намерены делать? – спросил Румата, опуская глаза.

– Как обычно. Я знаю, что такое Святой Орден: не пройдет и года, как арканарский люд полезет из своих щелей с топорами – драться на улицах. И поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд.

– Вам понадобятся деньги? – спросил Румата.

– Да, как обычно. И оружие... Дон Румата, мне очень нужны молнии, чтобы разбивать крепостные стены. (...)

Трудно быть богом, подумал Румата. Он сказал терпеливо:

– Что вы собираетесь делать с молниями?

– Я выжгу золочёную сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать их и поддерживать. Можете не беспокоиться – ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобождённые рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их.

– Нет, – сказал Румата. – Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... (Арата слушал, уронив голову на грудь.) – Румата стиснул пальцы. – Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймёте его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны; и если вы погибнете, если молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда даже мне страшно подумать, чем это может кончиться... (...)

Румата ощущал странное чувство болезненной раздвоенности. Он знал, что прав, и тем не менее эта правота странным образом унижала его перед Аратой. Арата явно превосходил его в чём-то, и не только его, а всех, кто незваным пришёл на эту планету и полный бессильной жалости наблюдал страшное кипение её жизни с разреженных высот бесстрастных гипотез и чужой здесь морали. И впервые Румата подумал: ничего нельзя приобрести, не утратив, – мы бесконечно сильнее Араты в нашем царстве добра и бесконечно слабее Араты в его царстве зла...

– Вам не следовало спускаться с неба, – сказал вдруг Арата. – Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам.

– Это не так, – мягко сказал Румата. – Во всяком случае, мы никому не вредим.

– Нет, вы вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды...

– Кому?

– Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а теперь вы сделали так, что я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вёл каждый бой так, словно это мой последний бой. А теперь я заметил, что берегу себя для других боёв, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие... Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите. Либо дайте нам ваши молнии, или хотя бы вашу железную птицу, или хотя бы просто обнажите ваши мечи и встаньте во главе нас. (...)

– Молчите? – сказал Арата. Он отодвинул от себя тарелку и смёл рукавом рясы крошки со стола. – Когда-то у меня был друг, – сказал он. – Вы, наверное, слышали – Вага Колесо. Мы начинали вместе. Потом он стал бандитом, ночным королём. Я не простил ему измены, и он знал это. Он много помогал мне – из страха и из корысти, – но так и не захотел никогда вернуться: у него были свои цели. Два года назад его люди выдали меня дону Рэбе... – Он посмотрел на свои пальцы и сжал их в кулак. – А сегодня утром я настиг его в Арканарском порту... В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину – это всегда наполовину враг. – Он поднялся и надвинул капюшон на глаза. – Золото на прежнем месте, дон Румата?

– Да, – сказал Румата медленно, – на прежнем.

– Тогда я пойду. Благодарю вас, дон Румата.

Он неслышно прошёл по кабинету и скрылся за дверью.

Румата обещает Кире увезти её далеко от ужасов Арканара. Неожиданно у дверей дома появляются штурмовики. Румата уверен в своём превосходстве, хватается за меч, но в этот момент стрелой из арбалета смертельно ранят Киру. Румата, понимая, что штурмовики явились по приказу Рэбы, мечом прокладывает себе дорогу во дворец, пренебрегая правилами миссии. Патрульный дирижабль коллег-разведчиков сбрасывает на город шашки с усыпляющим газом, и Румату-Антону отправляют на Землю.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Как и зачем землянин спасает доктора Будаха? В чём смысл дискуссии между Антоном и доктором Будахом о развитии гуманной цивилизации?
2. Почему мятежник Арата после разговора с Руматой советует ему покинуть планету? В чём различия их взглядов?
3. Какие нравственные качества воплощены в образах лекаря Будаха и мятежника Араты?

4. Какие моральные качества проявляет Антон? Каким жизненным ценностям он отдаёт предпочтение?

5. Почему идея «прогрессорства» потерпела неудачу в Арканаре?

6. **Подискутируйте!** Может ли кто-то исправить ситуацию в Арканаре? Может ли «прогрессор» изменить развитие цивилизации?

7. **Работа в группах.** Выполните задания:

А. Озаглавьте прочитанные главы;

Б. Определите, кто, по вашему мнению, в романе создаёт цивилизацию, а кто её разрушает, сформулируйте свои аргументы;

В. Объясните, в чём символический смысл названия романа;

Г. Поясните смысл афоризмов из романа:

1. Друг наполовину – это всегда наполовину враг. 2. Мир не может меняться вечно. 3. Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается.

8. Рассмотрите иллюстрации к роману (с. 273). Почему художник обратился к графике и отказался от цвета? Обоснуйте своё мнение.

9. **Творческое задание.** Составьте устное высказывание по теме «Трудно быть богом – легко ли быть человеком?».

Бунт против обыденности

В ранних произведениях Максима Горького разрушительной критике подвергаются скука и «обыкновенность» жизни обывателя. Человеку, который не живёт, а прозябает, Горький противопоставляет личность, свободную от рабской покорности обстоятельствам.

Кадры из кинофильма «Табор уходит в небо»
(режиссёр Э. Лотяну, 1975)

Яркие и неординарные герои обусловили интерес кинематографистов к ранним рассказам Горького. В 1975 г. вышел в прокат фильм молдавского режиссёра Э. Лотяну «Табор уходит в небо», снятый по мотивам рассказов «Макар Чудра» и «Старуха Изергиль». В фильме звучала цыганская народная музыка, которую обработал в современном ключе композитор Е. Дога. Кинофильм пользовался большой популярностью.

Мультипликационный фильм «Легенда о пламенном сердце» был создан на студии «Киевнаучфильм» (Творческое объединение художественной мультипликации) по мотивам рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль» режиссёром И. Гурвич в 1967 г. Текст звучит «за кадром». Первая часть мультфильма выполнена в мрачных серых тонах, но когда Данко вырывает из груди пылающее сердце, появляется красный и оранжевый цвета. В финале исчезают яркие тона – так передаётся промытый грозой свежий воздух: люди, вырвавшиеся из леса и болот обрели свободу.

1. Видели ли вы фильм «Табор уходит в небо»? Расскажите о своих впечатлениях.
2. Приведите свои доводы, объясняющие популярность фильма.
3. Как вы думаете, почему мультфильм «Легенда о пламенном сердце» называется именно так, а не «Легенда о горящем сердце» или «Легенда о пылающем сердце»?

Маленький принц продолжает своё путешествие

Песню «Маленький принц» (муз. М. Таривердиева, сл. Н. Добронравова) – «Кто тебя выдумал, звёздная страна?.. – исполняют часто, но наиболее задушевно её поёт Е. Камбурова. Песня с таким же названием есть в репертуаре А. Дольского, ветерана бардовской песни, который сам написал слова и музыку.

Мюзикл «Маленький принц» французского композитора Р. Коччанте, который выступил одновременно и режиссёром спектакля, идёт на сценах многих стран с 2002 г.

«Маленький принц». Сцена из мюзикла
(композитор и режиссёр Р. Коччанте)

1. **Творческая работа.** Воспользуйтесь Интернетом и послушайте песни «Маленький принц» М. Таривердиева в исполнении Е. Камбуровой и А. Дольского. Выберите одну из песен и напишите отзыв.
2. Воспользуйтесь Интернетом и посмотрите мюзикл «Маленький принц» композитора Р. Коччанте. На каких идеях писателя акцентируют внимание создатели спектакля? Поделитесь впечатлениями от увиденного с одноклассниками.

Существует несколько кино- и мультипликационных экранизаций «Маленького принца»: большинство из них приближены к сюжету сказки А. де Сент-Экзюпери. Немецко-австрийский одноимённый мультфильм (режиссёр Т. Керп, 1990 г.) воспроизводит рисунки самого писателя. Последняя по времени создания лента снята мультипликаторами Франции и Германии 2010 г. (режиссёр П. Чартьер) предлагает несколько иную версию приключений героя: Маленький принц путешествует по Вселенной вместе со своим другом Лисом. Цель этого путешествия – преодоление жизненных проблем на разных планетах.

Кадр из мультфильма «Маленький принц» (режиссёр *Т. Керп*, 1990)

Кадр из мультфильма «Маленький принц» (режиссёр *П. Чартьер*, 2010)

1. Воспользуйтесь Интернетом и посмотрите мультфильм «Маленький принц» режиссёра П. Чартьера. Выскажите своё отношение к необычному прочтению произведения.
2. Сравните мультфильмы режиссёра Т. Керпа (1990), П. Чартьера (2010) и японских мультипликаторов режиссёров Т. Канда и Ё. Ясухико (1978–1979) «Приключения Маленького принца». Какой из них вам понравился больше всего? Почему?

Благодарные французы поставили в Лионе (см. с. 240 учебника) памятник писателю-лётчику и его любимому герою Маленькому принцу (скульптор *К. Гуйобе*).

Маленький принц
(скульптор *В. Наконечный*)

Есть памятник Маленькому принцу и в Киеве (скульптор *К. Скратуцкий*). Чтобы увидеть его, нужно прийти на Пейзажную аллею. Здесь вы сможете встретиться с путешественником, который учит нас зоркости сердца. Памятник Маленькому принцу есть также в Днепре (скульптор *В. Наконечный*).

1. **Пофантазируйте!** Если бы вы были скульптором, какой памятник Маленькому принцу вы бы создали?
2. Как вы думаете, в каком виде искусства – кино, музыка, живопись, театр, танец – можно наиболее полно передать творческий замысел А. де Сент-Экзюпери? Аргументируйте свою точку зрения.

Взгляд в будущее

Фантастика всегда привлекала мастеров кино: применение технических новшеств позволяло снимать картины яркие и зрелищные. По роману «Трудно быть богом» в 1989 г. немецкий режиссер П. Фляйшман снял одноимённый фильм. Картина была международным проектом, в котором участвовали ФРГ, СССР, Франция и Швейцария. В фильме, как и в книге Стругацких, подразумевается, что на Земле давно наступила эпоха разума. Прогрессоры с Земли хотят понять мир Средневековья, чтобы лучше разобраться в собственной истории и самих себе. Участники экспедиции желают арканарцам добра, но вскоре понимают: либо они активно вмешаются в жизнь иной планеты (от чего земляне отказались с самого начала), либо им нужно её покинуть. И они останавливаются именно на последнем решении. Ведь каждая планета, каждый народ имеют право на свою историю, а не полученную свыше от «братьев по разуму». Позиция «невмешательства» оказалась непосильной для самих носителей гуманистических традиций.

Кадры из кинофильма «Трудно быть богом» (режиссёр П. Фляйшман, 1989)

В 2013 г. на экраны вышла новая экранизация романа. Работа над картиной продолжалась более 10 лет и завершилась уже после кончины её режиссёра – А. Германа-старшего.

По произведениям братьев Стругацких снято множество фильмов: «Отель “У погибшего альпиниста”», «Космические пришельцы», «Чародеи», «Миллиард лет до конца света», «Письма мёртвого человека», «Малыш», «Дни затмения», «Гадкие лебеди», «Обитаемый остров» и др. Но, пожалуй, самый значительный из всех – это фильм замечательного режиссёра Андрея Тарковского «Сталкер» по повести «Пикник на обочине». Образованное от английского корня слово *сталкер* (проводник, ориентирующийся в различных запретных и малоизвестных местах) вошло в русский язык.

S.T.A.L.K.E.R. – торговая марка, принадлежащая украинской компании, которая выпустила серию компьютерных игр, созданных на основе произведений братьев Стругацких.

1. Посмотрите фильм режиссёра П. Фляйшмана «Трудно быть богом». Сравните, как история и современность воплощаются средствами литературы и кино.
2. В чём секрет популярности фантастических сюжетов у кинематографистов и разработчиков компьютерных игр?

1. Охарактеризуйте образ рассказчика в произведениях Максима Горького «Старуха Изергиль» или «Макар Чудра». С какой целью в произведение введён этот образ?

2. Охарактеризуйте «осторожного человека», который загасил горящее сердце Данко, наступив на него ногой.

3. Какой аллегорический смысл заключается в сказке «Маленький принц» Сент-Экзюпери? Раскройте иносказательные значения образа Маленького принца.

4. **Подискутируйте!** А. де Сент-Экзюпери высказывает мысль об ответственности за свои поступки как основе человеческих отношений. Согласны ли вы с писателем?

5. В чём сходство и различия между романом Стругацких «Трудно быть богом» и рассказом Р. Брэдбери «Улыбка»? Каким изображается человеческое общество? Носителями каких ценностей являются люди? Что для них главное в жизни?

6. Прочитайте афоризмы из произведений братьев Стругацких. С какими из них вы согласны, а с какими – нет? Почему? Запишите свои аргументы.

1. *Никогда не теряй терпения – это последний ключ, открывающий двери.*

2. *Суди сам себя. Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.* 3. *Спасение в том, чтобы сделать первый шаг. Ещё один. С него-то всё и начинается заново.* 4. *Может лучше не уничтожать зло, а растить добро?*

7. **Работа в группах.** Подготовьте сообщение о фильме, снятом по мотивам произведений братьев Стругацких. Обязательно расскажите о своих впечатлениях:

А. «Отель “У погибшего альпиниста”»;

Б. «Чародеи»;

В. «Письма мёртвого человека»;

Г. «Обитаемый остров»;

Д. «Сталкер».

8. **Творческая работа.** Рассмотрите репродукции картин британского художника Б. Пеннингтона. Составьте письменное рассуждение, начните его так: «Если бы я готовил к переизданию роман А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом», то в качестве иллюстраций использовал (не использовал) репродукции картин Б. Пеннингтона, потому что...»

Работы Б. Пеннингтона